

Саратовский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского

АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ СТЕПИ

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 9

Саратов, 2012

УДК 902 (470.4/.5) | 631/653 | (082)
ББК 63.4 (235.5) я43
А 87

А87 Археология Восточно-Европейской степи: Межвуз. сб. науч. тр.
/ Под ред. доц. В.А. Лопатина – Саратов.: Изд-во Саратовского государственного университета, 2012. Вып. 9. – 204 с.
ISSN 2305-3437

Кафедра историографии, региональной истории и археологии Саратовского государственного университета продолжает выпускать научный сборник Археология Восточно-Европейской степи. В сборнике представлены научные статьи авторов Санкт-Петербурга, Саратова, Балашова, Самары по проблемам археологии неолита – позднего средневековья, в которых рассматриваются вопросы периодизации и хронологии, хозяйства, социальной структуры древних обществ. Значительное внимание уделяется публикациям новейших материалов из раскопок на территории степной Евразии. Сборник рекомендуется специалистам – археологам, историкам, краеведам, музейным работникам и всем интересующимся древнейшей историей Нижнего Поволжья.

Редакционная коллегия

доц. В.А. Лопатин (отв. редактор),
доц. А.Б. Мальшев (отв. секретарь),
доц. Н.М. Малов (зам. отв. редактора, научный координатор),
А.И. Жемков (технический редактор)
ст.науч.сотр. ИИМК РАН (С.-Петербург) В.С. Бочкарев,
проф. А.С. Скрипкин (Волгоградский государственный университет)

*Печатается по решению Ученого совета Института истории
и международных отношений
Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского
(издательский план 2012 года).*

УДК 902 (470.4/.5) | 631/653 | (082)
ББК 63.4 (235.5) я43

ISSN 2305-3437

© Саратовский государственный
университет, 2012
© Васильева И.Н., Мимоход Р.А.
и др. авторы, 2012

СТАТЬИ

Васильева И.Н.

ТЕХНОЛОГИЯ КЕРАМИКИ ВАРФОЛОМЕЕВСКОЙ СТОЯНКИ

В статье подведены итоги изучения гончарной технологии неолитического населения, оставившего уникальную стратифицированную Варфоломеевскую стоянку. Памятник расположен в Саратовской области, в левобережье Волги, в районе среднего течения р. Малый Узень. В течение ряда лет она исследовалась А.И. Юдиным [Юдин, 2004; 2006]. На стоянке вскрыто свыше 400 кв. м при толщине культурного слоя более 2 м. Датировка памятника, отнесенного к орловской неолитической культуре: средний и поздний неолит, в верхнем слое представлены также материалы раннего энеолита. Культурный слой состоял из 4 литологических слоев: верхнего неолитического (слой 1), и трех неолитических - двух средних (2А и 2Б) и нижнего (слой 3). Слои 2Б и 2А относятся к двум этапам позднего неолита, а нижний слой 3 - к среднему периоду неолита. Некоторые участки культурного слоя разделяются на указанные слои довольно четко. Однако значительная его часть повреждена при сооружении позднейших жилищ, при котором наиболее пострадал нижний слой 3. Различное состояние слоев стоянки обусловило неравномерность выборки керамики из них для технико-технологического анализа.

Всего микроскопическому изучению было подвергнуто 315 образцов: несколько развалов сосудов, в основном же фрагментов верхних и придонных частей отдельных сосудов. Из слоя 3 происходят - 33; из слоя 2Б - 27; из слоя 2а - 187; из слоя 1 - 23; из слоя, содержащего остатки 2Б - 2а, - 29; из перемешанного слоя, в котором встречались предметы практически всех выделенных стратиграфических слоев - 16 образцов¹. Рисунки некоторых фрагмен-

¹ Выражаю искреннюю благодарность А.И. Юдину за предоставленную возможность поработать с данной коллекцией и оказанную им помощь в группировке исследованных образцов керамики по стратиграфическим слоям.

тов керамики, использованных для технико-технологического анализа, представлены в статье² (рис. 1–6).

Исследование выполнялось в рамках историко-культурного направления изучения древней керамики и базировалось на разработанной А.А. Бобринским методике технико-технологического анализа (бинокулярной микроскопии, трасологии и эксперименте в виде физического моделирования) [Бобринский, 1978; 1999]. Задачи исследования: реконструкция навыков труда и культурных традиций в изучаемом гончарстве, а также привлечение технологической информации в качестве источника по истории древнего населения. Объектами изучения выступают технологические следы на сосудах, указывающие на применение гончарами определенных приемов работы. Основой для их идентификации являются сведения, полученные в ходе предшествующих исследований, а также база эталонов, изготовленная в полевых и лабораторных условиях, хранящаяся в керамической лаборатории ИИАП (Самара) [Васильева, Салугина, 1999].

В результате проведенного исследования было установлено, что изготовление керамики всех стратиграфических слоев стоянки происходило в рамках *простого варианта* структуры гончарной технологии, состоящего из 10 обязательных и 1 дополнительной (орнаментирование) ступеней производства [Бобринский, 1999. С. 11]. Все изученные сосуды сделаны без использования гончарного круга и специализированных обжиговых устройств, что свидетельствует о *домашнем* характере гончарного производства, направленного на удовлетворение нужд каждого отдельного домохозяйства. Исходя из этого, морфологическая группировка керамического материала не производилась, а керамика изучалась в рамках стратиграфических слоев.

Выделение информации в ходе изучения керамики Варфоломеевской стоянки и изложение его результатов в данной статье производились в соответствии с *естественной структурой гончарного производства*, включающей три стадии: *подготовительную, созидательную и закрепительную* [Бобринский, 1999. С. 9–11]. Ниже представлены итоги исследования гончарной технологии населения Варфоломеевской стоянки, сгруппированные по вышеназванным стадиям гончарного производства.

1. *Подготовительная стадия*. В ее рамках анализируется вид и характер исходного пластичного сырья (ИПС), традиции его отбора и обработки, а также рецептура *формовочных масс* (ФМ). К настоящему времени в результате многолетнего исследования неолитической керамики Поволжья и сопредельных районов, а также экспериментальных работ выделены три вида ИПС, использование которых зафиксировано в древнейшем гончарстве изучаемого региона: 1) илы; 2) илистые глины; 3) глины. Подробная характеристика видов пластичного сырья и аргументация их выделения опубликованы [Васильева, 1994; 1999; 2002; 2006; 2008; 2010; Бобринский, Васильева, 1998]. Кратко напомню, что *илы* это вязкие, водонасыщенные, неуплотненные илистые осадки, располагавшиеся в прибрежных участках водоемов, современных древним коллективам. В состав илов, кроме глинистого субстрата, входят нитчатые водоросли; остатки сгнивших водных растений и водной фауны

² В статье использована прорисовка сосудов, произведенная А.И. Юдиным.

(кости и чешуя рыб); обломки раковин пресноводных моллюсков и другие обитатели ила. Для илов характерно довольно большое содержание железистых соединений, а также часто оолитовых глинистых комочков. *Илистые глины*, по-видимому, также были приближены к водоемам, но связаны с другими условиями образования – с береговыми участками, уже более уплотненными залежами пластичного сырья. Их качественный состав ближе к глинам, но сохраняет некоторые особенности илов, а именно их органический и органно-минеральный компоненты, только в сильно измельченном перегнившем виде и в значительно меньшей концентрации. *Глины* – осадочные горные породы, источники которых могут быть приурочены как к берегам водоемов, так и к удаленным от них районам. Основным отличием глин от илов и илистых глин является полное отсутствие в них остатков водной и околородной растительности, а также водной фауны. Преобладающая часть залежей глин не содержит обломков раковин пресноводных моллюсков.

Микроскопическое исследование керамики Варфоломеевской стоянки показало, что для ее изготовления использовались все три вида ИПС (рис. 7–9). Ниже дана краткая характеристика этих видов сырья с указанием особенностей, присущих керамике данной стоянки.

Илы – в качестве сырья в варфоломеевском гончарстве использовались илы, преимущественно слабозапесоченные, содержащие пылевидный песок (с размером частиц менее 0,1 мм). Лишь небольшая часть данного сырья содержала более крупный песок (до 0,5 мм). Всего 2 сосуда из слоя 2а – 2б были изготовлены из среднезапесоченного ила, концентрация песка (с размером частиц до 0,5 мм) в котором достигала 1:4–5. К естественным минеральным примесям илов относятся оолитовые плотные глинистые комочки размером 1–2 мм и конкреции полупрозрачного серого минерала размером до 2 мм. Эти примеси встречены в небольшой части образцов. Обращает на себя внимание незначительное содержание в илистом сырье железистых включений, представленных оолитовыми и аморфными частицами размером менее 1 мм. В качестве постоянной естественной примеси присутствовали обломки раковин пресноводных моллюсков в небольшой, средней и большой концентрации [Васильева, 1999; 2002]. Фрагменты улиток и двустворок – в основном окатанные, хотя встречались и остроугольные. Преобладал белый, коричневатый цвет раковины, без перламутра. Размер частиц раковины был менее 1–2 мм, иногда достигая 6–7 мм. Своеобразием состава раковинной примеси керамики Варфоломеевской стоянки является почти полное отсутствие целых мелких раковинок брюхоногих моллюсков, столь характерных для неолитической североприкаспийской керамики. Целые мелкие улитки были обнаружены лишь в двух сосудах, изготовленных из ила и илистой глины (рис. 8, 3). Характерной особенностью илов является значительная насыщенность растительностью околородного и водного происхождения (рис. 8, 1–2, 4). В варфоломеевской керамике остатки растительности содержатся, в основном, в средней концентрации, хотя встречены образцы с большой концентрацией данной примеси. Как известно, в североприкаспийской неолитической керамике преобладает большая концентрация [Васильева, 1999]. Растительность представлена отпечатками и углефицированными остатками фрагментов стеблей, листьев, детрита и нитчатых водорослей длиной до 5–

6 мм. В илах единично встречались кости и чешуя рыб размером до 3 мм. *Илистые глины* – для данного вида ИПС характерно некоторое увеличение доли использования среднезапесоченных глин. В небольшой части илистых глин было отмечено так же, как и в илах, наличие плотных глинистых комочков и конкреций серого полупрозрачного минерала. Присутствие в илистых глинах естественной раковины фиксировать затруднительно, т.к. с переходом к данному виду ИПС формировалась традиция добавки искусственно введенной дробленой раковины. Однако, судя по наличию в черепках окатанных коричневатых обломков «старой» раковины можно предполагать, что часть илистых глин содержала небольшое количество естественной ракушки. Растительность содержится в илистых глинах в единичной и небольшой концентрации. Она состоит, в основном, из включений детрита размером менее 1 мм и нитевидных растений, которые встречаются иногда в виде переплетенных сгустков на площади 3 x 4 см (рис. 9, 1–3). Число обнаруженных включений костей и чешуи рыб в илистых глинах в целом меньше, чем в илах. *Глины* – представлены слабозапесоченными и реже среднезапесоченными железненными глинами без каких-либо своеобразных естественных включений.

Таблица 1. Виды исходного пластичного сырья (ИПС) керамики Варфоломеевской стоянки

слои	Виды исходного пластичного сырья									Итого:
	илы				илистые глины			глины		
	НЗ	СЗ	целые улитки	чешуя кости рыб	НЗ	СЗ	чешуя кости рыб	НЗ	СЗ	
3	7	-	1	1	22	4	-	-	-	33
2б	4	-	-	1	14	3	-	6	-	27
2а	31	-	1	6	94	6	9	54	2	187
2а-2б	3	2	-	2	13	2	-	8	1	29
1	-	-	-	-	10	-	-	12	1	23
перемешанный	1	-	-	1	11	-	1	4	-	16
Всего:	46	2	2	11	164	15	10	84	4	315

Условные обозначения: НЗ – незапесоченное (слабозапесоченное) сырье; СЗ – среднезапесоченное сырье; ед. измерения – образец (отдельный сосуд). В столбцах «целые улитки» и «чешуя, кости рыб» указано количество образцов, в которых были зафиксированы данные включения.

Таблица 2. Распределение видов исходного пластичного сырья по стратиграфическим слоям Варфоломеевской стоянки

Слой	Виды исходного пластичного сырья (ИПС)			Итого:
	илы	илистые глины	глины	
3	7/21%	26/79%	-	33/100%
2б	4/15%	17/63%	6/22%	27/100%
2а	31/17%	100/53%	56/30%	187/100%

2а-2б	5/17%	15/52%	9/31%	29/100%
1	-	10/43%	13/57%	23/100%
перемешанный	1/6%	11/69%	4/25%	16/100%
Всего:	48/15%	179/57%	88/28%	315/100%

Данные о навыках отбора ИПС, полученные в результате микроскопического изучения керамики Варфоломеевской стоянки и представленные в таблицах 1–2, свидетельствуют об использовании варфоломеевскими гончарами трех видов пластичного сырья: илов, илистых глин и глин. В составе всех видов ИПС преобладало слабозапесоченное сырье. Традиции отбора среднезапесоченного ИПС были единичными. Запесоченные виды сырья, характерные, например, для елшанского гончарства, вообще не применялись. Таблицы 1–2 демонстрируют: 1) наибольший процент сосудов, изготовленных из илов, в нижнем 3 слое (21%); 2) отсутствие в этом слое среднего неолита керамики, сделанной из глин; 3) полное изживание традиции использования илов к переходному периоду от позднего неолита к энеолиту (слой 1); 4) появление глин в варфоломеевском гончарстве уже на раннем этапе позднего неолита (слой 2б) и 5) довольно устойчивое преобладание в общем объеме ИПС илистых глин, доля которых лишь немного уменьшилась к эпохе энеолита.

На ступени обработки ИПС выявляются признаки состояния сырья (сухого или влажного), в котором оно находилось непосредственно перед составлением формовочной массы, а также вероятных приемов подготовки сырья: высушивания, дробления, просеивания и т.д. Уровень методики позволяет сегодня фиксировать состояние сырья, дробленого в сухом виде (по не растворившимся комочкам глины, линзам разной цветности и др.). Отсутствие таких признаков в основной массе керамического материала Варфоломеевской стоянки дает возможность говорить об использовании сырья в увлажненном состоянии. Вместе с тем, в единичных образцах керамики, изготовленной из илистых глин, были зафиксированы не растворившиеся глинистые комочки размером до 4 мм и «линзообразные» потеки чистой глины, что может свидетельствовать о применении приемов дробления сырья в сухом состоянии.

Последней ступенью *подготовительной стадии* гончарной технологии является составление формовочной массы (ФМ). Микроскопическое изучение керамики Варфоломеевской стоянки выявило следующие искусственные добавки: органические растворы (ОР) и дробленую раковину (ДР). *Органические растворы (ОР)* – предположительно, клеящие природные жидкие вещества растительного и животного происхождения. После сушки и термической обработки они оставили в черепке варфоломеевской керамики щелевидные плоскостные и аморфные объемные полости размером в среднем от 1 мм до 1 см. На стенках этих пустот зафиксирован налет вещества определенной плотности и цвета: 1) белый паутинообразный; 2) коричневатого-черный маслянистый (иногда с «нефтяными» радужными участками); 3) желтовато-ржавый густой; 4) черный стекловидный. В некоторых сосудах зафиксированы следы пропитки подобными жидкими веществами мелких пор на участках излома черепка площадью до 1–2 кв. см. Выявлены также случаи, когда

налет лежал плотным слоем на спаях между строительными элементами, что может быть объяснено только специальным смазыванием поверхности лоскутков. *Дробленая раковина* (ДР) – органно-минеральная искусственная примесь, представляющая собой порошок из раздробленных раковин пресноводных моллюсков. Выявление естественного или искусственного характера раковинной примеси в керамике является методически сложной проблемой. Однако в последние годы она успешно решается: достаточно четко выделены признаки того и другого состояния раковины, предложены методы определения концентрации данной примеси и т.д. [Салугина, 1994; Васильева, 2002; Салугина, 2006]. По итогам изучения керамики Варфоломеевской стоянки можно предполагать, что традиция введения искусственной примеси дробленой раковины формировалась в течение весьма длительного периода перехода на новый вид ИПС (илистые глины) в рамках гончарства, основанного на илах. Возможно, некоторые залежи илистых глин содержали существенно меньшее количество ракушки, чем илы. Поэтому для придания массам из них привычных свойств и внешнего вида традиционного илистого сырья стала добавляться искусственная примесь раковины. Надо отметить, что состав раковинной добавки в неолитической керамике разнообразен. В него входят фрагменты улиток и, в основном, двустворок; остроугольных частиц больше, чем окатанных; преобладает серый цвет обломков раковины, хотя встречается и белый; часто сохраняется перламутр. По-видимому, в гончарстве использовались остатки раковин, которые употреблялись в пищу (сваренные или подогретые на углях), и специальной процедуры подготовки этой искусственной примеси долго не существовало. Лишь к эпохе энеолита сформировалась устойчивая традиция ее специальной предварительной подготовки: нагревания (томления) на углях до состояния, когда раковина приобретает перламутровый пепельно-серый цвет и становится очень податливой для разминания руками.

Таблица 3. Итоги изучения рецептов формовочных масс (ФМ) керамики Варфоломеевской стоянки

ИПС	Рецепты формовочных масс							Итого:
	б/пр	ОР пуст.	ОР проп.	ДР _{ср} +ОР	ДР _{б/к} +ОР	ДР _{ср.}	ДР _{б/к}	
Слой 3								
илы	-	5	2	-	-	-	-	7
ИГ		1	-	6	19	-	-	26
Слой 2б								
илы	-	4	-	-	-	-	-	4
ИГ	-	-	-	1	16	-	-	17
глины	-	-	-	1	5	-	-	6
Слой 2а								
илы	9	14	8	-	-	-	-	31
ИГ	-	4	1	17	75	1	2	100
глины	-	-	-	4	52	-	-	56
Слой 1								
ИГ	-	-	-	2	7	-	1	10
глины	-	-	-	1	12	-	-	13

Слой 2а – 2б								
илы	-	2	3	-	-	-	-	5
ИГ	-	-	2	6	7	-	-	15
глины	-	1	-	-	7	-	1	9
Перемешанный слой								
илы	-	1	-	-	-	-	-	1
ИГ	-	-	-	1	9	-	1	11
глины	-	-	-	1	3	-	-	4
Всего:	9	32	16	40	212	1	5	315

Условные обозначения: ИГ – илистые глины; б/пр. – без искусственных примесей; ОР – органические растворы; ОР пуст. – пустоты; Ор проп. – пропитка; ДР – дробленая раковина; ср. – в средней концентрации; б/к – в большой концентрации; ед. измерения – образец, отдельный сосуд.

Характеризуя в целом навыки труда на подготовительной стадии, можно выделить следующие отличительные черты варфоломеевского гончарства: 1) одновременное использование илов, илистых глин и глин; тенденцию изживания традиции отбора илистого сырья и переход к илистым глинам и глинам, с преимущественным распространением в период существования данного памятника именно илистых глин; 2) отбор слабозапесоченного железного пластичного сырья; 3) увлажненное состояние ИПС непосредственно перед составлением ФМ и незначительное распространение приемов дробления илистых глин в сухом состоянии; 4) применение в качестве искусственных примесей органических растворов и дробленой раковины (первоначально в гончарстве использовались кухонные остатки, а впоследствии появились приемы специальной подготовки раковины: термическая обработка при низких температурах, дробление, просеивание).

2. *Созидательная стадия.* На данной стадии гончарной технологии рассматриваются вопросы конструирования сосудов (начинов,полого тела), формообразования и приемов обработки поверхностей. Из-за фрагментарности керамического материала Варфоломеевской стоянки сведения об этой сфере гончарного производства немногочисленны.

Изучение керамики из слоя 3, изготовленной из илов и илистых глин, выявило одинаковые приемы изготовления сосудов: комковатый лоскутный налеп, а именно размазывание небольших лепешкообразных строительных элементов размером не более 2 см, что фиксируется по многослойности в поперечных и продольных изломах черепка [Васильева, Салугина, 2010]. Такой способ конструирования предполагает применение форм-моделей, однако тщательная обработка поверхностей сосудов не оставила следов этих приспособлений. У 4 сосудов выявлены признаки зонального лоскутного налепа, т.е. сосуды, по-видимому, более крупных размеров изготавливались поэтапно, с выравниванием верхнего края. В одном случае зафиксировано применение выбивания как способа придания окончательной формы сосуду. Обработка поверхностей сосудов производилась путем тщательного уплотнения – лощения по сухой, смоченной перед данной операцией, основе. К настоящему времени поверхность большей части сосудов утратила матовый блеск, присутший лощеным сосудам. Он сохранился только у одного сосуда.

Следует отметить 2 случая окрашивания сосудов красной краской, по-видимому, во время лощения.

Способы конструирования керамики из слоя 2б аналогичны вышеописанным. Можно лишь отметить увеличение сосудов, изготовленных зональным лоскутным налепом. Удалось зафиксировать высоту верхней зоны сосуда – 5–6 см. При изучении внешней поверхности одного сосуда из ила были выявлены длинные статические отпечатки узких листьев (осоки?), которые, возможно, использовались для укрепления формовочной массы при конструировании. Подобный способ был известен в неолитическом гончарстве Северного Прикаспия [Васильева, 1999]. На внутренней поверхности одного сосуда из глины зафиксированы нечеткие отпечатки веревочки, что может свидетельствовать об использовании формы-основы. Самым распространенным приемом обработки поверхностей было лощение по сухой, смоченной перед данной операцией, основе. У двух сосудов выявлено полосчатое лощение внутренней поверхности по подсушенной основе [Бобринский, 1978. С. 223]. Участились случаи заглаживания внешней поверхности твердым предметом с последующим частичным лощением (3 образца). Внутренняя поверхность сосудов, как правило, обрабатывалась твердыми предметами и мягкими материалами (кожей?) и затем фрагментарно подвергалась уплотнению-лощению. В одном случае зафиксировано применение в качестве орудия заглаживания – деревянного ножа с гребенчатым рабочим краем. Днище одного сосуда из глины было подвергнуто заглаживанию щепой.

Выборка керамики из слоя 2а значительно представительнее остальных, поэтому число наблюдений за приемами ее конструирования больше. Способы изготовления сосудов из *илистого сырья* оставались традиционными: комковатый лоскутный налеп (размазывание небольших «лепешек» из формовочной массы на формах-моделях). У 5 сосудов выявлено применение более крупных строительных элементов: 4 x 4 см, в одном случае – до 6 см. Три сосуда сделаны с помощью спиралевидного лоскутного налепа, при котором наращивание комков производилось более упорядоченно и организованно – по спиралевидной траектории. Изучение двух днищ показало распространение донно-емкостной программы конструирования начинков. Формообразование, как уже говорилось, было связано с формами-моделями. Отпечатки растительных волокон обнаружены у 3 сосудов, а 4 сосуда имели статические отпечатки волос, что может свидетельствовать о применении прокладок из шкур животных. Четыре сосуда обнаружили признаки выбивания по внешней поверхности. Приемы обработки поверхностей: заглаживание твердыми предметами и мягкими материалами с последующим лощением по сухой основе. Следует отметить, что лощение осуществлялось после орнаментирования. У 3 сосудов отмечены следы окрашивания красной краской внешней и внутренней поверхности. Приемы конструирования сосудов из *илистых глин* и *глин* были аналогичны. Можно отметить лишь увеличение доли сосудов, изготовленных спиралевидным лоскутным налепом. Изучение придонных и донных частей сосудов выявило несколько разновидностей приемов их конструирования: 1) на плоскости (плоские днища с нашльвом по внешнему периметру); 2) в формах-моделях (выпуклые днища, толщина которых почти равна толщине стенок сосуда; такие сосуды могли сохранить выпуклую фор-

му днищ только в условиях сушки в положении вверх дном); 3) в формах-моделях (уплощенные днища, сделанные в формах-моделях, но высушенные на плоскости в положении на дне); 4) смешанные приемы, когда выпуклое дно сосуда укреплялось еще одним слоем лоскутков. Три сосуда, сделанные из глин, имели внутреннее утолщение верхнего края, представлявшее собой отдельную зону наращивания лоскутков. Появление данного приема, по-видимому, было связано с необходимостью укреплять отверстие сосуда от разрывов при сушке. Характеризуя способы обработки поверхностей сосудов из илестых глин и глин, можно отметить общее их сходство с приемами обработки сосудов из илов. Обращает на себя внимание появление приема заглаживания куском шкуры животного (5 сосудов) и использование деревянного орудия с гребенчатым рабочим краем для заглаживания внутренних поверхностей у 3 сосудов. Прием окрашивания поверхностей сосудов красной краской зафиксирован в 2 случаях.

Совокупность способов конструирования сосудов из слоя 1 обнаружила практически полное сходство с вышеописанными. Следует отметить лишь увеличение роли приема выбивания в изготовлении энеолитических сосудов.

Таким образом, основной состав трудовых навыков варфоломеевских гончаров на созидательной стадии включал: 1) распространение приемов лоскутного налепливания в качестве способов конструирования сосудов; 2) применение форм-моделей и приемов выбивания для придания окончательной формы сосудам; 3) простое заглаживание и лощение по сухой основе – на ступени обработки поверхностей сосудов.

3. *Закрепительная стадия.* На этой стадии гончарства происходит придание сосудам прочности и водонепроницаемости. Способы достижения этой цели изучаются, в основном, по механической прочности сосудов и характеру цветочных прослоев излома черепка. Информация была получена практически по каждому образцу, поэтому систематизирована в таблице 4.

Таблица 4. Характер цветочных прослоев в черепке керамики Варфоломеевской стоянки.

ИПС	Характер излома					Итого:
	Двухслойный: вн. - коричн., внутр.- темный	Двухслойный: вн. - темный внутр.- коричн.,	Трехслойный: с коричн. вн. и внутр. прослоями и темной сердцевинной	Однотонно-темный	Насквозь коричн.	
Слой 3						
Илы	1	1	3	2	-	7
ИГ	7	1	11	7	-	26
Слой 2б						
Илы	2	-	2	-	-	4
ИГ	4	5	7	1	-	17
Гл.	4	-	2	-	-	6
Слой 2а						
Илы	5	8	15	3	-	31
ИГ	18	21	50	11	-	100
Гл.	10	7	22	14	3	56

Слой 1						
ИГ	2	3	3	2	-	10
Гл.	2	-	8	2	1	13
Всего:	55	46	123	42	4	270

Условные обозначения: вн. – внешний; внутр. – внутренний; коричн. – коричневый; ИГ – илестые глины; Гл. – глины; ИПС – исходное пластичное сырье. Ед.измерения – образец (отдельный сосуд).

Полученные данные свидетельствуют о том, что в качестве основного приема придания прочности и устранения влагопроницаемости варфоломеевских сосудов использовался обжиг. Многократно зафиксированная нами пятнистость поверхностей сосудов и характер изломов сосудов указывают на применение кострового обжига с длительным периодом обжига при низких температурах в восстановительной атмосфере и непродолжительной выдержкой при температурах каления (650–700°С). Сохранность обломков раковины в черепке изученной керамики может свидетельствовать о вероятности проведения обжига в условиях, при которых сосуды длительное время изолированы от открытого огня (использование прокладки из золы?). По мнению А.А. Бобринского введение органических растворов в ФМ было связано, в основном, с целью придания прочности сосудам (реликтовый прием догончарного периода) [Бобринский, 1999]. Можно предполагать, что в варфоломеевском гончарстве наряду с обжигом («горячими» способами) продолжали существовать также и архаичные «холодные» способы придания прочности сосудам.

По итогам изучения керамики Варфоломеевской стоянки можно сделать вывод о том, что уровень гончарства населения стоянки в период его появления на данной территории (ранний этап среднего неолита) соответствовал протогончарству (использование илов в качестве моносырья), одновременно получили распространение архегончарные производства (использование илестых глин и глин в качестве основного пластичного сырья в смеси с искусственно введенными непластичными материалами) [Бобринский, 1999. С. 75–79].

Заключение. Исследование гончарных традиций населения, оставившего Варфоломеевскую стоянку, имеет большое значение для понимания общих процессов зарождения и развития древнейшего гончарства в Поволжье, а также культурогенеза неолитического населения данного региона. В-первых, результаты изучения очень важны для уточнения границ ареала гончарства, зарождение которого было связано с использованием илов. К настоящему времени к нему можно отнести памятники сурской, буго-днестровской, днепро-донецких культур [Бобринский, Васильева, 1998], Ракушечный Яр [Васильева, 2009], Раздорская-І³. Несомненно, в данный ареал входила вся нижневолжская культурная общность, представленная группой

³ Результаты технико-технологического анализа керамики сурской культуры и Раздорской-І стоянки еще не опубликованы.

культур: каиршакско-тентексорской, джангарской, орловской [Васильева, 1999; 2008; 2009]. Во-вторых, в ходе нашего исследования был выявлен и очерчен второй ареал древнейших гончарных традиций Поволжья, связанный с елшанской культурой [Васильева, 2006; 2010]. Изучение керамических материалов Ивановской стоянки [Васильева, 2007] и неолитических стоянок в бассейнах рек Самара и Сок⁴ позволило установить зону контакта этих двух ареалов и конкретизировать процессы культурогенеза неолитического населения Южного Средневожья, в которых население орловской культуры принимало активное участие. В-третьих, уникальность Варфоломеевской стоянки, а именно наличие четкой стратиграфии дало возможность проследить основные тенденции эволюции гончарных традиций, происходившей в рамках ареала древнейшего гончарства, основанного на илах. По данным А.И. Юдина четыре литологических слоя Варфоломеевской стоянки отражают последовательное развитие одной культуры при сохранении основных культуроопределяющих признаков на всем протяжении ее существования, а все выявленные изменения носят хронологический характер и в основных своих направлениях соответствуют аналогичным переменам в материальных комплексах сероглазовской и джангарской культур [Юдин, 2006. С. 359]. Изучение гончарных традиций населения, оставившего разные слои стоянки, также показало их безусловную преемственность, а изменения в представлениях о пластичном сырье и в навыках труда на разных ступенях гончарной технологии, по нашему мнению, имели эволюционный характер. Эволюционные изменения предполагают накопление коллективного опыта, которое ведет к качественным изменениям навыков труда в гончарстве в течение многих поколений. Они имеют однонаправленную тенденцию в развитии и действуют постоянно в любых гончарных производствах [Бобринский, Васильева, 1998]. Изучение керамических материалов Варфоломеевской стоянки позволило установить, что основной вектор развития гончарства в Поволжье это илы – илистые глины – глины, а также параллельное формирование традиции введения в массы искусственной добавки дробленой раковины. Процесс перехода к новым видам сырья предположительно может быть объяснен изменением климата (аридизацией?), высушиванием традиционных (и очевиднее всего – священных и магических) источников пластичного сырья, что заставляло человека использовать традиционное сырье в новом (высушенном) состоянии. В четвертых, данные по варфоломеевской гончарной технологии имеют исключительную важность для понимания процессов культурогенеза населения Поволжья в эпоху энеолита. Гончарные традиции населения прикаспийской, самарской, хвалынской культур (представления об илистых глинах как сырье для изготовления керамики, а также тесно связанная с ними традиция введения в формовочные массы дробленой раковины) уходят корнями в неолитическое гончарство региона. Взгляды на пластичное сырье, по мнению А.А. Бобринского, относятся к наиболее

⁴ Результаты технико-технологического анализа керамики данных стоянок находятся в печати.

устойчивым элементам гончарной технологии, к группе субстратных навыков, которые способны сохраняться без изменений очень длительное время даже в условиях смешения культурных традиций разных групп населения [Бобринский, 1978. С. 73]. Поэтому рассмотрение вопросов о происхождении данных культур энеолита несомненно должно быть связано в первую очередь с ареалом предшествовавших культур прочерченно-накольчатой керамики.

Литература:

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара, 1999.

Бобринский А.А., Васильева И.Н. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара, 1998.

Васильева И.Н. Илы как исходное сырье для древнейшей керамики Поволжья // Тезисы докладов Международной конференции по применению естественнонаучных методов в археологии, посвященной Б.А. Колчину. СПб, 1994.

Васильева И.Н. Гончарство населения Северного Прикаспия в эпоху неолита // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 1999. Вып. 1.

Васильева И.Н. О технологии керамики I Хвалынского энеолитического могильника // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2002. Вып. 2.

Васильева И.Н. К вопросу о зарождении гончарства в Поволжье // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2006. Вып. 4.

Васильева И.Н. О гончарной технологии населения Волго-Уралья в эпоху неолита (по материалам Ивановской стоянки) // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2007. Вып. VIII.

Васильева И.Н. О технологии изготовления керамики Орловской стоянки // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2008.

Васильева И.Н. Об эволюции представлений о пластичном сырье в среде неолитического населения степного Поволжья (по материалам Варфоломеевской стоянки) // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург, 2009.

Васильева И.Н. К вопросу о развитии гончарных традиций в Поволжье в эпоху неолита // Культурная специфика Волго-Сурского региона в эпоху первобытности. (Материалы Межрегионального научно-практического полевого семинара. Чувашская республика, Алатырский район. 31 июля - 4 августа 2008 г.). Чебоксары, 2010.

Васильева И.Н., Салугина Н.П. Экспериментальный метод в области изучения древнего гончарства // Актуальные проблемы изучения древней керамики (коллективная монография). Самара, 1999.

Васильева И.Н., Салугина Н.П. Лоскутный налеп // Древнее гончарство. Итоги и перспективы изучения. М., 2010.

Салугина Н.П. Раковина в составе древней керамики // Тезисы докладов Международной конференции по применению естественнонаучных методов в археологии, посвященной Б.А. Колчину. СПб, 1994.

Салугина Н.П. К методике определения раковины в составе древней керамики // Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологического съезда (23–28 октября 2006 г., Новосибирск). Т. II. Новосибирск, 2006.

Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов, 2004.

Юдин А.И. Неолит // Археология Нижнего Поволжья. Т. I. Каменный век. Волгоград, 2006.

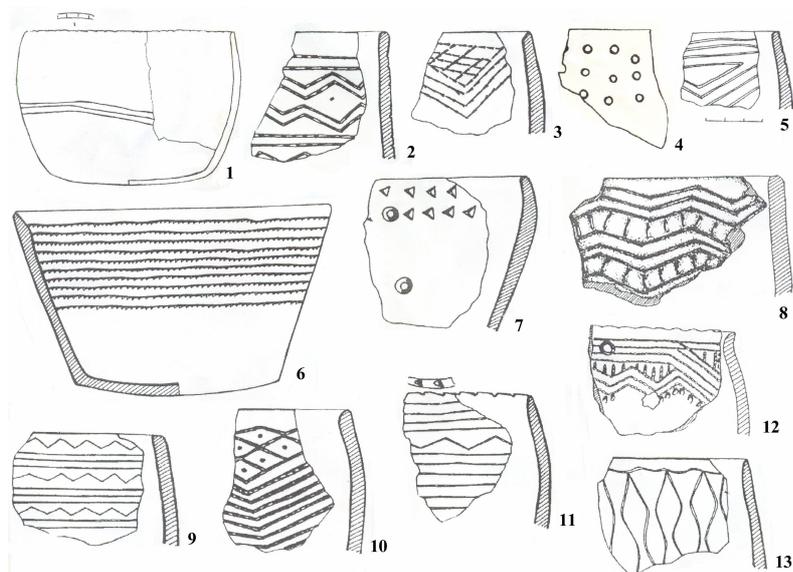

Рис. 1. Керамика из слоя 3 Варфоломеевской стоянки, подвергнутая микроскопическому анализу: 1-4 (ил); 5-13 (илистая глина)

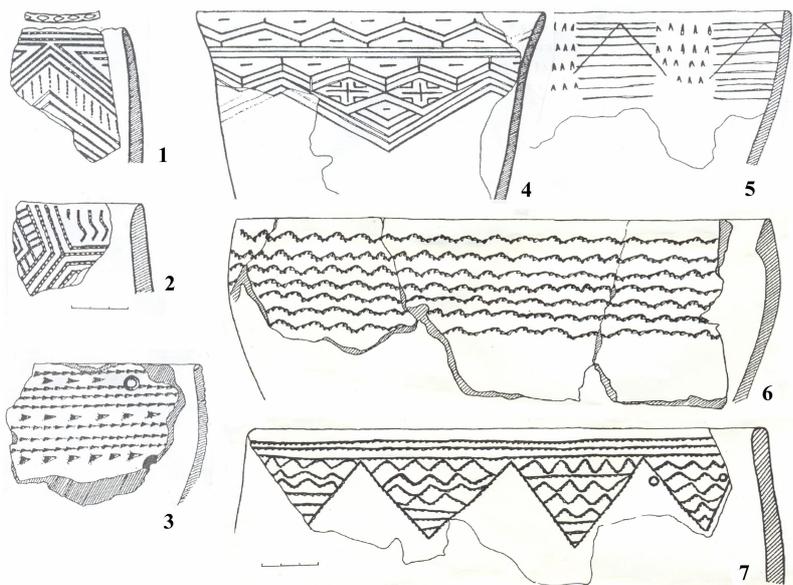

Рис. 2. Керамика из слоя 26 Варфоломеевской стоянки, подвергнутая микроскопическому анализу: 1-2 (ил); 3, 4, 6 (илистая глина); 5, 7 (глина)

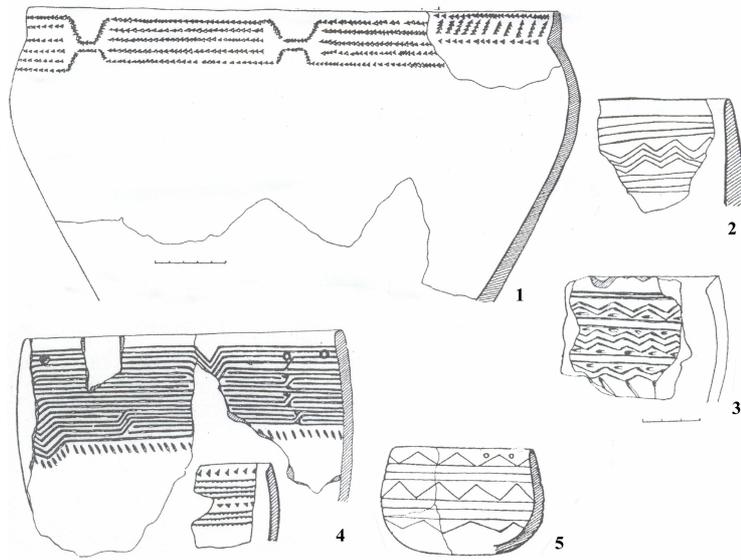

Рис. 3. Керамика из слоя 2а Варфоломеевской стоянки, подвергнутая микроскопическому анализу: 1-5 (ил)

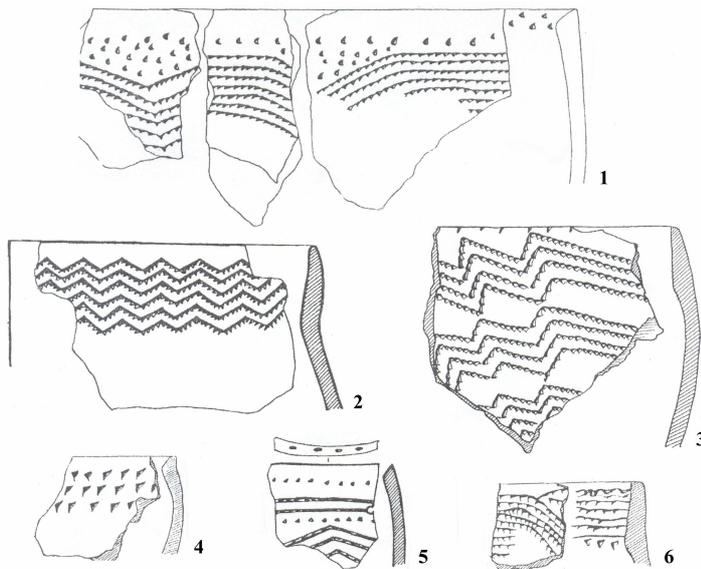

Рис. 4. Керамика из слоя 2а Варфоломеевской стоянки, подвергнутая микроскопическому анализу: 1-6 (илистая глина)

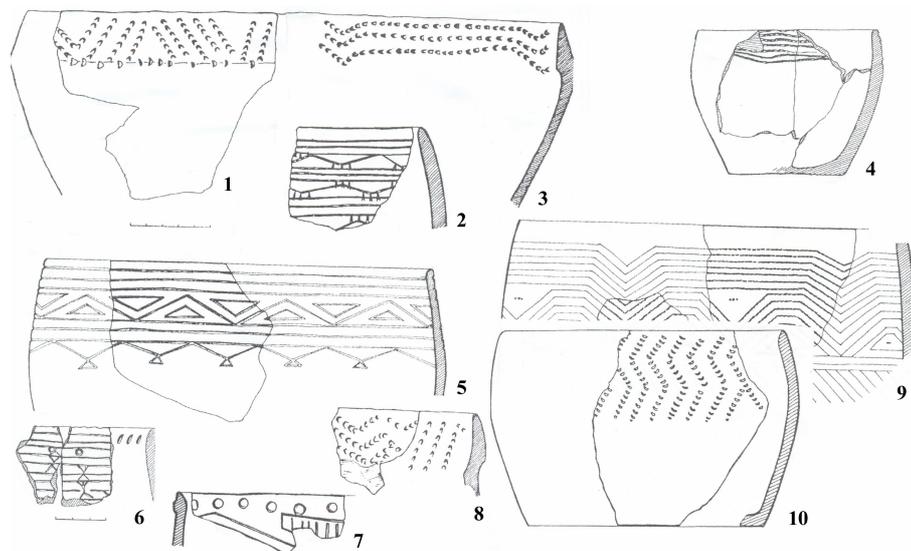

Рис. 5. Керамика из слоя 2а Варфоломеевской стоянки, подвергнутая микроскопическому анализу: 1-10 (илистая глина)

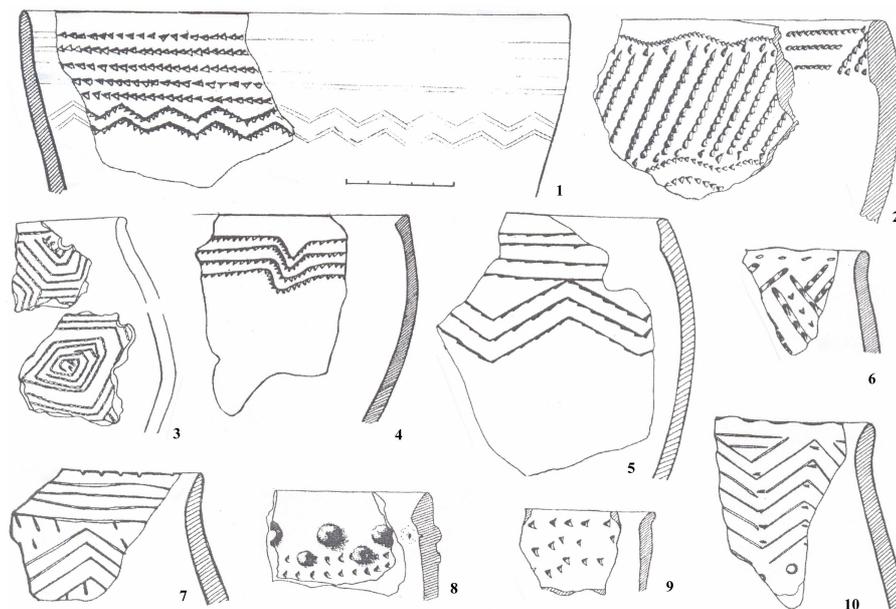

Рис. 6. Керамика из слоя 2а Варфоломеевской стоянки, подвергнутая микроскопическому анализу: 1-10 (глина)

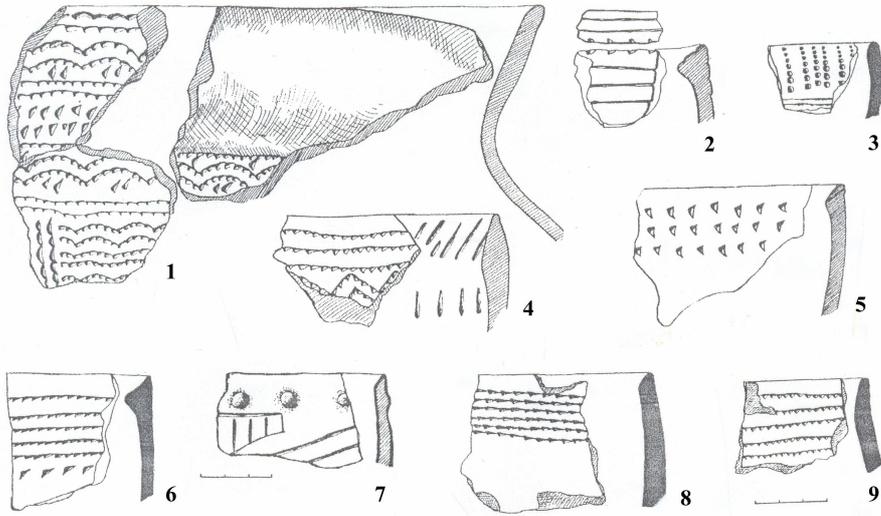

Рис. 7. Керамика из слоя 1 Варфоломеевской стоянки, подвергнутая микроскопическому анализу: 1-7 (илистая глина); 8-9 (глина)

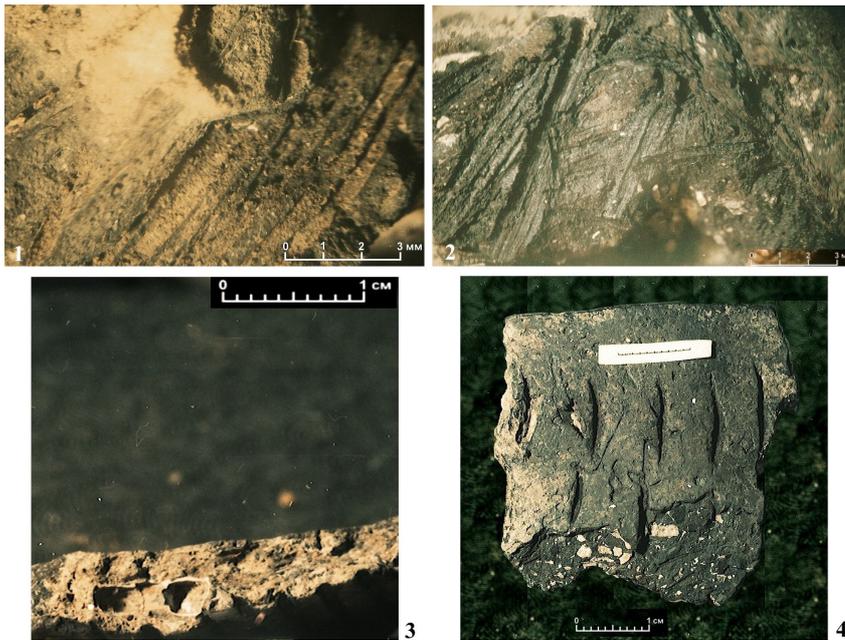

Рис. 8. Фото исходного пластичного сырья керамики Варфоломеевской стоянки: 1-4 - ил

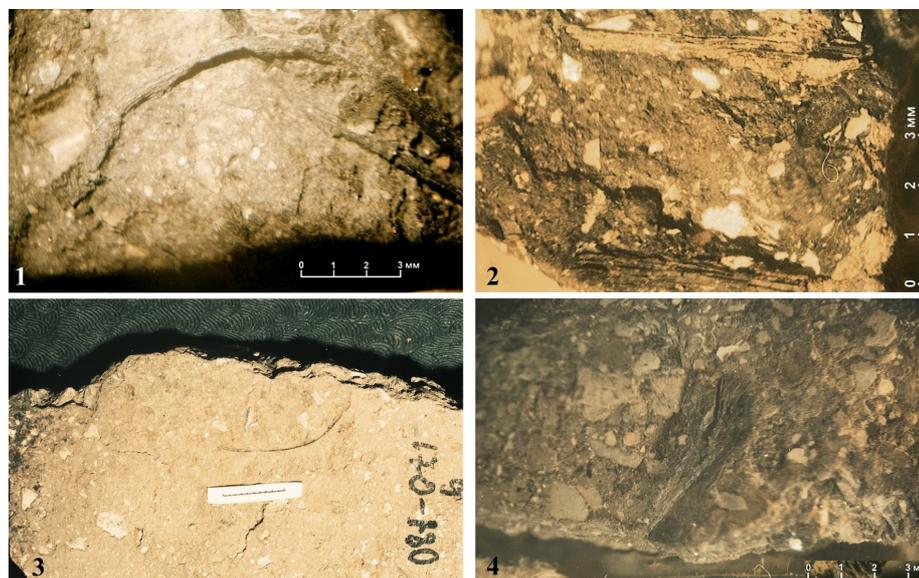

Рис. 9. Фото исходного пластичного сырья керамики Варфоломеевской стоянки:
1-4 - илистая глина

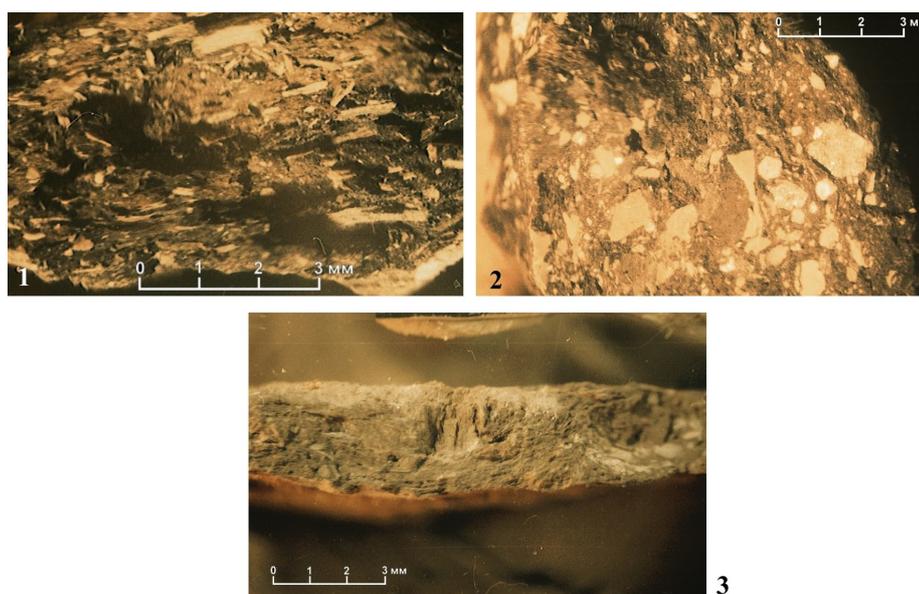

Рис. 10. Фото исходного пластичного сырья керамики Варфоломеевской стоянки: 1-3 - глина

Мимоход Р.А.

**КОСТЯНЫЕ И РОГОВЫЕ ПРЯЖКИ ФИНАЛА СРЕДНЕЙ
– НАЧАЛА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ
И НА КАВКАЗЕ КАК ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ
И СВИДЕТЕЛЬСТВА КУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ**

Костяные и роговые поясные пряжки на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века в восточноевропейской степи – лесостепи являются хорошо опознаваемыми культурно-хронологическими индикаторами. Они серийно представлены в культурах бабинского круга (днепро-донской и днепро-прутской культурах, криволукской культурной группе) и в памятниках колесничных культурных образований (покровских, потаповских, синташтинских). На типологических сопоставлениях этих узко датирующихся изделий во многом строится относительная хронология посткатакомбных культур и древностей горизонта щитковых псаалиев.

«Пряжечное» пространство в Восточной Европе можно условно разделить на две части: северную (степную и лесостепную), где представлены экземпляры из бабинских, криволукских, покровских, синташтинско-потаповских комплексов, и южную, куда входят Предкавказье и Кавказ, а пряжки происходят из местных посткатакомбных памятников (лолинская культура и кубанская группа) и культур средней бронзы Северо-восточного Кавказа (гинчинская, присулакская). Облик поясных деталей из этих двух крупных регионов довольно сильно различается и, по сути, здесь представлены две параллельные линии развития пряжек, соответственно, северная и южная. В первой представлены, главным образом, кольцевые изделия с одним или двумя дополнительными отверстиями (рис. 2, 9–35), во второй – кольцевидные предметы с выраженной длинной планкой (рис. 4, 5–23).

Взаимное проникновение предметов разных линий развития в разные ареалы их распространения представляет несомненный интерес как с точки зрения определения линий синхронизаций кавказских и степных культур, так и в отношении реконструкции конкретных механизмов подобных культурных трансляций.

Широтные контакты по материалам пряжек между культурами восточной и западной частей «пряжечного» пространства восточноевропейской степи – лесостепи, т.е. между Бабино и колесничными образованиями, уже

получали освещение в литературе [Литвиненко, 1996. С. 48, 49; 2004. С. 261, 270, 271; Матвеев, 1996. С. 31; Синюк, 1996. С. 208; Шарафутдинова, 1996. С. 57, 59; Отрощенко, 1998. С. 116 и др.]. В настоящей работе остановимся на находках северных типов пряжек в южной части обозначенной территории, т.е. на Северном Кавказе и в Предкавказье¹ и южных типов в Подонье, Волго-Уралье и Центральном Казахстане.

В кавказском регионе известно 8 случаев обнаружения *северных пряжек* (рис. 1). Их можно разделить на две группы.

Первую группу составляют 4 пряжки, связанные своим происхождением с бабинской посткатакомбной культурой финала среднего бронзового века (рис. 2, 6–8). Они относятся к двум типам.

Три предмета являются позднейшими разновидностями этой категории инвентаря. Изделия имеют овальную форму, изогнутую в сечении, центральное большое отверстие с бортиком и дополнительное малое (рис. 2, 7, 8). Такие пряжки датируются заключительным этапом культур Бабино (рис. 2, 30–35). Две из них обнаружены на Кубани (рис. 1) в подкурганых погребениях местной посткатакомбной группы. Одна происходит из комплекса Садовый 4/10 (раскопки Е.А. Бегловой) (рис. 2, 8), вторая обнаружена в п. 5 к. 2 мог. Батуриная-I [Шарафутдинова, 1991. Рис. 1, 12] (рис. 2, 7). Третья пряжка позднебабинской морфологии найдена на Западном Кавказе, в дольмене на р. Колихо [Трифонов, 2008] (рис. 1).

Другой тип бабинских поясных деталей представлен в комплексе Олений-I 2/8 [Гей, Мелешко, Сатеев, Ульянова, 1987] в Прикубанье (рис. 1; 2, 6). Изделие также имеет два разновеликих отверстия и бортик, но у него ровное сечение, а не желобчатое, как у предыдущих экземпляров. Данный предмет относится к третьей группе бабинских пряжек по классификации Р.А. Литвиненко [1996, С. 48]. Подобные изделия занимают промежуточную хронологическую позицию между предметами с бортиком и одним отверстием второго этапа и поздними образцами изогнутого сечения с двумя разновеликими отверстиями третьего периода, встречаясь в погребениях обоих горизонтов Бабино [Литвиненко, 1996. С. 48, 49; Матвеев, 1996. С. 30, 31; Шарафутдинова, 1996. С. 59] (рис. 2, 24–29). К сожалению, захоронение с пряжкой из Оленьего разрушено, обряд и точная культурная принадлежность остаются неясными.

Вторая группа пряжек северных типов в кавказском регионе представлена 5 предметами (рис. 1; 2, 1–5). Ее уверенно можно связать с кольцевидными поясными деталями, которые хорошо представлены в колесничных культурных образованиях начала поздней бронзы: синташтинских, потаповских, покровских (рис. 2, 9–23).

В Предкавказье известно три предмета (рис. 1). Кольцевая пряжка с бортиком и дополнительным отверстием происходит из комплекса Чилгир 3/3 в Центральной Калмыкии (раскопки А.Д. Матюхина 2002 г.) (рис. 2, 3). Позднепокровскую атрибуцию чилгирского захоронения подтверждает, помимо

¹ Выражаю искреннюю признательность Е.А. Бегловой, А.Н. Гею, А.Д. Матюхину и В.А. Трифонову за любезное разрешение использовать пряжки и информацию о комплексах из материалов их раскопок.

обрядовых характеристик (адоративная позиция и слабая скорченность костяка), и характерный сосуд покровского облика, покрытый крупными расчесами с внешней и внутренней сторон.

Кольцевая пряжка с планкой (рис. 2, 4) происходит из п. 1 к. 6 мог. Ут на севере Калмыкии (рис. 1) [Калмыков, Мимоход, 2005. С. 229, 230, рис. 15]. Четкая культурная атрибуция захоронения вызывает определенные затруднения. Костяное изделие, которое в комплексе было единственным предметом погребального инвентаря, имеет прямые аналогии в памятниках покровского типа (рис. 2, 15–19) [Петров, 1983. Рис. 2, 1; Пряхин, Матвеев, 1988. Рис. 53, 9; Кузнецов, Мочалов, 1999. Рис. 3, 5; Литвиненко, 2001. Рис. 2, 5, 7, 8; Мышкин, Турецкий, 2006. Рис. 9, 4] и в культурном отношении является, безусловно, покровским. Традиция помещения в могилу только пряжки в качестве приданного характерна для посткатакомбных культур, в том числе лолинской, в то время как в колесничных захоронениях поясные детали обычно сопровождаются другими категориями нередко разнообразного и богатого инвентаря. Иными словами, при наличии в погребении из Ута пряжки явно северного происхождения, облик комплекса близок позднелолинской традиции. В нем мы фиксируем синкретические черты двух пограничных культурных образований, находившихся в непосредственном взаимодействии.

Плоская округлая костяная пряжка с двумя разновеликими отверстиями (рис. 2, 2) была обнаружена в верхней части заполнения глубокой шахты п. 32 к. 2 манычской катакомбной культуры в Большом Ипатовском кургане на Ставрополье (рис. 1) [Жореневский, Белинский, Калмыков, 2007. Рис. 26, 9]. Изделие имеет ближайшие аналогии в покровских и синташтинско-потоповских комплексах (рис. 2, 12–14) [Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992. Рис. 114, 2; Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994. Рис. 44, 2; Синюк, Козмирчук, 1995. Рис. 9, 5; 12, 6; Епимахов, 2005. Рис. 78, 17]. Как закрытый комплекс пряжку из входной ямы и катакомбное погребение, совершенное в камере, рассматривать нельзя. Не вызывает сомнения, что это одновременные материалы, и пряжка попала в могилу случайно. Таким образом, предмет из Ипатовского кургана, равно как экземпляр из мог. Олений-1, дают только пункты находок северных типов пряжек в Предкавказье (рис. 1) и не имеют сопутствующего культурного контекста.

Дважды костяные детали крепления пояса, которые имеют убедительные аналогии в комплексах горизонта щитковых и желобчатых псалиев, обнаружены на Кавказе (илл. 1). Одна пряжка происходит из дольмена 37 Дегуакской поляны у станицы Даховская (рис. 2, 1) [Марковин, 1997. Рис. 96, 7]. Она имеет центральное и два дополнительных отверстия. Серия близких изделий известна в покровских и синташтинских захоронениях (рис. 2, 9–11).

В погребении 56 Тлийского могильника обнаружено костяное кольцо с двумя дополнительными отверстиями [Техов, 1980. Табл. 19, рис. II, 1] (рис. 2, 5). Аналогий ему на Кавказе нет, но подборка таких предметов происходит из покровских и раннесрубных комплексов (рис. 2, 20–23) [Памятники срубной культуры..., 1993. Табл. 14, 3; Моруженко, Литвиненко, 1993. Рис. 13, 4; Ляхов, 2009. Рис. 6, 3]. По мнению Р.А. Литвиненко они относятся к числу поясных пряжек или подвесок [Литвиненко, 2001. С. 90, рис. 2, 22].

Инородность для Предкавказья и Кавказа выше охарактеризованных кольцевидных пряжек особенно заметна на фоне местной традиции изготовления поясных деталей (рис. 4, 5–23) [Уварова, 1900. Рис. 177, 178; Гуммель, 1940. Фиг. 30, 15; 38, 5; Марковин, 1963. Рис. 5, 7, 8; 25, 3; Гаджиев, 1969. Рис. 12, 6; Андреева, 1986. Рис. 3; Магомедов, 1990. Рис. 1; Братченко, 1995. С. 14, 15; 2006. Рис. 111, 1–6, 16, 17; Калмыков, Мимоход, 2005. Рис. 14; Ильюков, Магомедов, 2010. Рис. 1, 2; Мимоход, 2010. Рис. 4, 1–8]. Поэтому не возникает особых сомнений, что появление в кавказском регионе этих изделий является результатом культурных контактов, механизм которых и предстоит выяснить.

Вначале рассмотрим хронологические привязки, которые дают северные пряжки для хронологии культур кавказского региона. К сожалению, изделия из Оленьего и Ипатово мало чем интересны в этом отношении, т.к. по сути это внекомплексные находки. Однако симптоматично их обнаружение в предкавказской степи, культурный контекст которой в это время понятен. В Восточном Предкавказье существовала лолинская культура [Мимоход, 2007], в Западном – родственная ей кубанская группа финала средней бронзы [Мимоход, 2006]. Не сложно предположить, что пряжки попали сюда в результате межкультурных контактов, и стороны их хорошо опознаются. В случае с комплексом Олений-I 2/8 – это позднебабинские и позднекубанские посткатакомбные группы, в случае с ипатовским экземпляром – носители позднелолинской и колесничной традиций. Впрочем, реконструируемый сценарий имеет известную условность по причине характера находок, но он полностью подтверждается материалами закрытых предкавказских комплексов с северными типами пряжек.

В п. 10 к. 4 мог. Садовый позднебабинская пряжка (рис. 2, 8) происходит из комплекса кубанской группы. Вероятно, также культурно атрибутируется и комплекс Батуринская-I 5/2 (рис. 2, 7). Обнаружение позднейших модификаций поясных деталей Бабино в местных посткатакомбных памятниках позволяет синхронизировать бабинские древности заключительного этапа и поздние комплексы кубанской группы.

Пряжки из погребений мог. Чилгир и Ут имеют покровский облик (рис. 2, 3, 4). Как уже отмечалось, они найдены в комплексах, которые в обрядности и другом сопровождающем инвентаре демонстрируют северные черты. В таком случае их, возможно, следует рассматривать как свидетельства прямой инфильтрации носителей покровских традиций в ареал позднелолинской культуры. И если погребение с планочным экземпляром из Ута находится на севере Калмыкии (рис. 1), где располагалась контактная зона Покровска и Лолы и синкретический облик комплекса хорошо объясним, то чилгирское захоронение представляет собой достаточно далекое проникновение конкретной позднепокровской группы вглубь лолинского ареала (рис. 1). Эти факты подтверждают синхронизацию покровских и позднелолинских древностей, чему имеются и другие достоверные свидетельства [Мимоход, 2007. С. 153, рис. 5; Калмыков, Мимоход, 2005. С. 229, 230].

Важные данные для установления верхней границы существования дольменной культуры дают находки северных пряжек нашей второй группы в мегалитических сооружениях Западного Кавказа. Финал ее существования М.Б. Рысин синхронизирует с позднекатакомбным периодом, в частности, с батуринской культурой [Рысин, 1991. С. 39; 1995. С. 62]. В схеме В.А. Трифонова она доживает до срубного времени [Трифонов, 1990. С. 25, 26; 2001. Табл. 1, 2]. Последняя датировка, основанная на представительной базе ^{14}C данных, представляется более убедительной. По крайней мере, привязки к «пряжечным» культурам степи – лесостепи показывают, что это так. На основании поясных деталей, обнаруженных в дольменах на р. Колихо и у ст. Даховской (рис. 2, 1), позднейшие дольменные памятники можно синхронизировать с покровскими и позднебабинскими комплексами Днепро-Волжского междуречья, которые представляют здесь предсрубный горизонт.

Благодаря уникальной находке костяного кольца с двумя отверстиями в п. 56 Тлийского могильника [Техов, 1980. Табл. 19, рис. II, 1] (рис. 2, 5) можно провести соответствующую линию синхронизации от Восточной Украины и Доно-Волжского междуречья до южного склона Кавказа. Убедительные аналогии в покровских и раннесрубных комплексах пряжке из Южной Осетии (рис. 2, 20–23) позволяют синхронизировать ранние захоронения Тлийского могильника, в целом, с двумя периодами развития покровской срубной культуры по В.В. Отрощенко [2001. С. 126–145; 2003. С. 76–80]. Это вполне соответствует внутренней хронологии некрополя у с. Тли. В погребении 56 вместе с костяным кольцом найдены булавки с навершием в виде трезубца, которые являются атрибутом наиболее раннего пласта захоронений [Скаков, 2001. С. 237], не обладающих чертами преемственности с раннекобанскими захоронениями (группа I подгруппа Ia по А.Ю. Скакову) этого памятника [Скаков, 2001. С. 237, 238; 2007. С. 514].

Таким образом, северные типы костяных и роговых пряжек в Предкавказье и на Кавказе маркируют достаточно узкий хронологический период, соответствующий заключительному этапу развития культур Бабино и колесничным памятникам горизонта щитковых псалиев, которые в восточноевропейской степи – лесостепи являются синхронными. Выходить за этот временной отрезок могут только два изделия. Несколько более ранний возраст по отношению к нему может иметь изделие из комплекса Олений-I 2/8 (рис. 2, 6), т.к. аналогичные находки начинают встречаться в бабинских погребениях второго этапа, а также кольцо с отверстиями из Тли (рис. 2, 5). Идентичные изделия на территории их основного распространения доживают до раннесрубного времени.

Большое значение для установления абсолютного возраста основного периода, которым датируются северные типы поясных деталей в кавказском регионе, имеют радиоуглеродные определения, полученные по двум комплексам с пряжками (табл. 1) [Мимоход, Шишлина, 2004. Табл. 2; Ковалюх, Мимоход, 2007. Табл. 1].

Таблица 1.

Комплекс	Лабораторный шифр	Образец	Дата ¹⁴ C BP	Дата ¹⁴ C BC Вероятность 1σ
Садовый 4/10	Ki-13053 Ki-13054	Дерево (колесо) Дерево (перекрытие)	3520±60 3440±70	1920-1740 1880-1680
Чилгир 3/3	ИГАН-2706	Кость человека	3440±40	1851-1682

Важно, что продатированы были погребения, в которых найдены предметы обеих наших групп (бабинской и синташтинско-покровской) (рис. 2, 3, 8). Все три даты показали высокую степень сходимости в пределах XIX–XVII вв. до н. э. Приведенные в таблице данные, с одной стороны, полностью соответствуют радиоуглеродным датировкам колесничных памятников и поздних посткатакомбных древностей [Мимоход, 2010б], с другой, подтверждают их синхронность [Мимоход, 2007. Рис. 5], а, соответственно, и одновременность указанных разнотипных пряжек, в том числе и в кавказском регионе.

Картографирование двух групп поясных деталей северных типов выявляет интересную закономерность. Все изделия второй группы (покровские и синташтинско-потаповские) в степной зоне сосредоточены в Восточном Предкавказье (рис. 1), на территории лолинской культуры, в то время как пряжки первой группы (бабинские) концентрируются в Западном Предкавказье, в ареале кубанской группы. Похожая ситуация прослеживается и на Кавказе. Костяная пряжка позднебабинской модификации (дольмен на р. Колихо) происходит с западной части кавказского хребта (рис. 1), которая примыкает к бассейну р. Кубань. Правда, здесь же находится дольменная группа у ст. Даховская, где найдено изделие синташтинско-покровского облика (рис. 2, 1). Однако, другая пряжка второй группы (рис. 2, 5) обнаружена в Южной Осетии фактически на той же долготе, что и остальные изделия в Предкавказье (рис. 1), имеющие аналогии в колесничных комплексах. Иными словами, в кавказском регионе наблюдается ярко выраженная тенденция территориального размежевания разных групп пряжек. Соответственно речь может идти о двух маршрутах и механизмах трансляции этих изделий с севера на юг.

Присутствие пряжек северных посткатакомбных типов на Кубани и Северо-западном Кавказе можно логично объяснить контактами местных культурных образований с Бабино. Примечательно, что свидетельства подобных взаимодействий фактически не прослеживаются для времени ранней и развитой днепро-донской бабинской культуры, по крайней мере, по материалам кольцевых пряжек. Этот факт не случаен. Дело в том, что именно на позднем этапе фиксируется инфильтрация отдельных бабинских групп в Прикубанье [Шарафутдинова, 1983. С. 34; 1991. С. 72; 1995. С. 132; 1996а. С. 94; Мимоход, 2006. С. 252]. Происходит она под воздействием носителей покровских традиций, чье продвижение на запад приводит к заметному сокращению бабинского ареала и смещению посткатакомбных групп в Нижнее Подонье и далее на территорию Украины [Братченко, 1985. С. 458; Шарафутдинова, 1983.

С. 31–32; 1991. С. 72; 1995. С. 132; 1995а. С. 104; 1996а. С. 94; Литвиненко, 1995. С. 80–83; 1996а. С. 68; 1998. С. 50; 2001а. С. 16; Мимоход, 2005. С. 72; 2006. С. 252]. Часть из них проникла в ареал кубанских памятников финала СБВ, результатом чего стало появление в Западном Предкавказье пряжек нашей первой группы. Наличие подобного изделия в дольменном комплексе Северо-западного Кавказа, скорее всего, уже является свидетельством контактов посткатакомбных социумов бассейна Кубани и населения примыкающих к нему горных районов.

Концентрация пряжек нашей второй группы преимущественно в восточной части кавказского региона (рис. 1) напрямую связана с взаимодействиями колесничных культурных образований и носителей лолинской культуры. Это один из традиционных северных векторов лолинских культурных связей, связанный с Волго-Уралем и Нижним Поволжьем. Поэтому неудивительно, что именно в Восточном Предкавказье сосредоточены находки пряжек, которые серийно представлены в покровских и синташтинско-потаповских комплексах.

Обнаружение кольца с двумя отверстиями на южном склоне Кавказа (рис. 2, 5), аналогии которому имеются в позднепокровских и раннесрубных комплексах (рис. 2, 20–23), вряд ли можно связать с дальнедистанционной миграцией, которую отражает, например, комплекс Чилгир 3/3 (рис. 1). Скорее всего, речь может идти о перемещении вещей или их идей, и передаточными звеньями здесь могли, судя по хронологии этих изделий в степи – лесостепи, выступать позднелолинская культура в Предкавказье и пока недостаточно изученные протокобанские памятники Северного Кавказа. В отношении поздней Лолы этому имеется независимое подтверждение. В комплексе заключительного периода развития культуры Чограй-1 2/3 с южной ориентировкой костяка и классическим лолинским ковшом на левобережье Восточного Маныча было обнаружено костяное кольцо с двумя продольными бороздками по корпусу [Мимоход, 2007. Рис. 3, 12; 4, 92]. Несложно заметить, что такие же бороздки есть на изделиях покровско-раннесрубной серии (рис. 2, 21, 23), т.е. чограйское изделие точно такое же, но без отверстий. Полностью аналогичные позднелолинскому предмету кольца без дополнительных отверстий хорошо известны в материалах покровских памятников [Смирнов, 1960; Копылов, 1980; Шнайдштейн, 1982. Рис. 56, 2; Мельников, 2003. Рис. 2, 3]. Единичность кольца данного типа в лолинской культуре и наличие серии подобных изделий в Поволжье и Подонье позволяет рассматривать его в контексте покровско-лолинских связей [Мимоход, 2007. С. 151, 153]. Примечательно, что в комплексе Чограй-1 2/3 кольцо с параллельными бороздками находилось у таза умершего. Данный пример показывает, что поясные детали покровского типа изредка встречаются и в классических лолинских захоронениях, причем, в южной части ареала культуры, поэтому не должно удивлять то, что отдельные их экземпляры могли достигнуть и южного Кавказа.

Пряжки, обнаруженные в дольмене у ст. Даховская (рис. 2, 1) и в Большом Ипатовском кургане (рис. 2, 2), в равной степени характерны как для ранних покровских, так и для синташтинско-потаповских комплексов. Характер ипатовской находки не позволяет уверенно сказать, имеем ли мы здесь

дело с проникновением единичных групп колесничной традиции вглубь лолинского ареала, как в случае с комплексом Чилгир 3/3, или с использованием пряжки северного происхождения в местной посткатакомбной среде. Появление же предмета, тип которого активно эксплуатировался в северных культурах горизонта щитковых псалиев, в даховском мегалите, вероятно, имело тот же механизм, что для пряжек из комплексов могильников у с. Тли и на р. Колихо, т.е. на Кавказ могли попасть только вещи и только при посредничестве предкавказских посткатакомбных культурных образований. Подобный сценарий хорошо подтверждает тот факт, что в соответствующих кавказских культурах больше нет каких-либо внятных следов контактов с колесничными и бабинскими памятниками, зато в материальном комплексе южных посткатакомбных групп финала СБВ присутствуют разнообразные свидетельства взаимодействия и с северными «пряжечными» культурами, и с населением обоих склонов Кавказа.

Не менее важными для установления линий синхронизации и выяснения характера культурных контактов являются случаи обнаружения *южных типов пряжек* севернее основного ареала их распространения: Кавказа и Предкавказья (рис. 3). Известны 4 такие находки (рис. 4, 1–4). Все они относятся к группе кольцевидно-узкопланочных изделий, выделенных по кавказским материалам С.Н. Братченко [1995. С. 14, 15].

Одно изделие было обнаружено в погребении, совершенном во рву Ливенцовской крепости на Нижнем Дону (рис. 3; 4, 2), которое исследователь отнес к бабинской культуре [Братченко, 1995. С. 13, рис. 2, 6; 2006. Рис. 24, 1, 2]. Аналогичная пряжка происходит из погребального комплекса Тамар-Уткуль-VII 4/3 вольско-лбищенской культуры в Южном Приуралье (рис. 3; 4, 1) [Богданов, 1998. Рис. 11, 8]. Близкое изделие с двумя дополнительными отверстиями на планке найдено в погребении средневожской абашевской культуры (Алгаши 1/1) (рис. 3; 4, 4) [Ефименко, Третьяков, 1961. Рис. 8, 1]. Наконец, классический кольцевидно-узкопланочный экземпляр кавказского типа найден в кургане 22 мог. Нуртай в Центральном Казахстане (рис. 3; 4, 3) [Гкачев, 2002. С. 185, рис. 69, 34].

Все выше перечисленные изделия выглядят чуждыми для комплексов тех культур, в которых они обнаружены. Вольско-лбищенская и средневожская абашевская культуры, которые входят в так называемый «постшнуровой» блок [Литвиненко, 2001а. С. 168; Мимоход, 2005. С. 72; 2007. Рис. 5], вообще не относятся к числу «пряжечных». Зато данные предметы имеют убедительные аналогии на Северо-восточном Кавказе в материалах гинчинской культуры и в Закавказье (рис. 4, 13–18) [Гуммель, 1940. Фиг. 30, 15; 38, 5; Марковин, 1963. Рис. 5, 7, 8; 25, 3; Гаджиев, 1969. Рис. 12, 6]. Их также можно сопоставить с фигурными роговыми кольцевидно-узкопланочными пряжками типа Ипатово-Типки второго этапа лолинской культуры (рис. 4, 5–8) [Калмыков, Мимоход, 2005. С. 223, рис. 14, 4–7], которая связана своим происхождением с восточнокавказскими культурами [Мимоход, 2010а; Борисов, Мимоход, 2010]. Хронология кольцевидно-планочных пряжек Северного Кавказа и Предкавказья благодаря разработанной периодизации лолинской культуры [Мимоход 2007; 2010а] имеет надежные основания. Экземпляры с узкой планкой (рис. 4, 5–8, 13–19) являются более поздними по отношению к

широкопланочным изделиями (рис. 4, 9–12, 20–23) и относятся ко времени развитого этапа Лолы. Последний датируется раньше горизонта щитковых псалий в Восточной Европе и синхронен второму периоду днепро-донской бабинской культуры, а также финальным гинчинско-присулакским памятникам [Мимоход 2007. Рис. 5; 2010а. С. 248].

Значение попадания южных пряжек в комплексы Нижнего Подонья и Волго-Уралья сложно переоценить. Они напрямую увязывают хронологию культур финала СБВ данных территорий с периодизационной схемой, выстроенной для памятников соответствующего периода Предкавказья и Северо-восточного Кавказа [Мимоход, 2007. С. 152, 153, рис. 5; 2010а. С. 248].

Обнаружение кольцевидно-узкопланочной пряжки в вольско-лбищенском погребении (рис. 4, 1) позволяет не только подтвердить отнесение верхней границы этого культурного образования к заключительному периоду средней бронзы [Васильев, 1999. С. 76, 77; Богданов, Халыпин, 2000. С. 50; Литвиненко, 2001а. Табл. 1; Кузнецов, 2007. С. 155; Ткачев В., 2007. С. 214; Мимоход, 2009. С. 34], но и надежно синхронизировать его со вторым этапом развития Лолы и позднейшими гинчинскими комплексами [Мимоход, 2009а. С. 276]. Так же на основании находки пряжки в комплексе Алгаши 1/1 (рис. 4, 4) должен определяться и верхний рубеж средневожской абашевской культуры [Мимоход, 2007. Рис. 5]. Получается, что по данным кавказских «пряжечных» привязок независимо подтверждается датировка поздних средневожских абашевских и вольско-лбищенских памятников предсинташтинско-потаповским временем.

Столь прочная корреляция кольцевидно-узкопланочных поясных деталей со временем развитых этапов Бабино-Лолы дает основания датировать и ливенцовское захоронение с пряжкой (рис. 4, 2) этим же периодом, что разводит во времени существование Ливенцовско-Каратаевского укрепленного комплекса и колесничные культуры начала поздней бронзы. Кавказская линия привязок полностью исключает возможность участия в штурме крепостей покровских и синташтинско-потаповских отрядов, что на основании типологии кремневых наконечников стрел уже было обосновано ведущими украинскими исследователями по данной проблематике [Братченко, 2006. С. 170, 171; Литвиненко, 2001б. С. 17; 2009. С. 402, 403]², а предлагавшаяся ранее синхронизация Ливенцовской крепости со вторым этапом Бабино [Литвиненко, 2001а. Табл. 1] хорошо согласуется с хронологией пряжек кавказского региона.

Выбивается из предложенного хроноряда кольцевидно-узкопланочных поясных деталей кавказского происхождения только изделие из Центрального Казахстана (рис. 4, 3). Памятники нуртайского типа датируются петровским периодом [Ткачев А., 1999. С. 27, 28; 2009. С. 50, 52; Ткачев В., 2007. С. 43], т.е. временем следующего хронологического горизонта. Следует заметить, что нуртайская пряжка – это самая удаленная находка от основного ареала

² На мой взгляд, культурная атрибуция отрядов, осаждавших нижнедонские укрепленные поселения, исходя из типологии стрел, которым усеяны памятники, а также времени их существования, может быть определена как посткатакомбная предкавказская, но это тема совсем другого исследования.

распространения кольцевидно-узкопланочных экземпляров (рис. 3), и здесь мы можем столкнуться с понятным запаздыванием хронологии данного типа изделий. Впрочем, это не единственный факт. Так, например, в той же нуртайской культуре известны каменные оселки с двумя перетяжками [Ткачев А., 1999. Рис. 4, 15], которые в Днепро-Волжском междуречье датируются периодом раннего Бабино.

К сожалению, радиоуглеродных дат по северным комплексам с кольцевидно-узкопланочными пряжками мы пока не имеем, но зато есть возможность опереться на ^{14}C данные погребений второго этапа лолинской культуры, в которых обнаружены поясные детали типа Ипатово-Типки (рис. 4, 5-7), являющиеся ближайшими аналогиями и синхронными по времени кавказской серии и волго-уральским находкам (рис. 4, 1, 4, 13-19) (табл. 2).

Таблица 2.

Комплекс	Лабораторный шифр	Образец	Дата ^{14}C BP	Дата ^{14}C BC Вероятность 1σ
Ипатово-3 2 /13	ГИН-11432	Кость человека	3470±40	1878-1694
Ипатово-3 2 /13 ³	ГИН-11157	Кость человека	3560±100	2030-1744
Ильинский-1 1/6	ГИН-10139	Кость человека	3460±180	2019-1523
Типки-1 2 /6	ГИН-10311	Кость человека	3640±40	2113-1942

У трех из четырех дат нижний рубеж интервала оказался древнее соответствующей границы диапазонов датировок, полученных по погребениям с северными типами пряжек в Предкавказье (табл. 1). Это вполне согласуется с более ранним возрастом кольцевидно-узкопланочной серии, который соответствует второму этапу лолинской культуры, по отношению к позднебабинским и покровским поясным деталям.

По сравнению с северными типами пряжек на юге (рис. 1) сразу бросается в глаза значительная удаленность кавказских изделий по отношению к основному ареалу их распространения (рис. 3). Исключение здесь составляет только предмет из Ливенцовской крепости, которая находится на границе с Западным Предкавказьем. Механизм попадания данного изделия в бабинское погребение мало чем отличается от ситуации с бабинскими пряжками в кубанской группе и на Кавказе. Непосредственный контакт посткатакомбных групп Нижнего Подонья и Предкавказья, а последних с носителями гинчинской культуры Северо-восточного Кавказа, обусловил появление кольцевидно-узкопланочной пряжки на территории днепро-донской бабинской культуры. А с учетом того, что крепость вообще могли штурмовать южные посткатакомбные отряды, находке здесь изделия кавказской морфологии удивляться не приходится.

Сложнее дело обстоит с проникновением кольцевидно-узкопланочных пряжек в Среднее Поволжье, Южное Приуралье и Центральный Казахстан.

³ Из этого комплекса есть еще одна дата, но она не приведена в таблице, т.к. оказалась сильно омоложенной и не соответствующей двум другим определениям [Калмыков, Мимоход, 2005. С. 231, табл. 1].

До последнего времени механизм их появления в этих отдаленных регионах можно было пытаться объяснить только общеизвестным штампом о гигантском степном коридоре, который обеспечивал, ввиду мобильности его населения, очень дальние культурные трансляции. Однако в этот, в общем-то, мало что объясняющий постулат не укладывается тот факт, что кавказские пряжки находятся в Волго-Уралье и примыкающем к нему Казахстане и их нет, к примеру, в обширных степях Северного Причерноморья. Подобная локализация кольцевидно-узкопланочных поясных деталей говорит о том, что механизм их трансляции имел вполне конкретный характер.

На примере северных типов пряжек на юге мы убедились в том, что далекие продвижения поясных деталей на Кавказ были связаны с предкавказскими посткатакомбными группами, которые обеспечивали своеобразную посредническую функцию. Органично сочетая в себе черты кавказских и степных культур, они связывали два этих мира и делали возможным курсирование вещей в близком культурном пространстве и в ту и в другую стороны.

В предложенную модель хорошо теперь ложатся и находки кольцевидно-узкопланочных пряжек в Тамар-Уткуле, Алгаши и Нуртае. Дело в том, что недавно удалось наметить выделение новой посткатакомбной волго-уральской группы памятников. Ее происхождение связано с раннелолинской культурой и, по сути, она является северным дериватом Лолы [Мимоход, 2010]. Ареал нового культурного образования охватывал волго-уральские степи и юг Среднего Поволжья, отдельные пункты имеются и в Восточном Казахстане (Мамбеталы 5/1). Именно благодаря этой группе в облике следующей по времени за ней синташтинской культуры фиксируется отчетливо выраженный кавказский и предкавказский след [Мимоход, 2010. С. 74-78]. Не сложно заметить, что находки пряжек кавказских типов непосредственно примыкают к очерченному ареалу (Алгаши 1/1, Нуртай к. 22 ограда Г), либо находятся внутри него (Тамар-Уткуль-VII 4/3) (рис. 3). Фактически от Северо-восточного Кавказа, основной территории распространения кольцевидно-узкопланочных пряжек, до Казахстана и Среднего Поволжья в финале СБВ возникло родственное культурное пространство, представленное лолинской культурой и волго-уральской группой. Их культурогенез напрямую был связан с миграцией в степь крупных групп носителей гинчинской и присулакской культур, вызванной резкой аридизацией климата [Мимоход, 2010. С. 73; 2010а. С. 248, 249; Борисов, Мимоход, 2010].

Как следствие, можно констатировать, что обнаружение поясных деталей кавказского происхождения в средневожском абашевском, вольско-лбищенском и нуртайском комплексах является результатом контактов носителей соответствующих культур с волго-уральской посткатакомбной группой. Тот факт, что в ее погребениях пока этих изделий не обнаружено, не должно особенно смущать. Погребения волго-уральской группы отличаются ярко выраженной безынвентарностью даже на фоне других культур посткатакомбного блока, для которых крайне ограниченное помещение сопровождающих вещей в могилу является эпохальной чертой [Мимоход, 2005. С. 71, 72]. Это специфика обряда, прямо влияющая на информативность источника [Мимоход, 2010. С. 78]. В такой ситуации именно находки кольцевидно-узкопланочных пряжек в комплексах сопредельных культур независи-

мо подтверждают факт использования их в быту носителями волго-уральской группы, а общий южный облик последней не оставляет сомнения в кавказском происхождении этих изделий.

Еще раз обратим внимание на два очень показательных момента. Первый – это то, что кавказские поясные детали обнаружены именно в Волго-Уралье, второй – их хронология. Эти факторы определяют время и направленность восточнокавказского импульса в финале средней бронзы, который, в конечном итоге, определил целый ряд характерных элементов обрядово-инвентарного комплекса колесничных культурных образований, особенно, Синташты [Мимоход, 2010. С. 74–78]. Как уже отмечалось, кольцевидно-узкопланочные пряжки датируются среднелоллинским периодом, т.е. непосредственно предсинташтинским этапом. В Волго-Уралье это время посткатакомбной группы – деривата Лолы, которая приняла прямое участие в генезисе синташтинских древностей. В результате мы можем хорошо проследить хронологическую динамику рассматриваемого импульса кавказского очага культуругенеза завершающей фазы: вначале формируется раннелоллинская культура в Предкавказье, горизонт которой маркируют находки кольцевидно-широкопланочных пряжек (рис. 4, 9–12), а затем волго-уральская группа, посредством которой транслировались уже более поздние модификации кольцевидно-узкопланочных изделий. На следующем этапе (начало поздней бронзы) этот наработанный маршрут «Северо-восточный Кавказ – Восточное Предкавказье – Волго-Уралье» уже обеспечивал проникновение северных (синташтинско-потаповских и покровских) типов пряжек в ареал позднелоллинской культуры и на Кавказ (рис. 1), которое было частным проявлением начального периода деятельности нового волго-уральского очага культуругенеза – становления блока колесничных культур. Все логично: оба очага оказываются генетически связанными, что определило преемственность между двумя эпохами, особенно заметную в облике посткатакомбных культур южного происхождения. Материалы охарактеризованных комплексов с пряжками хорошо ложатся в предложенную модель культурно-генетических процессов.

Проверим ее еще на одном этюде о костяных поясных деталях в Волго-Уралье и Поволжье. Исследователи не раз обращали внимание на то, что среди группы северных пряжек, известных в колесничных памятниках, особняком стоит серия планочных пряжек, представленная в покровских погребениях (рис. 2, 15–19) [Петров, 1983. Рис. 2, 1, 5; 3, 11; Пряжин, Матвеев, 1988. Рис. 7, 5; Литвиненко, 2001. С. 90, Рис. 2, 5, 7, 8; Мышкин, Турецкий, 2006. Рис. 9, 4]. Данные предметы явно выбиваются из общего типологического ряда кольцевых изделий, характерных для бабинских, покровских и синташтинско-потаповских комплексов (рис. 2, 9–14, 20–35), наличием выраженной планки, в которой находится дополнительное отверстие. Это существенное отличие особенно показательно на фоне очевидного структурного сходства покровских пряжек с планкой с кавказскими и предкавказскими кольцевидно-планочными поясными деталями (рис. 4, 5–8, 13–19). В обеих подборках можно наблюдать одну и ту же идею – наличие кольца и планки с дополнительным отверстием. Серьезно отличаются только размеры планки. На пряжках более поздней покровской традиции эта деталь явно редуцирована по

сравнению с изделиями кавказского региона, что можно рассматривать в качестве хронологического индикатора.

При явном хронологическом приоритете кавказских планочных экземпляров по отношению к горизонту щитковых псалиев и наличии выраженного южного импульса в сложении колесничных культур, о чем говорилось выше, есть основания предполагать, что отражением последнего на уровне такой специфической категории инвентаря как костяные и роговые пряжки являются как раз поясные детали с планками, которые распространяются в покровских памятниках. Подтверждает генетическую связь обеих серий картографирование изделий из погребений начала ПБВ. Подавляющее большинство их расположено в Волго-Уралье и Поволжье [Литвиненко, 2001. Рис. 1], т.е. именно на тех территориях, где наиболее отчетливо проявился восточнокавказско-предкавказский компонент в сложении колесничных древностей. Правда, пока сложно объяснить, почему планочных пряжек нет, например, в Синташте, в которой южный импульс ощущается сильнее всего. По-видимому, ответ на этот вопрос кроется в специфических чертах локального культурогенеза, которые обусловлены тем, какие конкретно группы южного посткатакомбного происхождения участвовали в сложении разных колесничных культур, и насколько им была присуща традиция использования кольцевидно-планочных поясных деталей.

Итак, мы видим, что две линии развития пряжек (северная и южная) имеют точку пересечения, которая проявляется в распространении покровских кольцевых пряжек с редуцированной планкой, генетически восходящих к кавказским кольцевидно-планочным образцам. Существование покровских планочных изделий в одном культурно-хронологическом поле, с традиционными для Восточной Европы типами кольцевых пряжек как нельзя лучше отражает тот факт, что восточнокавказско-предкавказский импульс в сложении колесничных памятников – это только один из компонентов сложных и многоплановых культурно-генетических процессов волго-уральского культурогенеза начала поздней бронзы.

Таким образом, взаимное проникновение пряжек северной и южной линий развития, соответственно, в южную и северную части «пряжечного» пространства напоминает своеобразный последовательный во времени обмен визитными карточками между участниками культурно-генетических процессов рубежа средней – поздней бронзы Восточной Европы и Кавказа. Он отражает хронологию и степень активности конкретных культурных образований этих регионов в контексте модели функционирования кавказского и волго-уральского очагов культурогенеза и их генетической взаимосвязи. В финале средней бронзы отчетливо фиксируется южный (восточнокавказский) импульс, направленный преимущественно в Волго-Уралье, который на материалах пряжек аргументируется появлением в регионе кольцевидно-планочных изделий. По калиброванным радиоуглеродным данным его можно датировать в пределах XXII–XX вв. до н. э. Этот импульс и есть завершающая фаза деятельности кавказского очага культурогенеза. На следующем этапе (Синташта-Потаповка-Покровск), который датируется XX–XVIII вв. до н. э., уже северные типы пряжек проникают на юг, в чем нельзя не увидеть отражения начального периода функционирования нового волго-уральского очага культурогенеза эпохи поздней бронзы.

Mimokhod R.A.

BONE AND HORN BELT-BUCKLES DATED
BY THE BORDER OF MIDDLE AND LATE BRONZE AGES,
ISSUED FROM THE EASTERN EUROPE AND THE CAUCASUS,
AS CHRONOLOGICAL AND CULTURAL MARKERS

The article analyses bone and horn belt-buckles found in the Eastern Europe and the Caucasus (2200–1800 BC in calibrated dates). The evolution of these artifacts includes two directions: the southern (Caucasus and Precaucasus) and the northern one (Northern Black Sea coast, Don-Volga basin, Volga-Ural region). Cases of coexistence of various artifacts in neighboring regions permit to synchronize Caucasian and steppe cultures and to reconstruct intercultural influences in production of belt-buckles.

Литература:

Андреева М.В. Об одной зооантропоморфной фигурке из Ставрополя // Советская археология. № 2. М., 1986.

Богданов С.В. Большой Дедуровский Мар // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 1998.

Богданов С.В., Халютин М.В. Погребальные памятники в Степном Приуралье // Культурное наследие степей Северной Евразии. Вып. 1. Оренбург, 2000.

Борисов А.В., Мимоход Р.А. Палеоэкологические условия и механизмы сложения лопинской культуры // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Материалы III Нижневолжской археологической конференции. Астрахань, 2010.

Братченко С.Н. Культура многоваликовой керамики // Археология Украинской ССР. Т. 1. К., 1985.

Братченко С.Н. Пряжки эпохи средней бронзы и их северокавказские формы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. Ч. II. СПб, 1995.

Братченко С.Н. Левенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века // Матеріали та дослідження з археології Східної України. № 6. Луганськ, 2006.

Васильев И.Б. Поселение Лбище на Самарской Луке и некоторые проблемы бронзового века Среднего Поволжья // Вопросы археологии Урала и Поволжья. К 30-летию Средневолжской археологической экспедиции. Самара, 1999.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара, 1994.

Гаджиев М.Г. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы (могильник Гинчи). Махачкала, 1969.

Гей И.Н., Мелешко Б.В., Сатеев О.И., Ульянова О.А. Отчет о работе Понурского отряда Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР в 1987 г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1, № 14236–14242

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Часть 1. Челябинск, 1992.

Гуммель Я.И. Археологические очерки. Баку, 1940.

Епимахов А.В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Книга 1. Челябинск, 2005.

Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Абашевская культура в Поволжье // Материалы и исследования по археологии СССР. № 97. М., 1961.

Ильюков Л.С., Магомедов Р.Г. Костяные пряжки эпохи средней бронзы из Дагестана // Вестник Дагестанского научного центра. № 39. Махачкала, 2010.

Калмыков А.А., Мимоход Р.А. Роговые и костяные поясные пряжки и подвески долиньской культуры // Матеріали та дослідження з археології Східної України. № 4. Луганськ, 2005.

Ковалюх Н.Н., Мимоход Р.А. Новые радиоуглеродные даты посткатакомбных погребений Нижнего Поволжья и степного Предкавказья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. II Международная Нижневолжская археологическая конференция. Волгоград, 2007.

Копылов В.П. Отчет об исследовании археологических памятников в зоне строительства Донской оросительной системы в 1980 г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 8104, 8104а

Кореневский С.Н., Белинский А.Б., Калмыков А.А. Большой Ипатовский курган на Ставрополье как археологический источник по эпохе бронзового века на степной границе Восточной Европы и Кавказа. М., 2007.

Кузнецов П.Ф. Вольско-лбищенская культура // XVII Уральское археологическое совещание. Екатеринбург-Сургут, 2007.

Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д. Нестандартный раннесрубный комплекс юга лесостепного Поволжья // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. Вып. 1. Самара, 1999.

Литвиненко Р.А. Территориально-хронологические соотношения культур многоваликовой керамики и доно-волжской абашевской // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита- бронзы Средней и Восточной Европы. М-лы конф. СПб., 1995.

Литвиненко Р.А. Костяные пряжки как хронологический индикатор для культур бронзового века юга Восточной Европы // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. – Вып. 2. Воронеж, 1996.

Литвиненко Р.А. К оценке культуры многоваликовой керамики Восточного Надазовья // Северо-восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Материалы международной конференции. Часть 1. Донецк, 1996а.

Литвиненко Р.А. Динамика расселения племен КМК в бассейне Нижнего Дона // VII Донская археологическая конференция «Проблемы археологии Юго-восточной Европы». Ростов-на-Дону, 1998.

Литвиненко Р.А. О так называемых «поясных пряжках» в памятниках бронзового века Волго-Уралья // XV Уральское археологическое совещание. Оренбург, 2001.

Литвиненко Р.А. Культура Бабино (многоваликовой керамики) и ее место в системе бронзового века юга Восточной Европы // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века Южной половины Европы» 23–28 апреля 2001 г. Самара, 2001а.

Литвиненко Р.А. О характере взаимоотношений носителей культуры многоваликовой керамики (КМК) и памятников покровского типа (ППТ) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Материалы IX международной научной конференции 25–30 мая 1998 г. Ростов-на-Дону, 2001б.

Литвиненко Р.А. «Пряжки» и колесничество: проблема соотношения // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ. № 2. Луганськ, 2004.

Литвиненко Р.О. Культурное коло Бабино (по материалам похоронных памятников). Рукопись дисс... д-ра. ист. наук // Архив ИА НАНУ. № 879. К., 2009.

Ляхов С.В. Погребения эпохи бронзы из курганов у станции Кулатка Хвалынского района Саратовской области // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2009.

Магомедов Р.Г. Фигурная костяная пряжка из Ирганайского могильника // Памятники древнего искусства Дагестана. Махачкала, 1990.

Марковин В.И. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963.

Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1997.

Матвеев Ю.П. Костяные пряжки и относительная хронология культур эпохи бронзы донецко-поволжского региона // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. Воронеж, 1996.

Мельников Е.Н. Покровско-абашевские погребения кургана у с. Большая Плавница // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции. Чебоксары, 2003.

Мимоход Р.А. Блок посткатакомбных культурных образований (постановка проблемы) // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Луганськ, 2005.

Мимоход Р.А. Погребения финала средней бронзы бассейна р. Кубань // Первая абхазская международная археологическая конференция. Древние культуры Кавказского Причерноморья. Материалы конференции. Сухум, 2006.

Мимоход Р.А. Лолинская культура финала средней бронзы Северо-западного Прикаспия // РА. № 4. М., 2007.

Мимоход Р.А. Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция

комплексов // Материалы охранных археологических исследований. Т. 10. М., 2009.

Мимоход Р.А. О верхней дате вольско-лбищенской культурной группы // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 13. Воронеж, 2009а.

Мимоход Р.А. Погребения финала средней бронзы в Волго-Уралье и некоторые проблемы регионального культурогенеза // Донецкий археологический збірник. № 13/14. Донецьк, 2010.

Мимоход Р.А. Лолинская культура: хронология и происхождение // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Магас, 2010а.

Мимоход Р.А. Радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований // Матеріали та дослідження з археології Східної України. № 10. Луганськ, 2010б.

Мимоход Р.А., Шишлина Н.И. Радиоуглеродные данные финальнокатакомбных погребений могильника Манджикины-I и некоторые вопросы датирования памятников рубежа эпохи средней и поздней бронзы Северо-Западного Прикаспия // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова. XXIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. М., 2004.

Моруженко А.А., Литвиненко Р.А. Могильник эпохи бронзы у с. Зрубное на р. Миус // Донецкий археологический сборник. Вып. 3. Донецк, 1993.

Мышкин В.Н., Турецкий М.А. Курганы бронзового века на реке Малый Кинель // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара, 2006.

Отрощенко В.В. Феномен кистяних пряжок // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). Запорожье, 1998.

Отрощенко В.В. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфіні зіставлення). К., 2001.

Отрощенко В.В. К истории племен срубной общности // Археология восточноевропейской лесостепи. Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. Вып. 17. Воронеж, 2003.

Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье // Свод археологических источников. Вып. В1-10. Саратов, 1993.

Петров Ю.Э. Костяные пряжки раннесрубного времени на территории Среднего Поволжья // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983.

Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П. Курганы эпохи бронзы Побитюжья. Воронеж, 1988.

Рысин М.Б. Поселение Страчки и проблема периодизации эпохи средней бронзы Западного Кавказа // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л., 1991.

Рысин М.Б. К вопросу о культурных общностях и дифференциации в эпоху средней бронзы на Кавказе // Конвергенция и дивергенция в разви-

тии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. СПб., 1995.

Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996.

Синюк А.Т., Козмирчук И.А. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона (по материалам погребений) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара, 1995.

Скаков А.Ю. Хронология протокобанских памятников // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века Южной половины Европы» 23–28 апреля 2001 г. Самара, 2001.

Скаков А.Ю. Относительная хронология погребений Тлийского могильника // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Крупновские чтения 1971–2006. Вып. VIII. М., 2007.

Смирнов К.Ф. «Быковские курганы» // Материалы и исследования по археологии СССР. Древности Нижнего Поволжья (итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). Т. II. № 78. М., 1960.

Ткачев А.А. Особенности нуртайских комплексов Центрального Казахстана // Вестник антропологии, археологии и этнографии. Вып. 2. Тюмень, 1999.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Ч. 1, 2. Тюмень, 2002.

Ткачев А.А. Нуртайские комплексы Центрального Казахстана (к проблеме хронологии и периодизации) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2009.

Ткачев В.В. К вопросу о памятниках нуртайского типа Центрального Казахстана // Материалы международной научной конференции «Кадырбаевские чтения – 2007». Актобе, 2007.

Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе, 2007а.

Трифонов В.А. Гуамский грот – новый многослойный памятник на Северо-западном Кавказе // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990.

Трифонов В.А. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита-средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века Южной половины Европы» 23–28 апреля 2001 г. Самара, 2001.

Трифонов В.А. Дольмены Западного Кавказа: архитектура и погребальный обряд. Доклад на II (XVIII) Всероссийском археологическом съезде в Суздале в 2008 году.

Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа. Вып. VIII. М., 1900.

Шарафутдинова Э.С. Время появления раннесрубных памятников на Нижнем Дону // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1983.

Шарафутдинова Э.С. Новые данные о памятниках эпохи поздней бронзы и начала раннего железа на Кубани // Древние культуры Прикубанья. Л., 1991.

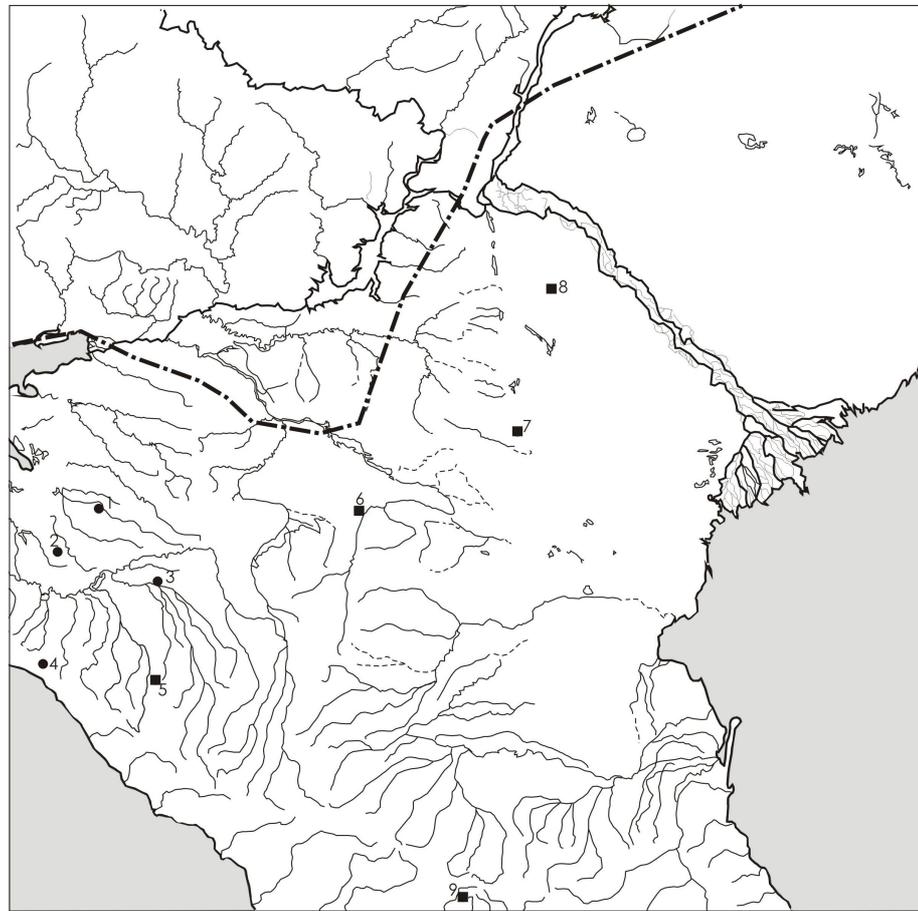
Шарафутдинова Э.С. Тенденции развития посуды в культуре многоваликовой керамики (КМК) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (III тыс. до н. э.). Самара, 1995.

Шарафутдинова Э.С. Начальный этап поздней бронзы в Нижнем Подонье и на Северском Донце // Донские древности. Азов, 1995.

Шарафутдинова Э.С. О восточной и северо-восточной границах распространения памятников бабинской культуры // Северо-восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит - бронзовый век). Материалы международной конференции. Часть 1. Донецк, 1996.

Шарафутдинова Э.С. Новые памятники эпохи средней и поздней бронзы Северо-западного Кавказа // Между Азией и Европой. Кавказ в IV-I тыс. до н. э. СПб., 1996а.

Шнайдитейн Е.В. Отчет об археологических раскопках в Астраханской области в 1982 г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 9109, 9109а

- - - - - юго-восточная граница основного ареала распространения северных типов пряжек
 ● - пряжки первой группы (бабинские)
 ■ - пряжки второй группы (покровские, синташтинско-потаповские)

Рис. 1. Пункты находок северных типов костяных и роговых пряжек в Предкавказье и на Кавказе 1 - Батуриная I 5/2; 2 - Олений I 2/8; 3 - Садовый 4/10; 4 - дольмен на р.Колихо; 5 - ст. Даховская, Дегуакская поляна, дольмен 37; 6 - Ипатово 3 2/32; 7 - Чилгир 3/3; 8 - Ут 6/1; 9 - Тли п.56

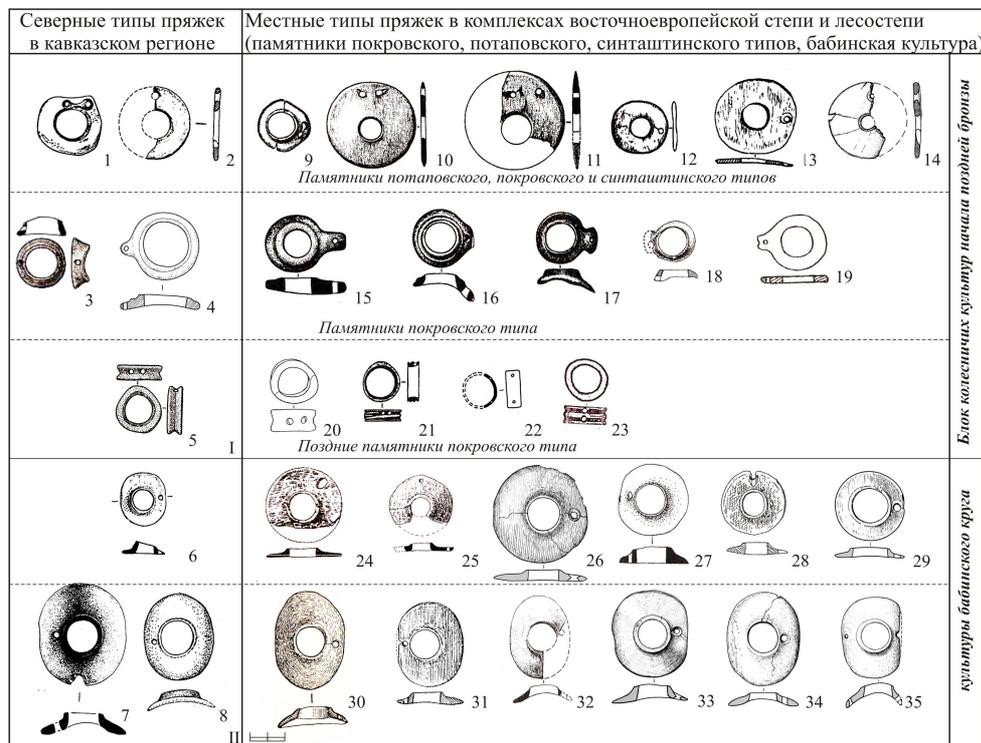

Рис. 2. Северные типы костяных и роговых пряжек в Предкавказье и на Кавказе и их восточноевропейские аналогии I – пряжки второй группы; II – пряжки первой группы;
 1 – ст. Даховская, Дегуакская поляна, дольмен 37; 2 – Ипатово 3 2/32; 3 – Чилгир 3/3;
 4 – Ут 6/1; 5 – Тли п.56; 6 – Олений I 2/8; 7 – Батуринская I 5/2; 8 – Садовый 4/10;
 9 – Политодельское 4/6; 10 – Покровск 35/2; 11 – Синташта СМ/30; 12 – Потаповка 3/9;
 13 – Филатовский курган п.1; 14 – Каменный Амбар-5 4/3; 15 – Неприк к.1; 16 – Чардым 1/9;
 17 – Спиридоновка II 1/1; 18 – Лозовка V 4/2; 19 – Чурилово 1 5/1; 20 – Камышовский I 6/4;
 21 – Зрубное 7/8; 22 – Новоузенск 1/10; 23 – Старая Кулатка 2/3; 24 – Липовец 264/3;
 25 – Благовещенка 5/1; 26 – Александровка 1/7; 27 – Кисилев II 3/18; 28 – Высокая Гора 1/1;
 29 – Запопрожец 1/19а; 30 – Любарцы 5/2; 31 – Актвое 7/15; 32 – пос. Раздольное;
 33 – Полковое 1/3; 34 – Сидорово 1/1; 35 – Обозное 1/6

Рис. 3. Пункты находок южных типов костяных и роговых пряжек в Нижнем Подонье, Среднем Поволжье и Центральном Казахстане
1 - Ливенцовская крепость п.6; 2 - Алгаши 1/1; 3 - Тамар-Уткуль VII 4/3; 4 - Нуртай ограда 22Г

Южные типы пряжек в Нижнем Подонье, Волго-Уралье и Казахстане	Местные типы пряжек в кавказском регионе	
	Предкавказье	Кавказ

Рис. 4. Южные типы костяных и роговых пряжек в Подонье, Волго-Уралье и Центральном Казахстане и их кавказские аналоги
1 - Тамар-Уткуль VII 4/3; 2 - Ливенцовская крепость п.6; 3 - Нуртай ограда 22Г; 4 - Алгаши 1/1; 5 - Ильинский 1 1/6; 6 - Ипатово 3 2/13; 7 - Типки I 2/4; 8 - Кривая Лука XXI 1/9; 9 - Чограй VIII 34/1; 10 - Кевюды 1 3/5; 11 - Темрта 1 2/7; 12 - Чернорская 3/10; 13,14 - Гатын-Кале п.7; 15 - Гатын-Кале п.30; 16 - Гинчи склеп 2; 17 - Ханлар 18/1; 18 - соор. 58 пос. Ханлар; 19 - Донифарс п.4 (без масштаба); 20 - Ирганайский 1/1; 21 - Ирганайское пос.; 22 - Гертма III 5/1; 23 - Гертма III 6/3

Лопатин В.А.

«ВОРОНЕЖСКИЙ» ВЕКТОР СТАНОВЛЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ПОКРОВСКОГО ТИПА НА ВОЛГЕ

В Поволжском регионе памятники покровского типа диагностируются по целому ряду признаков погребальной обрядности (левобочная адорация, северные ориентировки, смещение скелета к западной стенке) и составу инвентаря (наконечники копий с манжетами и ушками на втулках, щитковые псалии с треугольными планками и без бокового выреза, ножи с ромбической пяткой черешка, дрововые и желобчатые браслеты, круглые и овальные подвески в 1,5 оборота, сурьмяные и фаянсовые бусы, ромбические и треугольные медальоны-подвески) [Малов, 1991; Он же, 1992-а. С. 130–132]. Ведущая роль в идентификации принадлежит керамике, причем это сосуды, чаще всего имеющие характерные абашевские черты (колоколовидность формы, внутреннее ребро, примесь раковины, расчесы на тулове), что особенно существенно в работе с фрагментированным материалом поселений, где, как правило, все прочие признаки «покровска» не представлены. Иногда покровские сосуды демонстрируют причудливую эклектику форм или орнаментов, что вполне объективно расценивается исследователями как признак межкультурных взаимодействий и явлений синкретизма в ходе становления покровского феномена, или очень широкой контактности. Безусловно, подобные комплексы чрезвычайно важны в исследованиях глубокого по времени и сложного по многокомпонентности генезиса культур, открывающих своим появлением эпоху поздней бронзы.

Цель представленной работы заключается в попытке проследить возможные варианты происхождения некоторых керамических типов покровского комплекса. Они вызывают любопытство, прежде всего, в связи с необычностью формовки венчиковых отделов сосудов. Побудительным мотивом к началу этой работы послужил один подкурганый комплекс (рис. 2, 1–13), к анализу характеристик которого и следует обратиться вначале.

Курган на границе Энгельского и Советского районов в Саратовском Заволжье (рис. 1, 1) был раскопан И.И. Дремовым и И.В. Семеновой в 1997 году. Это самая крупная насыпь в курганном могильнике, который стоял на водоразделе между р. Большой Караман и его притоком – р. Грязнухой. Диаметр насыпи составлял 20 м, высота над современным уровнем распаханной

террасы – 1,5 м [Дремов, Семенова, 1999. С. 55]. В кургане выявлено 8 погребений, в том числе захоронения, относящиеся к РЖВ, но нам интересен ряд могил раннего строительного горизонта (пп. 3, 4, 6). Подкурганная планиграфия явно демонстрирует их обрядовую связь: погребение 6 – центральное и основное (криволукского типа в подбойной могиле) в южных секторах сопровождалось покровскими подхоронениями №№ 3 и 4, а также двумя ритуальными комплексами (п. 8 и автономная гризна в яме).

В целом, в этой ситуации нет ничего необычного, поскольку на данном срезе поликомпонентного культурогенеза памятники археологии отчетливо фиксируют активное взаимодействие посткатакомбных и покровских групп населения в Поволжье. Здесь, как и повсеместно между Волгой и Уралом, а также на севере Волго-Донья, различные памятники покровского типа относительно одновременны финальнокатакомбным и посткатакомбным комплексам – криволукским, бабинским, позднелюлинским и степным «волго-уральским» [Мимоход, 2010. С. 67–82]. Их контакты, сращивания и взаимные аккумулярации определяли некоторые своеобразия формирования и дальнейшего развития ранних вариантов будущей срубной культурно-исторической общности.

В кургане на р. Грязнухе основа комплекса представлена погребением посткатакомбного типа (№ 6), в овальной могиле со ступенькой и подбоем в восточную сторону, скорченное на левом боку в позе «скачущего всадника», безынвентарное, с костями МРС перед умершим. Покровские погребения (№№ 3 и 4) расположены несколько юго-восточнее, рядом друг с другом, в прямоугольных ямах, где скелеты подростков лежали около западных стенок, в слабоскорченной левобочной адорации, по направлению к северу и ССВ [Дремов, Семенова, 1999. С. 61, рис. 2]. В этом же южном полукольце свиты основного захоронения, вероятно одновременно с покровскими подхоронениями, были оставлены два комплекса ритуального сопровождения – череп ребенка в яме под деревянным перекрытием (№ 8) и гризна (череп и ноги лошадей и МРС в грунтовой яме) [там же. С. 58, рис. 1]. Комплекс весьма интересен уже в этом обрядовом контексте, но нам необходимо сосредоточиться на инвентаре из двух покровских захоронений.

В обоих погребениях есть пастовые бусы белого цвета (рис. 2, 4, 5, 8–12), что весьма типично для покровского времени, но отмечалось, что они могут встречаться и в раннесрубных материалах [Малов, 1992б. С. 46]. Уникальна пронизка из третьего погребения (рис. 2, 3), которая вместе с бусами входила, вероятно, в состав ожерелья. В авторской трактовке И.И. Дремова и И.В. Семеновой она представлена как пастовая, но на самом деле анализ этого предмета, хранящегося в фондах Энгельсского музея, показал, что пронизка изготовлена из тонко ошлифованного кусочка керамики. На нем заметна цветовая двуслойность по границе обжига на внешней поверхности. Точный аналог этому типу украшений мне не известен, но не исключено, что пронизка может быть неким подражанием кавказскому лепестковому бисеру.

Наиболее интересна керамика. В этом наборе (рис. 2, 1, 2, 6, 7, 13), как представляется, отчетливо заметна тенденция формирования на ранней фазе развития «покровска», когда в культурогенезе были заняты многие, самые разнообразные культурные компоненты. Авторами первой публикации это

было замечено, но без подробного анализа сосуда Грязнухи декларативно квалифицированы, как «покровские с *вольскими* чертами». Очевидно, авторы ориентировались на общее (заметим, весьма отдаленное) сходство форм и некоторых элементов орнамента этих сосудов с вольскими показателями, а именно, на сложное строение профилей и характерные удлинненно-овальные оттиски, построенные горизонтальными рядами. Прежде всего, следует, все же, отметить, что в хорошо известных комплексах вольско-лбищенского типа [Степанов, 1956; Васильев, 2003; Малов и др., 2009] абсолютных аналогов сосудам Грязнухи нет. Они заметно отличаются от вольской классики по размерам и пропорциям, а также значительно упрощены по организации орнаментального поля, элементы декора выполнены небрежно. Вместе с тем, нельзя отрицать и того факта, что здесь мы имеем дело, если не с деградирующей традицией, то уж определенно с подражательной репликой в манере лепки и украшения керамики. Это нечто иное как подражание керамическому канону определенного круга культур лесостепного региона между Волгой и Доном, последовательно развивавшихся с энеолита до рубежа средней и поздней бронзы. Только в этих культурах имеются сосуды с самыми сложными, многочастными профилями.

Суть указанной сложности заключается в том, что геометрическая модель фронтального изображения такого сосуда (рис. 3) содержит максимальное среди всех известных керамических форм бронзового века количество простых фигур (четыре). В авторской систематизации керамики срубной культуры мною были выделены три категории сложности форм сосудов: 1 – открытая банка, в геометрическую модель которой вписывается всего одна фигура (трапеция); 2 – закрытая или биконическая (реберчатая) банка (две трапеции, стыкующиеся основаниями); 3 – остросеберные и округлобокие горшки, фронтальные модели которых содержат по три трапеции [Лопатин, 1991. С. 43–44, рис. 1]. Особую сложность некоторым сосудам вольской, иванобугорской, примокшанской, воронежской культур и, как это очевидно по материалам кургана Грязнухи, некоторым редким сосудам покровского типа придает необычная форма венчика, имеющего двучастный («ломанный») профиль.

Проведенный обзор археологических комплексов, в которых имеются сосуды с многочастными профилями, показал, что эта керамика неоднородна, всю группу таких форм можно разделить на три варианта. Первый вариант – сосуд с двучастным венчиком прикрытого профиля и рельефным желобком на внутренней поверхности (рис. 3, А). Второй вариант – венчик двучастного прикрытого профиля с прямой внутренней поверхностью (рис. 3, Б). Третий вариант – двучастный венчик с вертикальной профилировкой верхнего отдела (рис. 3, В). В этой схеме очень важно придерживаться унифицированной терминологии, адресованной важнейшим типобразующим частям и линиям фронтальной модели сосуда (рис. 3, А), которая была конкретизирована в работе, посвященной Смеловскому могильнику [Лопатин, 2010. С. 61–63]. Применительно к рассматриваемому типу керамики необходимо отчетливо фиксировать основные линии устья (D 1), шейки (D 2), максимального расширения тулова (D 3), днища (D 4), маркированные широтными индексами, а также основные части – двучастный венчик (H 1), пле-

чо (Н 2), придонная часть (Н 3), маркированные высотными индексами. Показатель двучастности венчика уместно дифференцировать на варианты (Н 1.1 и Н 1.2), где выделяются верхний отдел венчика, завершающийся линией устья, и нижний отдел, начинающийся от линии шейки. Подобный подход принципиально важен, поскольку дробные характеристики отражают суть формы сосуда.

Выборка керамических артефактов, в которых представлен искомый признак (сложные многочастные профили), условно следует разделить на группы по принципу культурной принадлежности, поскольку это немаловажно в контексте конкретизации культурно-генетической векторности процесса, отчасти отражающего становление покровского культурного типа. Особо отметим, что индикатором в данном анализе, прежде всего, является именно наличие сложного профиля сосуда. В качестве дополнительных признаков выступают некоторые элементы орнаментации.

Группа покровских сосудов со сложными профилями, идентифицируемых по комплексу показателей (погребальный обряд, керамическая технология, сопроводительный инвентарь), является производной, вобравшей искомый признак в ходе генезиса. Прочие группы (вольско-лбищенская, финальнокатакомбная, воронежская) формально должны быть признаны исходными, активно влиявшими на становление «покровска» в сложных процессах культурогенеза, многокомпонентных взаимодействиях посткатакомбного и постпшурового миров. Чтобы сориентироваться в векторах воздействия на формирование раннепокровской эклектики, верно определить истоки тех или иных элементов формообразования и декора, следует, очевидно, вначале проанализировать показатели исходных групп керамики, в которых представлены сложные многочастные профили.

Вольско-лбищенская группа сосудов, отобранных фронтальным обзором, является наиболее архаичной. Последними исследованиями эти комплексы синхронизированы с памятниками полтавкинско-катакомбного времени [Васильев, 2003. С. 113–115; Малов и др., 2009. С. 30]. Но высказывалось также мнение о неоднородности и неодновременности вольско-лбищенского комплекса [Лопатин, 2010-а. С. 132]. Эта проблема требует тщательной проработки, прежде всего сравнительного анализа керамических комплексов Попова Блюдечка и Лбища, которые, вероятно, отражают два последовательных этапа в развитии.

В этой группе сосуды со сложными профилями выявлены в материалах поволжских городищ – Ахматского (рис. 6, 2, 4)¹, Вольского (рис. 7, 4, 14–18) [Малов и др., 2009. С. 36, рис. 3, 3; С. 40, рис. 7, 3; С. 38, рис. 5, 7; С. 35, рис. 2, 6; С. 39, рис. 6, 16; С. 37, рис. 4, 9], Лбищенского (рис. 7, 8–11) [Васильев, 2003. С. 113, рис. 1, 5, 6, 9, 10], Алексеевского (рис. 7, 3, 12, 13) [Мальшев, 2008. С. 314, рис. 3, 14, 15, 17], Даниловского (рис. 7, 5) [Лапшин, 2003. С. 261, рис. 4, 4]; на поселениях Мартышкино (рис. 6, 5, 6) [Лопатин, 1992. Рис. 25, 5; Он же, 1993.

¹ Неопубликованные, по большей части, материалы сборов на Ахматском городище и поселении Мартышкино хранятся в фондах Саратовского областного музея краеведения: 1912 г. – Ф.Н. Охлябинин, Б.В. Зайковский, С.А. Щеглов – инв. № 2020 (рис. 6, 1); 1912 г. – А.А. Спицын, В.И. Онезоре – инв. № 17073/1 (рис. 6, 3); 1965 г. – Ю.В. Деревягин, Д.С. Худяков – инв. № 2657 (рис. 6, 2, 4).

Рис. 36, 3; Он же, 2005. Рис. 224, 8], Сосновка (рис. 7, 1) [Малов и др., 2010. С. 56, рис. 2, 14]; в кургане Владимировка-II (рис. 7, 19) [Скарбовенко, 2006. С. 289, рис. 3, 3].

Венчики сосудов разнообразны: как правило, прикрытые, ломаного профиля, иногда с внешними утолщениями типа воротничков, нередко скошенные наружу. Дополнительной и очень важной спецификой этой керамики, кроме характерного профиля, является орнаментация, позволяющая идентифицировать ее именно как «вольскую». Элементы декора – короткие оттиски зубчатого или гладкого штампа, построенные частыми горизонтальными рядами, иногда с разделительными линиями. Они составляют сложные «ковровые» композиции, включающие зигзаги (простые, штрихованные, с «бахромой»), косые «лесенки», «елочки». На некоторых фрагментах отмечены горизонтальные ряды пальцевых защипов (рис. 7, 14, 15), но это представляется инородным элементом, более характерным для орнаментального арсенала воронежской керамики.

Финальнокатакомбная группа сосудов невелика, в контексте нашего вопроса она привлекается, прежде всего, в связи с соответствием искомому признаку показателей форм, но характерно также, что их орнаментация чрезвычайно близка вольской традиции. Это сосуды небольших размеров из грунтового могильника Белогорское-I (рис. 7, 20, 21) [Дремов, 1996. С. 105, рис. 4, 3; С. 108, рис. 6, 2], кургана у поселка Советское (рис. 7, 22) [Баринов, 1996. С. 92, рис. 3, 4], а также фрагмент сосуда из Сосновки (рис. 7, 2) [Малов и др., 2010. С. 56, рис. 2, 13], украшенного оттисками крученого шнура, но в манере, близкой вольскому узкозональному принципу организации декора (ряды коротких отрезков с разделительными линиями).

Воронежская группа сосудов наиболее интересна, поскольку их профили максимально полно соответствуют характеристикам нашего искомого признака. Эта керамика выявлена на городищах и поселениях Среднего Дона: Мостищенском-2 (рис. 5, 1) [Синюк и др., 2001. С. 75, рис. 53, 8], Аверинском (рис. 5, 2, 3) [там же. С. 84, рис. 60, 5, 6], Животинном (рис. 5, 4, 5) [Пряхин, 1982. С. 102, рис. 31, 1; Пряхин, Беседин, 1988. С. 95, рис. 3, 10], Архангельском (рис. 5, 6) [Пряхин, 1982. С. 108, рис. 33, 10], Шиловском (рис. 5, 7, 10) [там же. С. 39, рис. 9, 1, 7], Елецком (рис. 5, 8) [там же. С. 124, рис. 41, 14], Воргольском (рис. 5, 9) [там же. С. 120, рис. 39, 5]. Следует отметить, что в материалах воронежской культуры содержание сосудов с многочастными профилями не столь велико, а в целом керамический комплекс выглядит весьма эклектичным, причем, многообразие заметно как в формах, так и в орнаментике.

Осмысление проблемы воронежской культуры началось в 70–80-х гг. XX столетия. Этому предшествовали большие масштабные исследования бытовых памятников эпохи бронзы в бассейне Среднего Дона, и поначалу оригинальная лепная керамика яйцевидных форм соотносилась с катакомбной, бабинской и абашевской культурами, отдельные черты которых исследователи отмечали в оформлении профилей и характере орнаментации [Беседин, 1981. С. 147].

Результаты раскопок пойменных поселений и высокорасположенных городищ, системный анализ полученных материалов были изложены в монографическом исследовании А.Д. Пряхина, где автор предложил выделить

оригинальную «воронежскую» археологическую культуру², поместив ее собственную диахронию в первой половине II тыс. до н. э. [Пряхин, 1982]. Восприятие своеобразий и яркой эклектики воронежских памятников формировалось у исследователей лесостепного Подонья в более обширной системе оценок среднедонской катакомбной культуры, где все комплексы рассматривались как поселения катакомбного времени. Это позволило проследить активную динамику в контексте всей сложной эпохи и выявить тенденции кристаллизации посткатакомбных векторов культурогенеза.

Однако в вопросе о выделении новой культуры возникали и сложности, которые очень скоро приобрели историографический характер. Некоторые исследователи считали нецелесообразным выводить «воронежские» комплексы из привычного алгоритма и предлагали включить их в финальный этап развития среднедонской катакомбной культуры [Матвеев, 1982. С. 15; он же, Тихонов, 1984. С. 59]. Другие рассматривали их в рамках пережиточной энеолитической эпохи, в частности, как заключительный этап развития иванобугорской культуры конца III тыс. до н. э., испытывающей влияние среднедонских катакомбников (два погребения Сасовского могильника) [Синюк, 1984. С. 118], или смешанный субстрат, формировавшийся под воздействием ямной, репинской и среднестоговской культур (Погорелов, 1984. С. 150).

Позже А.Т. Синюк обосновывал свои несколько изменившиеся наблюдения на материалах новых памятников и, прежде всего, мостищенских комплексов, теперь уже связывая воронежские и иванобугорские признаки, как генетическую преемственность [Синюк, 1993; Он же, 1999. С. 40; Синюк, Березуцкий, 2001. С. 88–90]. Согласно этой версии иванобугорская культура, связанная в общем нео-энеолитическом эпохальном контексте с миром шнуровых культур, в некоем «пережиточно-энеолитическом» состоянии существует параллельно с культурами прогрессивно-скотоводческого степного мира, находится под влиянием ямной культуры, а ее трансформация начинается в результате контакта с ранней среднедонской катакомбной культурой и завершается к концу III тыс. до н. э. Автор оперирует термином «воронежские» памятники, но характер преемственности иванобугорских и воронежских комплексов (две разные культуры, или два этапа одной иванобугорской) для А.Т. Синюка не принципиален. Реальные различия в керамике (круглодонность и плоскодонность), а также в системе хозяйства (присваивающее и производящее), весьма заметны, но и сходств достаточно: «суть их – отражение сходных этногенетических процессов, протекавших по всей зоне Восточноевропейской Лесостепи» [Синюк, Березуцкий, 2001. С. 90].

Задолго до этого, к концу 80-х годов А.Д. Пряхин и В.И. Беседин окончательно конкретизировали культурные особенности новой группы памятников и показали их своеобразие в сравнительном анализе поселенческих и погребальных комплексов, выявленных на широкой территории Среднего и Верхнего Подонья, одновременно очертив круг смежных культур, с которыми «воронежцы» взаимодействовали в едином пространстве и времени [Пря-

² Во избежание терминологической путаницы следует иметь в виду, что Д.Я. Телегин в тот же период на материалах неолита Верхнего и Среднего Дона выделял т.н. «воронежский тип» памятников с накольчатой и накольчато-ямочной керамикой [см.: Котова, 1984. С. 130].

хин, Беседин, 1988; Они же, 1988-а. С. 90-109]. Особенно важны авторские стратиграфические наблюдения, на основании которых воронежские памятники помещались между развитыми среднедонскими катакомбными и лесостепными срубными комплексами, синхронизировались с ранним этапом доно-волжской абашевской культуры и таким образом представляли в регионе постпшуровой культурный горизонт [Пряхин, Беседин, 1988-а. С. 93].

По известным памятникам отмечена явная диспропорция между поселенческими и погребальными комплексами. Среди первых заметно преобладают высокорасположенные места обитания с полуземляночными и наземными постройками, а пойменные поселения незначительны и, скорее всего, это были сезонные стойбища. Погребений известно немного, но отмечено, что они могут быть как грунтовыми, устроенными непосредственно на поселениях, так и подкурганными (здесь также наблюдается диспропорция в пользу последних). Погребальный обряд весьма оригинален – ингумация в грунтовых ямах, вытянуто на спине, или слабоскорченно на боку, головой к югу или юго-западу. Могилы перекрыты бревнами, на дне ямы могут встречаться органические подстилки и пятна охры, в качестве инвентаря – керамика, изредка металлические украшения (пластинчатые браслеты с приплюснутыми расковкой окончаниями, очковидные подвески, витые гривны, налобные полусферические бляшки), а также кремневые ножевидные пластинки, каменные полированные пестики, бронзовые шильца [там же. С. 95, рис. 3].

Несколько различны керамические комплексы раннего и позднего типов. Для сосудов первого этапа воронежской культуры (Шиловское, Семилукское) характерны широкое разнообразие форм (горшки, слабопрофилированные сосуды вытянутых пропорций, банки, чаши) и типов оформления венчиков (с плоским, округлым, скошенным обрезом устья, с воротничками³), среди которых есть оформленные изнутри ребром, а также с орнаментом на внутренней поверхности. Орнаменты разнообразны и многозональны. Они выполнены различными элементами (защипы, вдавления, прочерченные линии, оттиски гребенчатого и гладкого штампа, отпечатки шнура, валики), образующими ряды, линии, «елочки», «паркет», штрихованные треугольники.

В поздних комплексах (Животинное, Малое Боршевское) наблюдается упрощение керамики – уже нет сосудов с желобчатыми приостренными венчиками, редкими становятся многозональные орнаменты, композиции декора набраны однотипными мотивами, исчезают валики и оттиски шнура, возрастает роль вдавлений и насечек, защипы выполняют в орнаментации функции вспомогательных элементов, зубчатый штамп вытесняется гладким. Изменения наблюдаются и в технологии подготовки керамического начина, наряду с мелким песком, в качестве отощителей, встречаются толченая раковина и шамот [там же. С. 97-98].

Среди исчерпывающих характеристик вещевого комплекса очень важно наблюдение, которое касается культуuroобразующего значения такой категории, как каменные усеченно-конические сверленные топоры. С одной сторо-

³ Среди воротничковых вариантов можно выделить компактную группу сложных двучастных венчиков (наш искомый признак).

ны, встречающиеся в лесостепном Подонье только на воронежских поселениях, они характеризуют здесь именно эту постпшнуровую культуру. С другой стороны, топоры «усеченно-конических» (по определению Д.А. Крайнова) форм [Крайнов, 1972. С. 38–61] могут указывать на непосредственное влияние фатьяновской (или еще более древней лесостепной?) традиции в изготовлении известных воронежских предметов вооружения и орудий труда из камня (топоры, наконечники копий, дротиков, стрел, жатвенные ножи и серпы).

Разделяя воронежские комплексы с катакомбными и абашевскими, то есть, абсолютно исключая их единокультурность, авторы, тем не менее, допускают определенное влияние последних на процессы развития воронежской культуры. Если среднедонская катакомбная культура, скорее всего, участвовала в становлении «воронежцев», то волго-донская абашевская, на втором этапе, оказывала на них ассимилирующее воздействие [Пряхин, Беседин, 1988а. С. 104]. Кроме того, отмечены многие черты сходств и различий воронежской культуры с синхронными культурами постпшнурового горизонта сопредельных территорий – средневожской фатьяновской (балановской), а также сосницкой (Поднепровье), и в этом вопросе авторы настаивают на большем сходстве воронежских комплексов с сосницкими. Категорически отвергая любые возможности преемственности с иванобуторской культурой, они склонны предполагать происхождение воронежского типа памятников от среднеднепровской культуры [там же. С. 106–108].

Свыше ста памятников воронежской культуры сосредоточены, в основном, в лесостепном регионе, по берегам Среднего и Верхнего Дона, а также на донских притоках. На западе они известны на реках Сейм и Псел, северные памятники отмечены на южных притоках Оки, на востоке локализация ограничивается бассейном Хопра, южные пределы совпадают с границей лесостепи [Пряхин, Беседин, 1988а. С. 91]. Разумеется, анализируя проявления воронежских черт в формообразовании раннепокровской керамики, обнаруженной в курганах степного Заволжья, необходимо проверять возможности проникновения этих западных культурных признаков так далеко к востоку. А.Д. Пряхин и В.И. Беседин отмечали неясность ситуации с распространением воронежской культуры в этом направлении, самыми восточными на их карте помечены два поселения на Хопре – Никольевка и Алмазово⁴. Но, как показал фронтальный обзор известных памятников с материалами эпохи средней бронзы, хопровским рубежом восточное распространение воронежских культурных черт не ограничивается.

Учитывая исключительность погребальных комплексов воронежской культуры, отметим вначале немногие памятники этого типа и, в частности, захоронение из Песковки, обнаруженное в Жирновском районе Волгоградской области (рис. 4, 5–6) [Дворниченко и др., 2006. С. 20, рис. 7, 2–3]. Здесь, в сложно стратифицированном кургане № 2 могильника Песковка-1, в погреб-

⁴ В последнее время открыт еще один интересный пункт – городище Гривки, расположенный в 60 км выше этих двух памятников по течению Хопра, в Турковском районе Саратовской области. Не так давно, также в Прихоперье, представительная коллекция воронежской керамики с признаками абашевского влияния была получена раскопками А.А. Хрекова на поселении Разнобрычка (материалы хранятся в Саратовском областном музее краеведения).

бении 2 зафиксирован неполный скелет⁵ взрослой женщины, похороненной вытянуто на спине, головой к югу. Авторы раскопок предположительно отнесли эту могилу к сарматскому времени, хотя никаких предметов, указывающих на РЖВ, здесь не найдено. Но лепной сосуд с двумя рядами пальцевых защипов, фрагменты которого собраны в заполнении центрального скопления могил (рис. 4, б), совершенно верно отнесен ими к финалу эпохи средней бронзы и, в частности, сопоставляется с показателями воронежской культуры [там же. С. 9-11]. Правда, отметив полную идентичность в строении формы, исследователи указали на обедненный характер орнамента, в связи с чем посчитали этот сосуд местной репликой. В публикации отмечено, что горшок мог происходить из более древнего разрушенного захоронения, как считают авторы – криволюкского типа, включившего в свой комплекс реплику синхронной воронежской культуры. Данный вывод представляется не вполне убедительным, в то время как южная ориентировка и вытянутое положение скелета на спине из второго погребения нисколько не противоречат описанным обрядовым характеристикам воронежской культуры. Воронежское погребение 2 могло быть сопроводительным подхоронением к катакомбному или абашевскому разрушенному комплексу. Как бы то ни было, для нас весьма небезынтересно, что этот материал выявлен далеко к востоку от коренной локализации воронежских памятников, причем, в открытой степной местности.

Типично воронежская малая чаша с уплощенным дном и защипами обнаружена в заволжской Шумейке. Здесь она зафиксирована в детском погребении 4 кургана № 1 [Юдин, 2007. С. 172, рис. 2, 5-6]. Примечательно, что ребенок был погребен на спине, в слабо скорченной позе, головой к ССВ, а в примеси сосуда присутствовала толченая раковина. Авторская трактовка связывает этот сосудик с ямно-катакомбными традициями западных, относительно Поволжья, областей и, в частности, с лесостепным регионом Среднего Дона. В качестве репликанта воронежской культуры эта находка не рассматривается, хотя здесь было бы уместно предположить не пережиточную ямную, по мнению автора, а абашевскую атрибуцию погребального обряда в детском захоронении 4 (слабая скорченность на спине, головой к ССВ). В таком случае сосуд воронежского типа вполне совместим с колонкой стратиграфии, где погребение 4, в котором он найден, следует за позднекатакомбными комплексами погребений 1, 2, 5 или даже им синхронно. Из этого следует, что носителями отдельных элементов воронежского типа, транслированных на Волгу, могли быть, в числе прочих культуртрегеров, и абашевские племена.

Довольно близкий вариант подобной трансляции можно отметить по материалам Низовского курганного могильника, где во впускном разрушенном погребении ребенка (курган № 1, погребение 4) обнаружен неполный развал сосуда позднепокровского типа, украшенного в воронежском стиле –

⁵ Погребение 2 нарушено более поздним захоронением № 1 с западной ориентировкой. Именно под ним фиксировались фрагменты воронежского сосуда и части деревянного перекрытия второго погребения. Еще ниже находилась полностью разрушенная могила, перекрытая погребением 2. Это обстоятельство связано с авторской интерпретацией воронежской «реплики» из Песковского кургана.

гладким штампом и прочерчиванием [Максимов, Лопатин, 2007. С. 139, 158, рис. 1, 4]. Орнаментальная композиция как будто взята из арсенала воронежского декора: сверху оттиснуты однорядная «елочка» и горизонтальный ряд коротких вертикальных оттисков, а ниже парными линиями прочерчен фриз, состоящий из ромбов (рис. 7, 24). В целом, этот признак вполне уместно вписывается в контекст покровских погребальных комплексов первого низовского кургана, где четвертое погребение с сосудом, украшенным в воронежском стиле, было устроено в свите детских захоронений, планиграфически ориентированных на центральный, абсолютно пустой кенотаф [там же. С. 158, рис. 1, 1]. Здесь мы наблюдаем сращивание различных компонентов в ходе развития покровского керамического комплекса, где сочетаются признаки «абашево» (примесь ракушки, внутреннее ребро) и «воронежа» (яйцевидное тулово и орнамент). Отметим также, что этому сосуду, и в том же первом низовском кургане, синхронен и близок по культурному содержанию горшок из раннесрубного погребения 6 (рис. 7, 23). В данном случае мы встречаемся с ситуацией, когда воронежские реминисценции (декор по всему тулову, бахроме, характерный яйцевидный профиль) транслируются в раннесрубный пласт в ходе продолжающегося генезиса через покровский вектор.

Керамика с воронежскими признаками встречается на бытовых высокорасположенных памятниках нижеволжского правобережья. Поскольку это преимущественно фрагментированный материал, то проявляются эти признаки в характерном устройстве венчиков, а также в узнаваемых чертах декора.

На Ахматском городище, расположенном в Саратовском правобережье Волги, обнаружены фрагменты сосудов, которые практически идентичны некоторым вариантам керамики донского региона. Короткий венчик с приостренным и скошенным наружу краем, украшенный зубчатым штампом, как по внешней поверхности, так и по внутренней, соответствует характеристикам раннего воронежского комплекса (рис. 6, 4). Сложнопрофильный венчик с внутренним ребром и желобком, покрытый узкими горизонтальными валиками, на которых имеются округлые вдавления (рис. 6, 3), находит аналогии в воронежских материалах донского поселения Чижовское-5 [Пряхин, 1982. С. 105, рис. 32, 8–10].

На поселении Мартышкино, находящемся в 6 км ниже Ахмата по правому берегу Волги, также известна компактная серия фрагментов от сосудов со сложными профилями, орнаментированных в типичной поздневоронежской манере оттисками короткого гладкого штампа, в том числе и на внутренней поверхности венчиков (рис. 6, 5–7). Один из них (рис. 6, 7) своей формой уже довольно близок покровским стандартам по такому признаку, как резко отогнутый наружу желобчатый венчик с внутренним ребром.

Среди опубликованных фрагментов керамики эпохи средней бронзы Даниловского городища [Лапшин, 2003. С. 261, рис. 4, 4] заметен один экземпляр с внутренним ребром и воротничковым оформлением венчика, который украшен вертикальными короткими оттисками, выполненными концевкой гладкого штампа. В целом, отражая определенные черты воронежской орнаментации, этот фрагмент близок всем прочим сосудам микшированных серий, которые зафиксированы на Волге в финальнокатакомбных и вольско-либщенских комплексах (рис. 6, 7).

В формовке венчиковых отделов сосудов вольского, лбищенского, финальнокатакомбного, примокшанского, воронежского типов заметна общая тенденция построения сложных профилей (скошенные обрезы устья, воротнички, валики, внутренние напльвы, ребро на обратной стороне венчика, приостренный верх и т. д.). В орнаментальных комплексах сквозит общая стилистика узкозональных композиций с разделительными линиями, набранными преимущественно короткими оттисками зубчатого и гладкого штампов, пальцевыми зашипами и ногтевыми отпечатками в виде горизонтальных рядов, «елочек», короткошаговых зигзагов, зигзагов с бахромой, штрихованных треугольников. Заметно, что практически полностью отсутствуют такие элементы орнамента, как насечки.

Складывается впечатление об интенсивном взаимодействии блоков посткатакомбных и постшнуровых культур, о некоем активном движении лесостепного населения Дона в восточном направлении, сопровождавшемся взаимными аккультурациями и мозаичным распределением различных этнокультурных компонентов в пределах вмещающих ландшафтов. За внешней пестротой и яркой эклектикой керамических комплексов разнородных групп населения той эпохи, несомненно, стоит единство общеисторического явления.

О том, насколько глубокими были проникновения этого движения в восточном направлении, свидетельствуют такие же поликомпонентные комплексы керамики, выявленные на памятниках степного Заволжья, Южного Приуралья, Прикаспия и даже Устюрта. На многие находки подобного типа чаще всего не обращали внимания. К примеру, в одну из публикаций по заволжскому энеолиту попали некоторые материалы явно не энеолитического облика – фрагменты сосудов со скошенными венчиками и зашипами [Юдин, 1986. С. 44, рис. 4, 1, 6, 7], более близкие показателям воронежского и вольского типов.

В материалах рубежа средней и поздней бронзы степного Приуралья и Северного Казахстана В.В. Ткачевым выделены позднекатакомбные (Болдырево, Медведка, Герасимовский-II, Новотроицкий-I, Покровка-VIII, Турганинская) и вольско-лбищенские (Тамар-Уткуль-VII, Большой Дедуровский Мар) комплексы [Ткачев, 2007. С. 339–341, рис. 74–76], синтез которых с уральским «абашево», возможно, отчасти отражает суть активизации местного очага культурогенеза.

Керамика со сложными профилями и узкозональной орнаментацией есть в материалах условного «раннего» комплекса Кузьминковского-II поселения, исследованного в Оренбуржье [Моргунова и др., 2001. Рис. 10, 3; 11, 6]. Ранняя керамика Кузьминоок соотносится авторами с памятниками новокумакского круга, но ими отмечено также, что некоторые фрагменты с валиками [там же. Рис. 12, 3; 13, 5] могут иметь позднекатакомбное происхождение. В первоначальной публикации материалов энеолитической Кузьминковской стоянки присутствуют некоторые фрагменты керамики, весьма похожие на воронежские варианты с приостренными венчиками и узкозональным декором [Моргунова, 1986. С. 33, рис. 4, 1].

В Рын-Песках Северного Прикаспия самарские исследователи выявили целый ряд стоянок сезонного типа (Кызыл-Молла, Кошалак, Кара-Кудук,

Кара-Узек, Северный Букей, Тау-Тюбе-II, Же-Колган), где вместе с обломками полтавкинских сосудов залегала керамика вольско-лбищенского облика, имеющая много сходных черт с воронежской посудой [Васильев и др., 1986. С. 128–129, рис. 13–14]. Заметим, что и собственно полтавкинские сосуды этой коллекции нередко имеют некоторые признаки «вольска» и «воронежа» – характерные воротнички и валики, защипы, оттиски гладкого штампа, узкозональное построение орнамента и др. [там же. Рис. 2, 5; 7, 2; 8, 1; 9, 4, 15; 12, 1].

Своеобразную эклектику демонстрирует керамика «токсанбайского» типа, полученная раскопками на поселениях Северо-Восточного Устьярта [Самашев и др., 2009. С. 159–167]. Происхождение памятников Токсанбая авторы связывают с культурным импульсом из Доно-Волжского региона, в частности с трансляцией именно воронежских традиций в изготовлении керамики, в которых заметны даже иванобугорские элементы [там же. С. 166]. Действительно, венчики токсанбайских сосудов напоминают воронежские варианты своими сложными профилировками (скошенные закраины, валики, воротнички), в орнаментации присутствуют зигзаги с бахромой, косые решетки, «елочки», горизонтальные ряды коротких отрезков, заметна узкозональная организация декора. Но здесь же присутствуют многочисленные и разнообразные насечки (подтреугольные, зерновидные, овальные, линзовидные) – позднее явление для донских памятников, а также характерные для синташтинского и потаповского арсеналов ступенчатые пирамидки и меандры, что отличает «токсанбай» от «воронежа» [там же. Рис. 1, 8, 9, 17; 2, 1, 3, 5, 13, 14; 4, 5, 8]. Абсолютная дата 2133–2075 гг. до н. э., полученная по надежному материалу из слоя пожараща одного из токсанбайских комплексов, в целом соответствует времени становления синташтинской культуры, в котором население северного Устьярта, явно пришлое, имевшее колесницы, и активное в военном отношении, могло принимать непосредственное участие. Данное обстоятельство опосредованно указывает также на более ранние позиции памятников воронежской культуры Подонья и Волго-Донского междуречья, вероятно, не начало II, а последняя четверть III тыс. до н. э.

Возвращаясь к вопросу о некоторых сюжетах становления «покровска», рассмотрим наиболее заметные покровские комплексы, в керамике которых присутствуют воронежские реминисценции. В непосредственной близости от кургана Усть-Грязнухи, два погребения которого представлены в самом начале этой статьи, Д.Г. Бариновым в могильнике Советское-3 было исследовано погребение 8 кургана № 3, где обнаружен раннепокровский сосуд синкретичного облика со сложным профилем (рис. 2, 14). В характерной морфологии этого горшка отразились свидетельства чрезвычайно широкого взаимодействия лесостепных гончарных традиций – покровская абашоидность (слабожелобчатый венчик с внутренним ребром и расчески на внешней поверхности), воронежская тонкостенность тулова и короткий воротничок, фатьяноидные приземистые пропорции и шахматное построение нижнего фриза в декоре. Орнаментация в целом выполнена характернейшей покровской техникой – оттисками короткого зубчатого чекана со сдвигом, имитирующими «рамчатый» штамп иванобугорско-воронежской традиции.

Вероятно, фатьяновско-балановские импульсы в сложной векторности культурогенеза не были случайны, но южные проникновения лесных эле-

ментов порождают многие вопросы к данной специфике многокомпонентных синтезов, на которые невозможно ответить однозначно. Отдельные находки подобной керамики комментировать сложно, как, например, фрагмент сосуда из керамического комплекса Ивановского селища, в целом относящегося ко времени финальной бронзы, но, вероятно, имевшего и более ранний пласт (рис. 6, 8) [Изотова, 2001. С. 61, рис. 1, 3].

Некоторые примеры объясняются активизацией катакомбного мира в период, когда племена среднедонской катакомбной культуры вступали в контакты с населением лесного волго-окского региона. В данном контексте весьма показателен комплекс парного погребения 2 из кургана № 1, раскопанного во втором Богучарском могильнике (среднедонское правобережье). Здесь зафиксированы два сосуда, один из которых изготовлен в типично катакомбной традиции, а второй – по «опш-пандинскому» типу фатьяновско-балановского комплекса [Березуцкая, 1999. С. 65, рис. 1, 3]. Точно такой же «бомбовидный» сосуд с округлым дном зафиксирован в комплексе погребения 3 кургана № 8 из Тростянского могильника на территории саратовского Прихоперья [Хреков, 2005. С. 14, рис. 6, 4].

Для нас очень важно, что участие лесных культур, прямое или опосредованное, действительно имело место в сложных культурногенетических процессах на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Эта причастность определялась общим контекстом эпохального взаимодействия постшнурового и посткатакомбного миров. Очень многие вопросы остались без ответа, когда на севере Саратовской области, в хвалынском правобережье самарскими археологами был раскопан III Алексеевский могильник. В первой публикации [Пестрикова, 1979. С. 99–110] памятник был идентифицирован, как фатьяновский, на что указывали характернейшие украшения из бронзы, собранные в местах разрушения абразионными процессами и обнаруженные в могилах, особенно крупная очевидная подвеска из погребения 11 [там же. С. 102, рис. 3]. Керамика, обнаруженная в юго-восточной части раскопа 1, но не связанная с погребениями, отнесена к доно-волжской абашевской культуре, по известным признакам колоколовидности, наличию внутреннего ребра на обратной стороне венчиков некоторых сосудов, ракушечной примеси, но отмечена также неоднородность этого комплекса, один горшок предположительно определен как срубный. Позже могильник был отнесен к кругу памятников вольско-лбищенского типа, но отмечены также широкие контакты этой культурной группы с абашевскими, фатьяновскими и полтавкинско-катакомбными племенами [Васильев, 2003].

Оценивая материалы Алексеевского могильника в контексте поставленной проблемы, необходимо обратить внимание на следующие принципиальные обстоятельства:

– во-первых, такие важные индикаторы, как очевидные подвески, проволочные спиралевидные украшения, подвески, свернутые из плоско раскопанных узких пластин, характерны для многих культур ранней и средней бронзы на широкой территории лесной и лесостепной полосы Восточной Европы (среднеднепровская, восточно-тшинецкая, сосницкая, фатьяновская, вольско-лбищенская, абашевская, а также *воронежская*);

– во-вторых, характерные признаки керамики демонстрируют не чисто абашевский тип, а заметно микшированный, подвергшийся некоторой трансформации (соотношения широтных параметров, равномерная толщина стенок, плоские устойчивые, а не уплощенные, днища сосудов), что позволяет квалифицировать его как раннепокровский, с присутствием *воронежских* элементов (характерная форма венчика с приостренным и скошенным краем устья сосуда № 9) [Пестрикова, 1979. С. 101, рис. 2, 8];

– в-третьих, погребальная обрядность Алексеевского могильника вряд ли монокультурна, судя по широкому разнообразию поз и ориентировок, здесь зафиксированы признаки, которые могут соответствовать обрядовым показателям абашевской, катакомбной, криволукской, бабинской, срубной культур, не исключается и фатьяновская ритуалистика.

Представляется, что как никакой другой памятник этого типа, грунтовый могильник на правом берегу Волги близ хвалынской Алексеевки отражает суть переходного времени на переломе эпох средней и поздней бронзы, в нем отчасти запечатлены сложные и скоротечные⁶ процессы активизации культурогенеза с участием абашевского или абашевско-воронежского (одного из вариантов раннего покровска), фатьяноидного, возможно, посткатакомбного (бабинского или криволукского) компонентов. Оценивать подобные процессы возможно исключительно в контексте анализа культурных блоков.

Давно и широко известный комплекс (погребение 2, курган № 15) с ранним наконечником копья абашевского типа из Покровского курганного могильника содержал также оригинальный сосуд с декором, выполненным в поздневоронежской традиции (рис. 2, 15). Варианты изображений этого горшка в большинстве из известных мне публикаций страдают неточностями [Памятники..., 1993. С. 145, табл. 15, 32; Дремов, 2003. С. 90, рис. 1, 3-А; Горбунов, 1985. С. 13, рис. 6, 9]. Принципиально важные особенности строения венчика и элементов орнамента нашего сосуда на них трудноразличимы. Исключением является рисунок в статье Н.М. Малова, где точно показан сложный профиль венчика⁷ и верно изображен «ногтевой» орнамент [Малов, 2003. С. 212, рис. 6, 1]. Действительно, анализ этого артефакта, хранящегося в фондах СОМК, показал, что четыре ряда оттисков в широком фризе, занимающем верхнюю часть сосуда от края устья до максимального расширения тулова, выполнены ногтевыми вдавлениями, образующими овальные лунки⁸. Подобные монотонные композиции, набранные ногтевыми оттисками, пальцевыми зажимами и прочими вдавлениями, очень характерны для поздневоронежского декора. Они неоднократно отмечены в материалах донских посе-

⁶ По всей вероятности сосуды с примесями шамота, обнаруженные на участке жертвоприношений, фиксируют самый поздний пласт Алексеевского могильника, продолжавшего функционировать и на этапе стабилизации культурогенеза, в ходе становления срубной культуры.

⁷ Короткий вертикальный венчик выделен с внутренней стороны заметной гранью, и ее прообразом, несомненно, является внутреннее ребро абашевской традиции. Различие вариантов и нивелировка этого признака отражали внутренние тенденции развития покровского керамического комплекса.

⁸ Подобные элементы орнамента не редки в арсенале срубного керамического комплекса, но широкими фризами они не представлены. При нанесении такого оттиска нажим на необожженную глиняную фактуру производится под углом относительно поверхности украшаемого сосуда.

лений Чертовицкое, Сенное, Чижовское-5, Малое Боршевское, Воргольское [Пряхин, 1982. Рис. 26, 11, 27, 4, 10; 29, 6; 32, 10; 35, 12; 38, 6, 7, 18]; Мостище-I, Аверино [Синюк, Березуцкий, 2001. Рис. 24, 2; 33, 2, 5; 60, 3-6].

Данный вариант сосуда весьма заметен, поскольку его форма и декор в рамках покровского комплекса едва ли не уникальны. Но показательно, что на следующем этапе монотонность орнамента в срубном декоре, набранного одинаковыми элементами и расположенного в один, два, и более, опоясывающих рядов, становится обычным явлением. Военский комплекс погребения 2/15 ярко синкретичен, – в нем соединились покровский обряд (лево-бочная скорченность, северная ориентировка, расположение скелета у западной стенки обширной прямоугольной могилы), бронзовый наконечник копьяд с раскованной втулкой абашевского типа, оригинальный сосуд с воронежскими реминисценциями в орнаменте.

Подобный вариант синкретизма (соединение элементов тех же самых культур) не так давно зафиксирован в престижном воинско-колесничном кенотафе у с. Большой Пластицы Липецкой области [Мельников, 2003. С. 239–247]. В едином обрядово-инвентарном комплексе кургана сочетаются типично покровский бронзовый наконечник копьяд, литая втулка которого оснащена манжетой и ушком, костяные детали деревянного дисковидного псаля, лепные сосуды с чертами «покровска» [там же. Рис. 2, 7], «абашево» [там же. Рис. 2, 6; 3, 2] и «воронежа» [там же. Рис. 2, 5], изготовленные по общей технологии с примесью толченой раковины. Здесь же присутствует поясная пряжка бабинского типа с двумя малыми боковыми отверстиями [там же. Рис. 2, 2], и это еще более расширяет межкультурный аспект взаимодействия на фазе всплеска культуросинтеза, порождая, правда, дополнительные вопросы о соотношении во времени и пространстве бабинской и поздней среднедонской катакомбной культур.

Катакомбные («елочные») элементы орнаментации также отмечались в раннепокровских керамических комплексах. Как правило, они оцениваются в качестве реминисценций предшествующей эпохи. В заволжской Терновке разреженный «елочный» орнамент по всему тулову сочетается с типично покровской формой сосуда, выполненной в видоизмененной абашевской традиции (колоколовидность, внутреннее ребро, ракушечная примесь) [Памятники..., 1993. С. 135, табл. 5, 19].

Но еще более показательным в данном контексте является синкретичный комплекс из кургана № 4, исследованного в могильнике Широкий Карамыш 2 (рис. 4, 1–4) [Дремов и др., 2005. Рис. 8, 11]. В этих сосудах со сложными многочастными профилями как бы застыл причудливый сплав трех ведущих традиций, определявших специфику формирования «покровска»: абашевской (общая колоколовидность, миниатюрные ритуальные сосудики, ракушечная примесь), катакомбной («елочный» орнамент по всему тулову), воронежской (формовка венчиков, техника нанесения орнамента и некоторые особенности его организации). Воронежская специфика проявляется здесь в широком фризе подтреугольных оттисков, явно имитирующих ног-

тевые вдавления (рис. 4, 1)⁹, в неудачной реплике паркетной композиции на одном из ритуальных сосудов (рис. 4, 3), в характерной тонко прочерченной технике и сюжетном воплощении некоторых орнаментов (рис. 4, 2, 4). Сращивание культурной специфики проявляется, например, в удлинении звеньев елочного декора (рис. 4, 1, 4), катакомбного по сути, но воронежского по исполнению.

Подобные тенденции неожиданно всплывают в комплексах приуральской абашевской культуры. Крайне редкие проявления катакомбно-воронежского и вольско-лбищенского характера в орнаментах отдельных сосудов, представляют эти экземпляры как, с первого взгляда, нетипичные для восточного абашевского ареала, но ставят новые вопросы к проблемам поликомпонентности волго-уральского культурогенеза, характера и направленности культуртрегерских векторов. Таков, к примеру, фрагмент сосуда из погребения 1 кургана № 1 Чукраклинского могильника (рис. 7, 25) [Васюткин и др., 1985. С. 72, рис. 3, 8]. Это был горшок со сложным профилем венчика и узкозональным орнаментом, выполненным в «елочном» стиле, но с разделительными горизонтальными линиями. Первый чукраклинский курган с каменной кольцевой выкладкой вокруг единственной могилы, по всей вероятности, был либо кенотафом, либо начисто ограблен, поскольку ни одной целой вещи, ни костей погребенного здесь человека не найдено. Кроме уже отмеченного, опубликован найденный в могиле фрагмент еще одного сосуда, округлобокого, с коротким отогнутым наружу венчиком и внутренним ребром, орнаментированного в абашевском волго-уральском стиле [там же. С. 74, рис. 4, 4]. Любопытно, что в насыпи этого кургана найден кремневый наконечник стрелы позднекатакомбного типа с выемчатым основанием и удлиненными жальцами [там же. Рис. 4, 12]. Это обстоятельство еще более подкрепляет предположение о синкретичности данного погребального комплекса, в котором, возможно опосредованно через катакомбный импульс, отражены вольско-воронежские черты.

Думается, что несколько иной, новый взгляд на хорошо известные и полувыведенные освещение в печати материалы покровских комплексов доново-уральского и волго-уральского регионов позволит на уровне микросрезов выделить многие поликультурные особенности формирования «покровска». Интересующий нас воронежский культурообразующий вектор чаще всего присутствовал в этих процессах как транслированные и временно фиксированные наборы незначительных реплик. В археологических материалах они могут проявляться отдельными чертами погребальной обрядности, некоторыми предметами инвентаря, но в большей степени в керамике – самом чутком реагенте культурных трансформаций. Порой они едва уловимы, как, например, на сосуде покровского типа с характерным сложным профилем из Нижней Красавки (рис. 7, 7) [Лопатин, 2010а. С. 151, рис. 4, 7], или позднепокровском горшке из Преображенки-I (рис. 7, 6) [Лопатин, 2002. Рис. 12, 23], в котором сочетаются колоколовидность, ракушечная примесь, петровско-алакульский каннелюр на шейке, а в качестве воронежских реминисценций,

⁹ По этому признаку сосуд из Широкого Карамыша (к. 4, тризна № 2) близок горшку из Покровского могильника (2/15).

– сложный венчик и шахматное размещение треугольных оттисков на тулове. На других сосудах покровского типа из Преображенки зафиксирован такой присущий «воронежу» признак, как орнаментация обратной стороны венчика [там же. Рис. 12, 8, 11, 13]. Сплыв традиций в данном случае также инициирован позднекатакомбным импульсом, реликты которого отмечены в Преображенке в виде фрагментов керамики с кольцевидными оттисками, отпечатками перекрученного шнура, фестонами и «елочкой» [там же. Рис. 12, 1-5, 17-19]. Наконец, в основном захоронении (3/2) курганного некрополя Преображенки, при скорченном, с западной ориентировкой, скелете взрослого человека зафиксирован сосуд, форма которого и паркетный орнамент также близки покровско-воронежским показателям [Лопатин, Филимонова, 2003. С. 251].

Неоднократно отмечалось, что истоки представленных явлений следует искать в сложно диагностируемых процессах развития лесостепных энеолитических культур обширного Волго-Донского региона, изучение которых вскрыло множество проблем преемственности в культурогенезе. Ведущая роль на юге Восточной Европы в эпоху раннего энеолита принадлежала культурам мариупольского круга (нижнедонская, азово-днепровская, прикаспийская, самарская), которые оказывали заметное влияние на лесостепные районы от Среднего Дона до Волго-Камья. Именно здесь лесным населением, экономическую основу которого составляло *присвоение* природных ресурсов, воспринимались передовые скотоводческие традиции, транслируемые активными степными племенами – носителями культур воротничковой керамики. В результате последовали трансформации местных неолитических комплексов. Формированием памятников русско-азийского типа в Среднем Поволжье отмечены изменения в камской неолитической культуре [Васильев, Габяшев, 1982. С. 5], к западу от Волги, сложившаяся на основе нижнедонской азово-днепровская энеолитическая культура оказывала заметное влияние на днепро-донецкий регион [Котова, 1989. С. 26]. Эти настойчивые трансляции уже тогда порождали причудливую эклектику в керамических комплексах культур буферной лесостепной зоны. Об этом красноречиво свидетельствуют материалы многослойной Черкасской стоянки, исследованной на Среднем Дону в Воронежской области, где отмечено взаимодействие между нижнедонской энеолитической и местной среднедонской неолитической культурами. В результате этого контакта сформировался своеобразный «черкасский» керамический комплекс, в сосудах которого сочетаются воротничковое оформление венчика и накольчато-ямочная орнаментация [Васильев, Синюк, 1984. С. 118-121].

Столь глубокие экскурсы в древнейшие процессы взаимодействия степных и лесных культур необходимы, чтобы понять слишком широкое и причудливое разнообразие лесостепной керамики эпох ранней и средней бронзы. Вероятно, высокое процентное содержание воротничковых форм в это время имеет весьма архаичные истоки и связано с наследованием этой традиции от раннеэнеолитических степных культур. Степь продолжала оказывать свое влияние на эти субстраты и в дальнейшем. Под воздействием репинской культуры и репинско-ямного деривата на Среднем Дону складываются комплексы иванобугорского типа. А.Т. Синюк и И.Б. Васильев

рассматривали этот генезис как трансформацию гончарных традиций пришлых репинских групп населения в результате взаимодействия с лесными поздненеолитическими племенами [Васильев, Синюк, 1984. С. 125]. Примечательно, что как в репинском, так и в иванобугорском комплексах керамики присутствуют сосуды с венчиками сложных многочастных профилей.

В то же самое время на обширной территории степного Заволжья и лесостепного правобережья на смену памятникам хвалынской энеолитической культуры приходят синкретичные комплексы алтагинского и алексеевского типов, сложившиеся в результате не вполне ясных процессов взаимодействия степных и лесных племен на рубеже энеолита-бронзы. По мнению И.Б. Васильева и Р.С. Габяшева в сосудах Алексеевской стоянки с одной стороны проявляются черты ранних ямных традиций, а с другой – заметные признаки волосовской керамики [Васильев, Габяшев, 1982. С. 10]. В первой публикации материалов алексеевского типа была отмечена близость этих памятников керамике Алтаты и Среднего Стога-II по характерному устройству венчиков (резкие профили с загибом внутрь края устья) и сходство с северными комплексами по орнаментации [Васильев, Непочатых, 1977. С. 66–76]. Местонахождения такой и подобной керамики отмечены также у Старой Яблонки и Ивановки на севере Саратовской области, возле Старой Елшанки на р. Самаре, в урочище Мартышкино на юге Саратовского правобережья (рис. 6, 1). Керамика алексеевского типа, действительно, весьма своеобразна, и для нас особенно важно, что, как и в репинско-иванобугорских вариантах, здесь особенно выпукло представлен наш искомый признак – сложный многочастный профиль сосуда [Васильев, Непочатых, 1977. С. 68, рис. 1, 1–4, 9, 15]. Вероятно эти позднэнеолитические памятники когда то довольно плотно распределялись вдоль правого берега Волги, в лесостепном сложнопересяченном ландшафте с байрачными лесами, но к настоящему времени большинство из них разрушено абразионными процессами.

Мы видим, что керамическая традиция лесостепного доно-волжского региона, вырабатывала свой ярко выраженный эклектизм на протяжении длительного времени от раннего энеолита до рубежа средней и поздней бронзы. Воронежский комплекс занимает в этих процессах на Среднем Дону финальную позицию. Его формирование – результат таких же сложных процессов взаимодействия местных культур пережиточного энеолита, среди которых наиболее заметно участие памятников иванобугорского типа, со среднедонской катакомбной культурой.

Параллельно, на волжском правобережье, задержавшиеся в развитии пережиточно-энеолитические культуры круга Алексеевки и Вольска испытывали последовательное влияние поздней, полтавкинской, средне-донской и волго-донской катакомбных культур. В результате алексеевский культурный тип оказывается полностью сnivelированным, а на основе памятников вольского типа формируются лбищенский и примокшанский комплексы.

Дальнейшие процессы трансформации воронежского и вольско-лбищенского субстратов связаны с активизацией доно-волжской абашевской культуры, а также с экспансиями позднекатакомбных и посткатакомбных культур, оставивших в регионе памятники круга «бабино – кривой луки». В это время наблюдается одна из пиковых фаз культурогенеза на широчайшей

территории от Среднего Дона до Зауралья, распространяются комплексы бронзового оружия и колесницы, быстро формируются культуры, усиливающие активизацию политогенеза (Синташта, Потапово, Новый Кумак, Петровка, Покровск).

В сложении памятников покровского типа отразились драматические процессы взаимодействия, с неравнозначными долями участия, таких культур эпохи средней бронзы, как доно-волжская абашевская, *воронежская*, поздняя среднедонская катакомбная, вольско-лбищенская, ранняя бабинская. В ходе становления и развития покровский комплекс, в котором доминируют генетические признаки абашевской культуры, сосуществует и взаимодействует с поздними абашевско-воронежскими, бабинскими, потаповскими, синташтинскими, криволукскими комплексами. Различающиеся по содержанию, но ориентированные в одном направлении векторы этих взаимодействий, уже в рамках позднего бронзового века, к середине II тыс. до н. э., приводят к формированию своеобразных, но единых в культурно-историческом контексте локальных вариантов срубной культуры.

Этот заключительный абрис некой перспективы дальнейших исследований, разумеется, не бесспорен, и каждая заявленная фраза требует своих доказательств. Поэтому отметим пока, что роль лесостепной воронежской культуры в интеграционных процессах, приведших на рубеже средней и поздней бронзы к формированию памятников покровского типа, была существенной, а сами воронежские признаки отмечены на широчайшей территории вплоть до Устьурта и, как яркий индикатор, подтверждают активное участие волгодонского населения в ключевых событиях культурогенеза начала II тыс. до н. э.

Литература:

Баринов Д.Г. Новые погребения эпохи средней бронзы в Саратовском Заволжье // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996.

Березуцкая Т.Ю. Погребение среднедонской катакомбной культуры с сосудом фатьяновско-балановского облика // Археология центрального черноземья и сопредельных территорий. Тезисы докладов научной конференции. Липецк, 1999.

Беседин В.И. Городище у с. Сенное // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. Воронеж, 1981.

Васильев И.Б., Непочатых В.А. Новая стоянка в Хвалынском районе Саратовской области // Средневожская археологическая экспедиция. Куйбышев, 1977.

Васильев И.Б., Габяшев Р.С. Взаимоотношения энеолитических культур степного, лесостепного и лесного Поволжья и Прикамья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982.

Васильев И.Б., Синюк А.Т. Черкасская стоянка на Среднем Дону // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев, 1984.

Васильев И.Б., Колев Ю.И., Кузнецов П.Ф. Новые материалы бронзового века с территории Северного Прикаспия // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1986.

Васильев И.Б. Вольск-Лбище – новая культурная группа эпохи средней бронзы в Волго-Уралье // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003.

Васюткин С.М., Горбунов В.С., Пшеничниок А.Х. Курганные могильники Южной Башкирии эпохи бронзы // Бронзовый век Южного Приуралья. Уфа, 1985.

Горбунов В.С. Некоторые проблемы эпохи бронзы лесостепной полосы Приуралья // Бронзовый век Южного Приуралья. Уфа, 1985.

Дворниченко В.В., Лопан О.В., Мимоход Р.А. Курганный могильник Песковка-I // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград 2006. Вып. 3.

Дремов И.И. Грунтовые могильники эпохи средней бронзы Белогорское I, II // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996.

Дремов И.И., Семенова И.В. Раскопки кургана на границе Энгельсского и Советского районов // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Саратов, 1999. Вып. 3.

Дремов И.И. Региональные различия престижных погребений эпохи бронзы (особенности покровской группы) // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Саратов, 2003. Вып. 5.

Дремов И.И., Тихонов В.В., Тупалов И.В. Курган у с. Широкий Карамыш с покровскими и катакомбными признаками // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2005. Вып. 6.

Изотова М.А. Керамика эпохи поздней бронзы поселения Ивановка // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2001. Вып. 4.

Котова Н.С. Раннеэнеолитическая керамика Среднего Дона // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев, 1984.

Котова Н.С. Керамика ранней азово-днепровской культуры // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. Воронеж, 1989.

Крайнов Д.А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. Фатьяновская культура. II тысячелетие до н. э. М., 1972.

Лапшин А.С. К вопросу о городищах эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2003. Вып. 6.

Лопатин В.А. Классификация керамики Преображенского поселения // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1991. Вып. 2.

Лопатин В.А. Отчет об археологических исследованиях поселения Мартышкино. Саратов, 1992. // Архив ИА РАН.

Лопатин В.А. Отчет об археологических исследованиях поселения Мартышкино в 1993 году. Саратов, 1993. // Архив ИА РАН.

Лопатин В.А., Филимонова С.А. Курганный некрополь Преображенского поселения // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции. Чебоксары, 2003.

Лопатин В.А. Отчет об археологических раскопках кургана на р. Мокрая Песковатка и поселения в урочище «Мартышкино» в Саратовской области в 2005 году (по открытому листу № 247). Саратов, 2006. Архив ИА РАН.

Лопатин В.А. Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье (середина II тыс. до н. э.). Саратов, 2010.

Лопатин В.А. Покровский культурный комплекс поселения Нижняя Красавка-II (по материалам исследований 2007–2009 годов) // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2010а. Вып. 8.

Максимов Е.К., Лопатин В.А. Материалы Низовских курганов // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2007. Вып. 5.

Малов Н.М. О выделении покровской культуры // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. Саратов, 1991.

Малов Н.М. Погребения покровского типа степной и лесостепной Евразии // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Липецк, 1992а.

Малов Н.М. Покровско-абашевские украшения Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1992б. Вып. 3.

Малов Н.М. Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Саратов, 2003. Вып. 5.

Малов Н.М., Сергеева О.В., Ким М.Г. Материалы вольского культурного типа среднего бронзового века Нижнего Поволжья с эпонимного поселения // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2009. Вып. 7.

Малов Н.М., Сергеева О.В. Поселения эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья, Волго-Донского и Волго-Уральского междуречья // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2010. Вып. 8.

Мальшев А.Б. Исследования Алексеевского городища в 2006 году // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2008. Вып. 6.

Матвеев Ю.П. История населения среднедонской катакомбной культуры // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1982.

Матвеев Ю.П., Тихонов Б.Г. Исследование могильника у с. Караяшник // Эпоха бронзы Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1984.

Мельников Е.Н. Покровско-абашевские погребения кургана у с. Большая Плавица // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции. Чебоксары, 2003.

Мимоход Р.А. Погребения финала средней бронзы в Волго-Уралье и некоторые проблемы регионального культурогенеза // Донецкий археологический збірник. Донецьк, 2009–2010. № 13/14.

Моргунова Н.Л. Кузьминковская стоянка эпохи энеолита в Оренбургской области // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1986.

Моргунова Н.Л., Халяпин М.В., Халяпина О.А. II Кузьминковское поселение эпохи бронзы // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2001. Вып. V.

Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье // САИ. Вып. В 1–10. Саратов, 1993.

- Погорелов В.И.* Поселение Терновое в лесостепном Подонье // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев, 1984.
- Пряхин А.Д.* Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж, 1982.
- Пряхин А.Д. Беседин В.И.* О выделении воронежской культуры эпохи бронзы // СА. 1988. № 3.
- Пряхин А.Д. Беседин В.И.* Воронежская культура средней бронзы // Археологические памятники Поднепровья в системе древностей Восточной Европы. Днепропетровск, 1988а.
- Самашев З., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н.* Поселения токсанбайского типа на Северо-Восточном Устурте // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург, 2009.
- Синюк А.Т.* Об энеолитических могильниках лесостепи (бассейн Среднего Дона) // СА. 1984. № 3.
- Синюк А.Т.* Нижнесторожовская стоянка и некоторые вопросы изучения воронежской культуры // Археология Доно-Волжского бассейна. Воронеж, 1993.
- Синюк А.Т.* Бассейн Верхнего и Среднего Дона в эпоху энеолита // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Евразийская лесостепь в эпоху металла. Воронеж, 1999. Вып. 13.
- Синюк А.Т., Березуцкий В.Д.* Мостищенский комплекс древних памятников (эпоха бронзы – ранний железный век). Воронеж, 2001.
- Скарбовенко В.А.* Погребальный комплекс начала эпохи поздней бронзы Владимировка-II // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2006. Вып. 4.
- Степанов П.Д.* Вольское городище // Труды СОМК. Саратов, 1956.
- Ткачев В.В.* Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе, 2007.
- Хреков А.А.* Тростянский курган и некоторые вопросы древней истории Волго-Донского лесостепного междуречья // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2005. Вып. 6.
- Юдин А.И.* Новые энеолитические памятники на реке Большой Узень // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1986.
- Юдин А.И.* Исследование курганов эпохи средней бронзы у с. Шумейка Энгельсского района // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2007. Вып. 5.

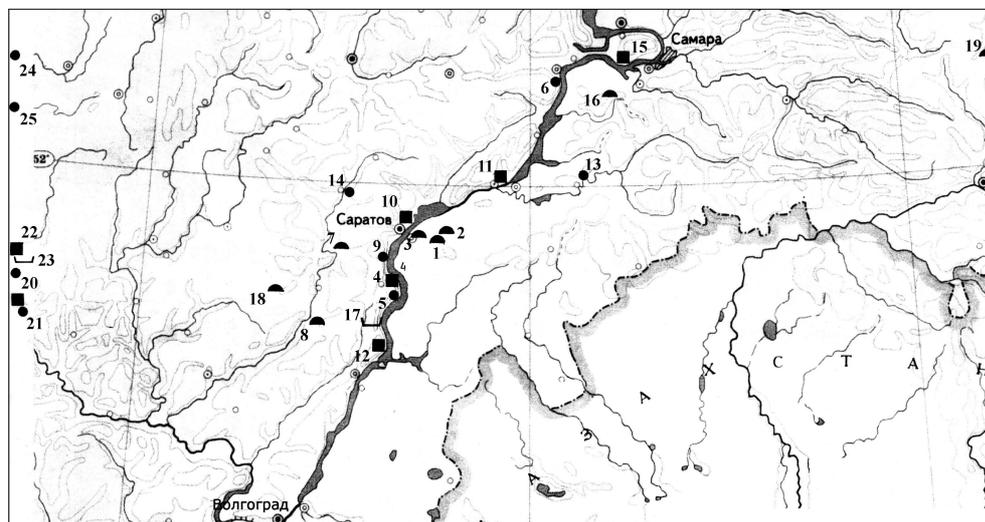

Рис. 1. Территориальное распространение памятников, в которых обнаружены сосуды с многочастными профилями:
 1 - Грязнуха; 2 - Советское; 3 - Покровск; 4 - Ахмат; 5 - Мартышкино; 6 - Ивановка;
 7 - Широкий Карамыш; 8 - Песковка I; 9 - Сосновка I; 10 - Алексеевское;
 11 - Вольское (Попово Блюдечко); 12 - Даниловское; 13 - Преображенка-I;
 14 - Нижняя Красавка-II; 15 - Лбище; 16 - Владимировка-II; 17 - Белогорское; 18 - Низовка;
 19 - Чукраклинский; 20 - Мостище; 21 - Аверинское; 22 - Животинное;
 23 - Архангельское; 24 - Шиловское; 25 - Воргольское.

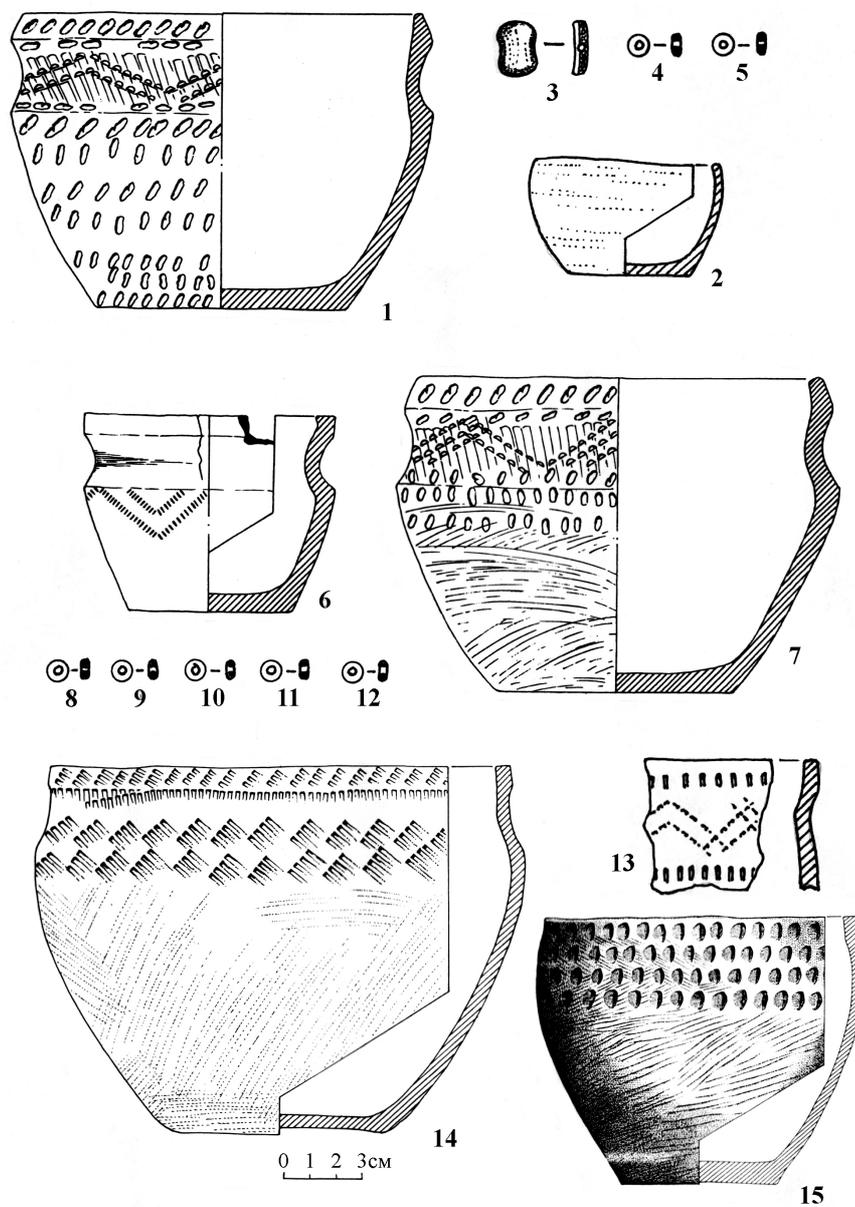

Рис. 2. Сосуды с многочастными профилями и другими воронежскими признаками из покровских погребений Заволжья:
 1-5 - Грязнуха, погр. 3; 6-12 - Грязнуха, погр. 4; 13 - Грязнуха, насыпь;
 14 - Советское, курган 3, погр. 8; 15 - Покровск (юго-восточная группа), курган 15, погр. 2.

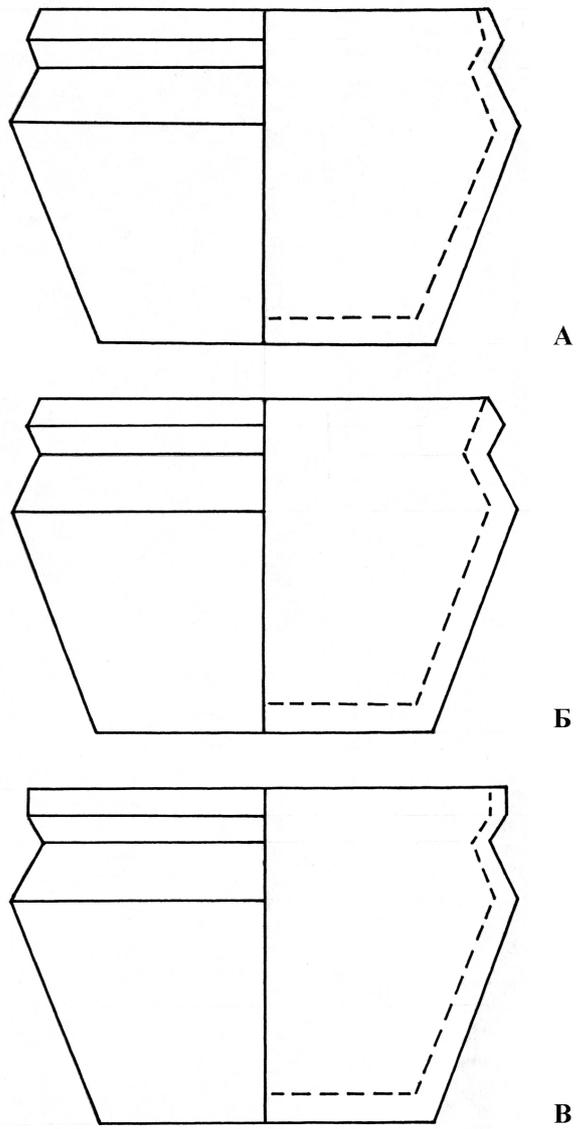

Рис. 3. Варианты сосудов с многочастными профилями (геометрические модели).

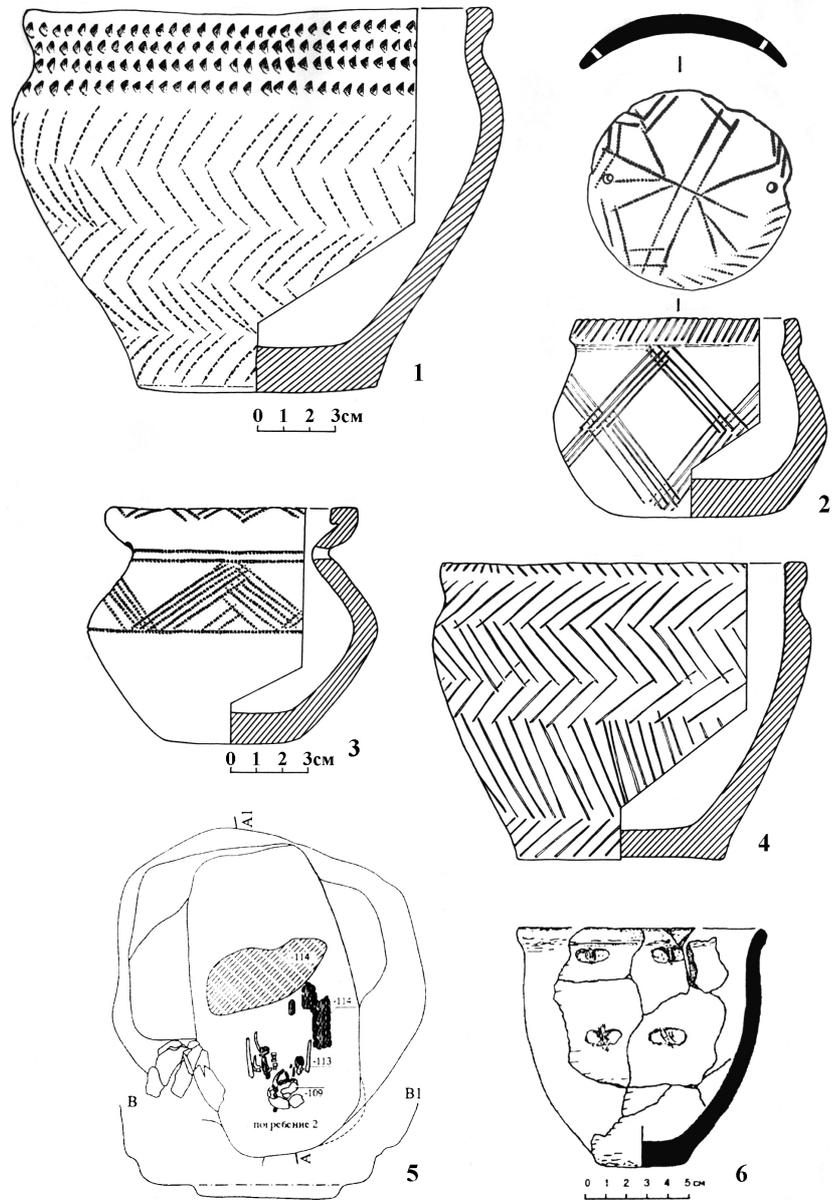

Рис. 4. Сосуды с многочастными профилями из покровских погребений Широкого Карамыша (1-4) и комплекс погребения Воронежской культуры из Песковки (5-6).

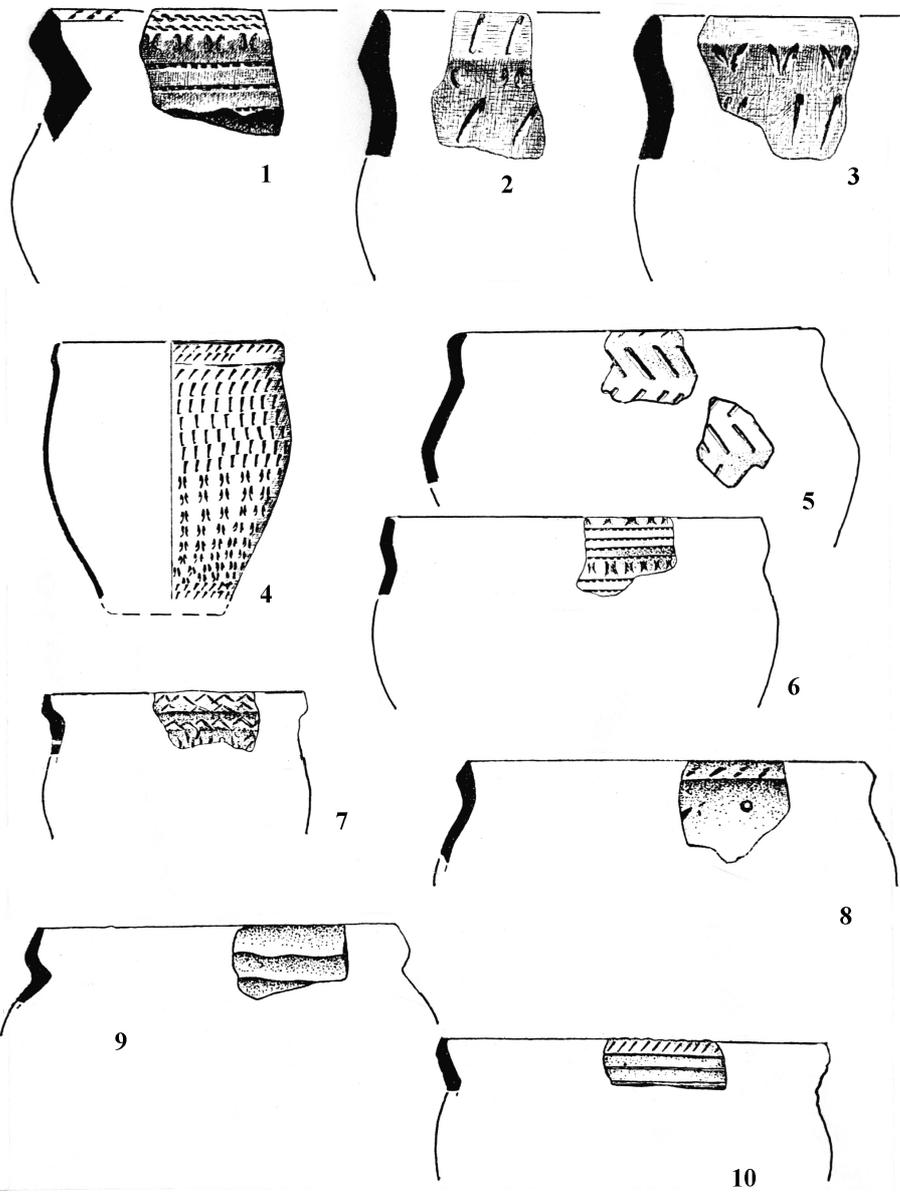

Рис. 5. Сосуды с многчастными профилями из донских памятников Воронежской культуры:
 1, 2 - Мостище; 3 - Аверинское; 4, 5 - Животинное; 6 - Архангельское;
 7, 10 - Шиловское; 8 - Елецкое; 9 - Воргольское.

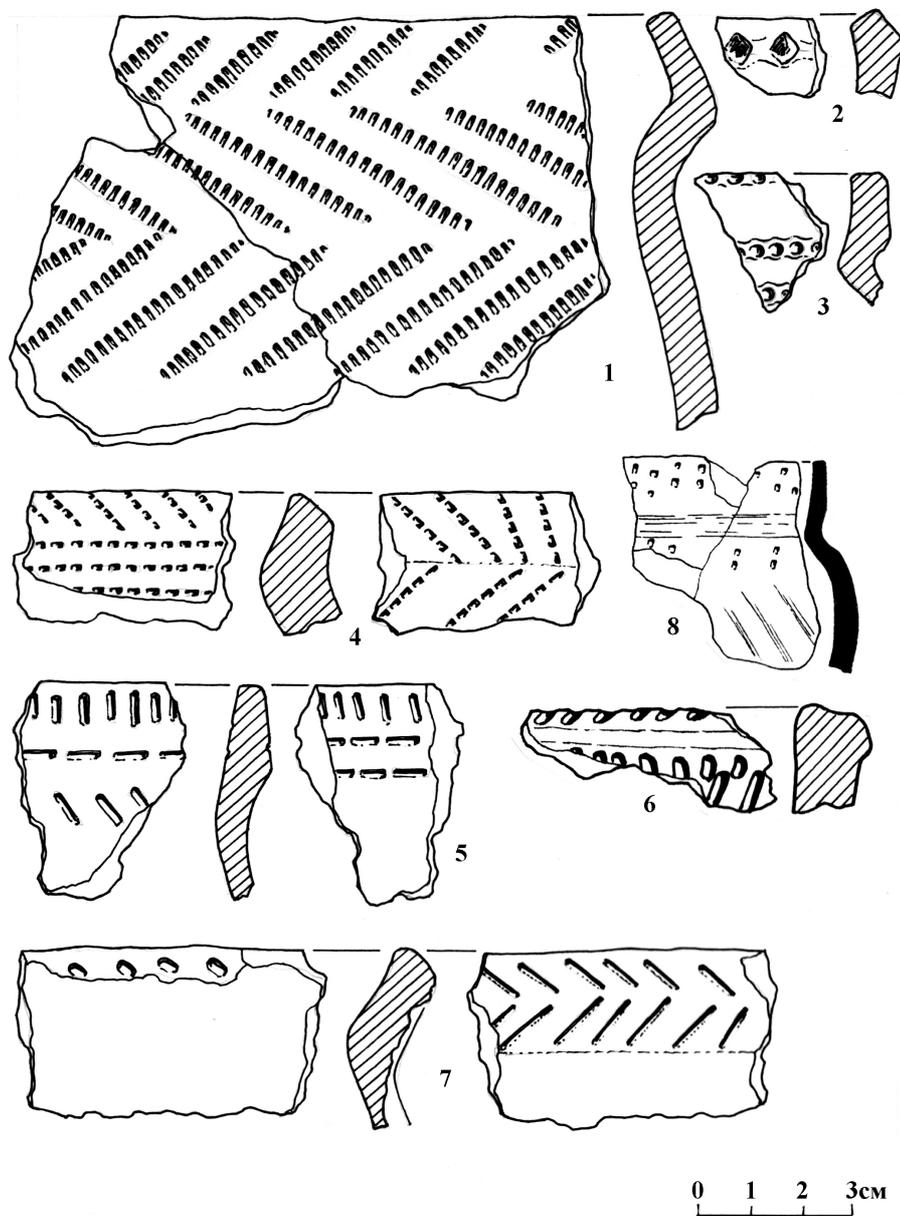

Рис. 6. Сосуды с многочастными профилями из правобережных памятников Поволжья: 2-4 - Ахмат; 1,5-7 - Мартышкино; 8 - Ивановка.

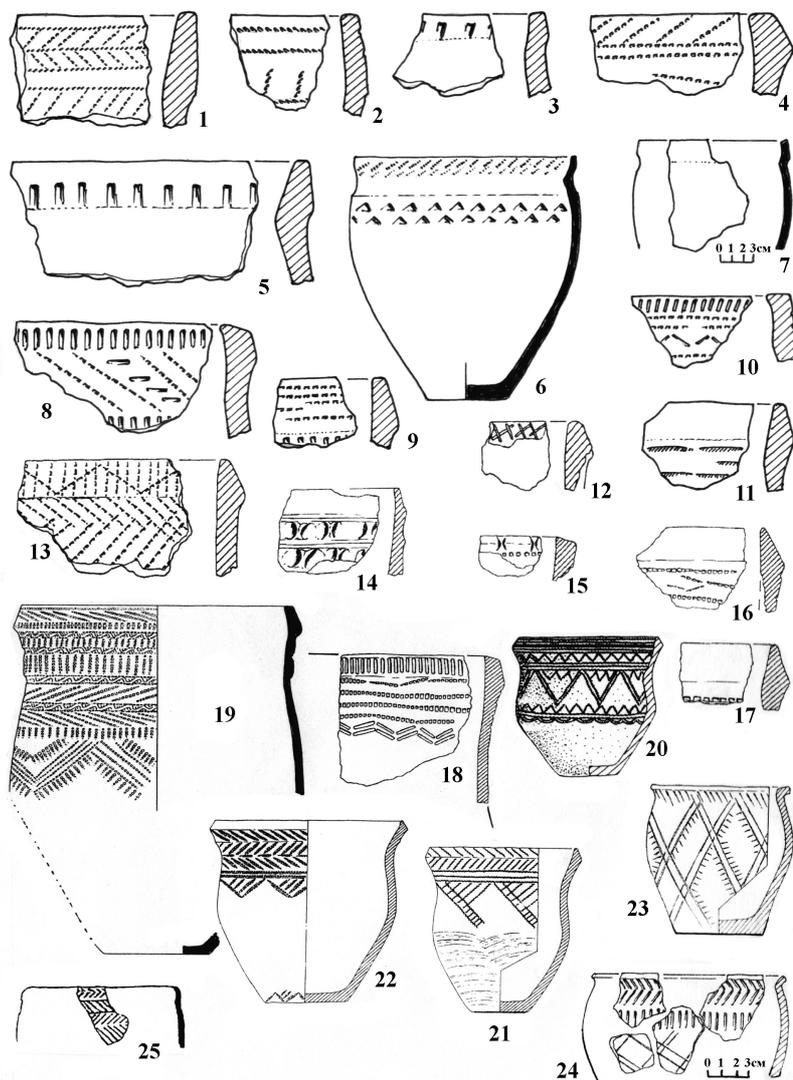

Рис. 7. Сосуды с многочастными профилями и другими воронежскими признаками из памятников Волго-Уралья:
 1, 2 - Сосновка-I (по Н.М. Малову); 3, 12, 13 - Алексеевское городище (по А.Б. Малышеву);
 4, 14, 18 - Вольское городище (по Н.М. Малову); 5 - Даниловское; 6 - Преображенка-I;
 7 - Нижняя Красавка-II; 8-11 - Лбище (по И.Б. Васильеву); 19 - Владимировский-II;
 20, 21 - Белогорское (по И.И. Дремову); 22 - Советское (по Д.Г. Баринову);
 23, 24 - Низовка; 25 - Чукраклинский.

Малов Н.М.

ПОГРЕБЕНИЕ ПОКРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ
С ФРАГМЕНТАМИ ЩИТКОВЫХ ПСАЛИЕВ
ИЗ ТАРУМОВСКОГО ИНДИВИДУАЛЬНОГО КУРГАНА №2

В 2003 году экспедиция Саратовского областного музея краеведения (СОМК) под руководством Н.М. Малова провела охранные археологические исследования курганов близ с. Ново-Захаркино Петровского района Саратовской области в зоне строительства магистрального газопровода Починки – Фролово [Малов, 2003а; 2008. С. 189]. Исследован одиночный курган около нежилого села Саратовка, курганные группы «Таволга-1» и «Тарумовка-1» (рис. 1)¹. Вещи, обнаруженные в результате раскопок, сданы на хранение в СОМК.

Петровский район, пересекаемый в центре р. Медведицей, находится в северной части Саратовского правобережья, на границе с Пензенской областью [Воскресенский и др., 2002. С. 93–94]. Деревня Тарумовка и нежилое с. Саратовка входят в Ново-Захаркинский округ. От с. Ново-Захаркино до г. Петровска 17 км. Петровский район расположен на Приволжской возвышенности, преимущественно в бассейне Медведицы. Климат умеренно континентальный, преобладают высоты 200–250 м и культурные ландшафты, сформировавшиеся на местах остепненных лугов, луговых и причерноморских разнотравно-ковыльных степей. Лесов небольшое количество. Они приурочены к водоразделам и пойме Медведицы- левого притока Дона.

Курганная группа Тарумовка-1 из 5 земляных насыпей эпохи бронзы занимает верхнюю часть водораздельного плато пересыхающей р. Сосновка (левый приток Медведицы) и балки Прудовой (рис. 2). Курганы располагались на краю распаханного поля 5/700 СПК им. В.И. Чапаева, около окраины леса «Сухой», в 4 км к СВ от с. Тарумовка, в 5,5–7 км к ЮЮВ от с. Ново-Захаркино и в 1,5 км ЗЮЗ от нежилого с. Саратовка. Насыпи в могильнике

¹ Раскопки проведены Н.М. Маловым по Открытому листу (Форма 4) № 513, выданному Институтом археологии РАН 16 июня 2003 г. В экспедиции работали: М.Г. Ким, К.Ю. Моржерин, О.В. Сергеева, В.Н. Слонов, С.А. Шамгулина, Д.А. Кубанкин, О.А. Зайцева, П.М. Морозов и др. Курган около бывшего с. Саратовка исследован при участии студентов-практикантов исторического факультета Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

расположены по линии ЮЗ–СВ. Они все практически распаханы и не выделялись на поверхности, за исключением кургана № 1 более крупного диаметра, расположенного на краю поля, около грунтовой дороги. Поверхность посевного поля от кургана № 1 плавно повышается на восток, по направлению к курганам № 3, 5.

Курган № 4 находился в 75 м к ВСВ от края полы кургана № 1. Курган № 2 – в 85 м, к ССВ от края полы кургана № 4. Курган № 3 расположен в 95 м, к ЮЮВ от края полы кургана № 4 и в 75 м к ЮВ от края полы кургана № 2. Курган № 5 – в 75 м к ВСВ от края полы кургана № 2 и в 89 м к северу от края полы кургана № 3.

Курган № 2. Насыпь исследована с использованием скрепера и оставлением одной центральной бровки по линии север – юг (рис. 3). Все расстояния и глубины на планах указаны от условного центра кургана отмеченного знаком «0». Диаметр по линии север – юг 25 м, восток – запад 30 м. Высота насыпи от края южной полы – 0,2 м, от края северной полы – 0,15 м.

Стратиграфия: материк – желтая глина, над ним слой суглинка – погребенной почвы мощностью 25–30 см. Над погребенной почвой фиксировались остатки насыпи в виде темно-серого гумуса. Дерново-пахотный слой мощностью 25–30 см. В ряде мест насыпь, материк, могильный выкид перекопаны и перемешаны крупными норами.

Курган индивидуальный, сооружен для одного погребения № 1 покровской археологической культуры, расположенного в центре под «0» отметкой – непосредственно под бровкой (рис. 4). К западу от погребения на древнем горизонте, на уровне погребенной почвы, фиксировался материковый выкид, перекопанный норами (рис. 3).

Могильное заполнение состоит в основном из черного гумуса, а в северной части ямы из мешанного серо-коричневого грунта. В заполнении встречались мелкие древесные волокна от поперечного перекрытия, норы и кости сурков. Более существенно повреждены крупными норами северная и западная части могильной ямы. В верхней части заполнения и у дна ямы обнаружены: около южной стенки вертикально стоящий фрагмент древесины квадратного сечения 5 x 5 см, длиной 25 см. и другие древесные обломки от поперечного перекрытия, большая часть которых концентрировалась в СЗ углу. Максимальная их длина до 25 см, ширина от 3 до 10–14 см. Погребение разрушено.

Могильная яма трапециевидной формы и крупного размера длинными сторонами ориентирована по линии ССЗ–ЮЮВ. Отмечается небольшое отклонение ориентировки длинных стенок от северного направления – к западному: западной на 5° и восточной на 10°. Ориентировка погребальных ям со смещением на запад представлена в покровских памятниках Нижнего Поволжья. Это сближает их по данному показателю с абашевскими, синташтинскими и петровскими комплексами [Малов, 1989. С. 85, 93]. Яма сужается от южной – к северной стенке. Длина могилы 3,3 м, ширина по северному краю 1,85 м, по южному – 2,1 м. По размеру и объему она близка к первой и второй группам покровских социально значимых погребений Нижнего Поволжья [Малов, 1989. С. 87–88]. К тому же, для этого погребения сооружен индивидуальный курган. Это является одной из ярко выраженных обрядовых черт по-

гребальных памятников покровского культурного типа [Малов, 1987. С. 149–150]. Такие элементарные могильные комплексы возводились для особой социально значимой части мужского населения носителей покровской археологической культуры.

Дно могилы ровное, плавно понижается от южной к северной стенке. Глубина от «0» около южной стенки – 148 см, около северной – 161 см, около западной – 158 см, около восточной – 156 см. В целом могила неглубокая. Глубина в материке: средняя часть 55–59 см; около северной стенки – 61 см; близ южной стенки – 47 см. Углы ямы близки к прямоугольным, стенки отвесные, слегка суживаются ко дну.

На дне, около западной стенки слабо выражены два углубления, вытянутые по линии З–В. Возможно это слабые «вмятины-отпечатки» от крупных – истлевших предметов. По форме углубления близки к овалу и полукругу, в профиль чашевидные. Одно, более крупное, расположено ближе к СЗ углу. Его размер 35 x 100 см, углублено в дно могилы на 5 см. На расстоянии 120 см от его южного края в сторону ЮЗ угла фиксируется другое меньшее углубление размером 25 x 65 см. Оно углублено в дно ямы на 7–10 см.

На не потревоженных участках дна могилы и в этих углублениях зафиксирована органическая подстилка коричневого цвета. Ближе к СВ углу на этой органической подстилке сохранилось пятно белой глины или охры(?), ориентированное по линии С–Ю. Одна его сторона прямая, другая полукруглая. Максимальная ширина этого пятна в средней части 12 см, длина 27 см. Остатки органической подстилки, мела и охры разных расцветок, в том числе и белой, представлены во взрослых социально значимых покровских погребениях [Малов, 1989. С. 86–87].

На разной глубине заполнения и около дна могилы обнаружены разрозненные кости от скелета взрослого человека (мужчина?) в беспорядочном состоянии (фрагменты конечностей, ребер и др.). При этом в северной части, около дна ямы, встречались фрагменты костей верхних конечностей и плечевого пояса, а в южной – обломки от нижних конечностей. Это позволяет предполагать, что умершего положили на дно могилы головой к северной стенке или на ССЗ, что фиксируется и в других покровских захоронениях [Малов, 1989. С. 93]. Также в переотложенном состоянии около дна могилы найдены: бронзовое шило, фаянсовая бусина, фрагменты лепной керамики и костяных изделий. Большая часть этих находок концентрировалась в СЗ части ямы.

Керамика. Керамические сероглиняные обломки относятся к двум не орнаментированным сосудам баночной и горшковидной форм с примесью толченых раковин в тесте. Баночный сосуд неравномерного обжига и среднего размера под прямо срезанным венчиком имел два сквозных отверстия диаметром 0,5 см, расположенных друг против друга (рис. 5, 2). Высота банки – 7 см, диаметр по венчику – 11 см, по дну – 8,5 см.

Форма банки реконструируется полностью. Она низкая и широкогорлая, небольшого объема, толщина стенок плавно увеличивается от придонной части к венчику. По формообразующим показателям и примеси раковин в тесте, она относится к разновидности банок с прямым венчиком покровской культуры [Малов, 1992. С. 9]. Банка аналогичной формы и пара-

метров, с отверстиями под венчиком и примесью толченых раковин в тесте происходит из впускного детского погребения 4 Терновского кургана № 4 покровской культуры [Памятники срубной культуры, 1992. С. 135, табл. 5–16].

Три фрагмента от венчика и боковинки принадлежали округлобокому, неравномерно обожженному сосуду с отогнутым венчиком (рис. 5, 1). В некоторых местах на внутренней стороне венчика слабовыраженный уступ. На внешней и внутренней поверхности стенок горизонтальные борозды от грубого заглаживания по сырой глине. Диаметр сосуда по внутреннему краю слегка отогнутого венчика около 24 см. Наибольшее расширение приходится на середину тулова сосуда. Округлобокие слабопрофилированные и не орнаментированные сосуды близкой формы, с внутренним уступом на венчике и примесью толченых раковин, чаще встречаются на поселениях покровской культуры [Малов, 1992. С. 10–11; Малов, 2007. С. 84, 85, рис. 2, 5, 6, рис. 3, 1, 3].

Фаянс и бронза. Белая пастовая или фаянсовая бусина частично отломана, но форма устанавливается полностью (Рис. 7, 3). Она относится к типу двусоставных трубчатых, длина которых превышает их диаметр. Аналогичные составные фаянсовые бусы изредка присутствуют в покровских погребениях [Малов, 1992а. С. 45–47, рис. 15–16]. Бронзовое четырехгранное шило длиной 5,4 см (рис. 7, 4). Шилья или «стрекала» таких параметров известны в некоторых социально значимых мужских погребальных комплексах покровского культурного типа [Малов, 2003. С. 212, рис. 6, 6].

Изделия из кости. Два фрагмента принадлежат цилиндрическим пронизкам. Один – от пронизки высотой 2 см, диаметром около 1,5 см (рис. 7, 1) изготовлен из трубчатой кости. Такие предметы известны в покровских погребениях культурного типа [Малов, 1992. С. 40; Он же, 2003. С. 165–207, рис. 1, 9]. Обломок другой «пронизки» худшей сохранности и меньшего размера 1,1 x 1,1 см (рис. 7, 2). К пронизкам он отнесен условно, поскольку на одном конце втулки есть уступ и внешняя поверхность отслоилась.

Два фрагмента принадлежат парным плоским, орнаментированным псалиям с трапециевидной планкой для крепления наносного ремня, фигурным щитком с колесовидными орнаментальными розетками, отверстиями на щитке и планке (рис. 6). Оба псалия крепились на морде лошади наносной планкой вверх. Какой псалий был левым или правым определить затруднительно. Дело в том, что боковое отверстие или дополнительная планка для крепления «нащечного» ремня на обломках отсутствуют. Он мог привязываться к верхней планке петлей за ее боковые выступы. Сделаны предметы конской узды из костей крупных животных. Они однотипны по технологии изготовления, конструктивным деталям и орнаментальной композиции, но не идентичны по мелким элементам декора.

При изготовлении этих предметов применялась техника отески, резьбы, пиления и сверления. Кроме того, при разметке орнаментальных кругов должен был использоваться циркульный инструмент. Внешняя или лицевая – выпуклая сторона более гладкая, чем тыльная. В некоторых местах псалия № 1, особенно с боковых торцов, внешняя поверхность отполирована до блеска. Около отверстий с внутренней или тыльной стороны щитков ярко выражены рудименты мозгового канала – остатки губчатого тела, удаленного при их изготовлении (рис. 8, 11).

Фрагмент псалия № 1 (СМК 71256/1). Более крупный фрагмент с тремя крупными округлыми отверстиями на щитке и одним малым на планке сохранился в длину на 8,6 см (рис. 6, 8, 9). Максимальная ширина обломка колеблется от 1,9 до 2,4 см. Толщина по краям бортика центральной втулки – отверстия на щитке 1,3 см, около среза планки 0,2–0,3 см, по остальным краям 0,4–0,5 см.

Фрагмент принадлежит псалию с трапециевидной планкой и щитком, орнаментированным колесовидными розетками. Кроме того, в других местах щитка едва заметны сглаженные точки и треугольники – остатки от иных орнаментальных компонентов. Частично сохранились детали наносной планки с округлым отверстием и боковым зубцом, щитка с двумя колесовидными розетками и отверстиями на каждом из них для вставных шипов, а также сработанного центрального отверстия для мягких удил.

Планка для наносного ремня трапециевидной формы с сохранившимся боковым приостренным зубцом – выступом и округлым отверстием. Ее ширина 1,3–1,7 см. Она сохранилась в длину по прямому срезу верхнего края на 1,4 см. Длина боковой стороны планки 2,2 см. Диаметр отверстия на планке 0,3 см, внутри канал не заполирован от трения. Вероятно, сюда вставлялся, так называемый, стоппер – шип, укреплявший наносный ремень. Около верхнего края планки на внешней поверхности четко видны продольные резные бороздки размером 0,1 x 0,2 см. Это трасологические следы от использования металлического орудия(?), которым обрабатывался край планки.

От щитка сохранилась «восьмеркообразная» часть, с остатками от трех крупных округлых отверстий. Максимальный диаметр по краям втулки центрального отверстия 0,6 см. С внешней и тыльной сторон оно укреплено бортиком овального сечения. Высота центрального отверстия вместе с бортиком 1,3 см. Внутри стенки канала центральной втулки заполированы до блеска – темно-коричневого цвета. Центральная втулка сработана от длительного трения удил по краям больше на 0,1 см, чем в узкой средней части канала.

Диаметр двух других периферийных округлых отверстий, находящихся в центре колесовидных розеток – 0,8 см. Внутри стенки их каналов не заполированы от трения, поскольку в них вставлялись шипы. Вокруг каждого из данных отверстий есть колесовидный резной орнамент. Он расположен по большому внешнему кругу диаметром 3,5–3,6 см и малому внутреннему – в центре. Под микроскопом видно, что линия окружностей ломанная – вырезана не в результате одновременной операции.

Орнамент по периметру малого круга, непосредственно около отверстия верхней части щитка, представляет повторяющуюся композицию из треугольных углублений, против вершины каждого из которых расположена ямка – точка (рис. 14). Между внутренними двойными линиями большого внешнего круга вырезаны треугольные углубления, направленные вершинами друг к другу (рис. 13). На оставшемся пространстве, между треугольниками, образовались выпуклые многоугольники с неровными краями и точкой – углублением в центре. Аналогичный орнамент вырезан и на другой нижней части окружности щитка (рис. 12).

Фрагмент псалия № 2 (СМК 71256/2). Длина меньшего обломка от другого псалия 6,3 см (рис. 6, 10, 11). В профиль изделие плоское. С внутренней

стороны, вокруг отверстия в центре колесовидной орнаментальной розетки он толще – 1 см, чем на планке и в остальной части 0,5–0,8 см. Верхняя наносная планка трапецевидной формы, с боковым зубцом и одним округлым отверстием диаметром 0,3 см. Стенки отверстия не потерты и не заполированы. В них мог вставляться шип – стопор, для крепления наносного ремня.

В центре колесовидной розетки округлое отверстие для вставного шипа диаметром: с лицевой стороны – 1 см, с тыльной – 0,8 см. Внутри стенки канала этого отверстия не потерты и не заполированы. Вокруг отверстия и по краю розетки колесовидный орнамент, композиционно построенный также как и на фрагменте от выше рассмотренного псаля.

Вырезан он по большому внешнему кругу диаметром около 3 см и малому внутреннему вокруг центрального отверстия для шипа. Около отверстия орнамент такой же, как и вокруг отверстий для шипов псаля № 1. Это композиция из повторяющихся треугольных углублений ямок – точек (рис. 16). Между внутренними двойными линиями большого внешнего круга с интервалом вырезаны треугольные углубления, расположенные так, что между ними на поверхности получился рельефный зигзаг (рис. 15). Такой зигзагообразный орнамент представлен на псалях и других костяных изделиях Восточной Европы, в том числе и на покровских [Беседин, 1999. С. 50, рис. 3]. В нижней части колесовидной розетки, на противоположном от планки краю, вырезан желобок шириной 0,2 см, за которым углубления в виде ямок – точек. Поверхность желобка не заполирована, следы от трения не просматриваются.

По морфологическими признакам (форма щитка, колесовидный орнамент, три розетки на щитке, вставные шипы) тарумовские фрагменты наиболее близки псалям из Баранниковского кургана покровской культуры [Мыськов и др., 2004. С. 136, рис. 7]. Отличия есть в способе крепления ремной узды, форме и месте расположения планок, наличии других отверстий на псалях из Баранниково. Конструктивные особенности, форма щитка и элементы орнаментации позволяют рассматривать Баранниковские и Тарумовские изделия в качестве особого типа псаляев покровской культуры.

Кроме того, следует отметить сходство данных нижневолжских псаляев по форме щитка и колесовидному орнаменту с костяной лунницевидной бляхой от сбруи, найденной на Кировском поселении в Крыму [Лесков, 1970. С. 37, рис. 30, 1]. Большая часть материалов из культурного слоя Кировского поселения относится к сабакиновской и белозерской культурам. Однако на этом памятнике есть керамика катакомбной культуры и с многоваликовой орнаментацией [Лесков, С. 9–10, рис. 3, 12, 14]. Поэтому нельзя исключать, что данная сбруйная бляха бытовала в эпоху бабинской культуры.

В заключение отметим, что обрядовые показатели и инвентарь позволяют уверенно отнести тарумовское захоронение к покровской археологической культуре начала эпохи поздней бронзы (фаза ПБВ 1 – покровско-срубная стадия 2.1 фазы ПБВ 2), ориентировочно датируемой в калиброванном значении XX–XVII вв. до н. э. [Малов, 2012. С. 96–97]. Дисковидные щитковые псаля с монолитными шипами считаются более ранними, чем со вставными. По этому показателю тарумовское погребение с псалями, где шипы вставные, следует отнести к кругу поздних покровских – к начальной

стадии 2.1 фазы ПБВ 2. Индивидуальный курган, размер и объем могилы, а также другие признаки и инвентарь, позволяют полагать, что погребенный принадлежал к социально-значимому рагу или престижной статусной группе мужского населения покровской археологической культуры.

Общественная структура покровской культуры реконструируется как первобытно-престижная, «военное вождевластие» или «военная дуксократия». Элита покровской культуры имела несколько прослоек светских, воинских и духовных лидеров [Малов, 2003. С. 200–201; Malov, 2002. Р. 314–336]. Обнаруженные в Тарумовском кургане № 2 фрагменты псалиев изготовлены одним мастером и являются частью упряжи, предназначенной для управления колесничной лошадейю.

Наличие на их щитках орнаментированных колесовидных розеток, подтверждает непосредственную знаковую связь псалиев с колесным транспортом и колесницами, а также распространение среди носителей покровской культуры представлений о круге, круговом процессе, небесном колесе и колеснице. Орнаментированные псалии Евразии являются важным источником для реконструкции знаковой символики, изучения художественного творчества и декоративно-прикладного искусства индоевропейцев позднего бронзового века.

Аналогичные терновскому погребению комплексы с псалиями многие исследователи интерпретируют как могилы колесничих индоиранской ветви индоевропейцев бронзового века. Однако по данной проблеме индоевропейстики обосновываются и иные трактовки. Рассмотрение вопросов по этой дискуссионной проблеме выходит за рамки нашей публикации.

Литература:

Беседин В.И. «Микенский» орнаментальный стиль эпохи бронзы в Восточной Европе // Археология восточноевропейской лесостепи. Евразийская лесостепь в эпоху металла. Воронеж, 1999. Вып. 13.

Воскресенский С.Г., Демин А.М., Купцова Ю.А., Уставщицкова С.В., Уставщицков В.В. Административно-территориальное деление Саратовской губернии // Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). Саратов, 2002.

Малов Н.М. Планиграфия Нижневолжских подкурганых погребений покровского типа // Вопросы отечественной и всеобщей истории. Саратов, 1987.

Малов Н.М. Погребальные памятники покровского типа в Нижнем Поволжье // АВЕС. Саратов, 1989. Вып. 1.

Малов Н.М. «Абашевские племена» Нижнего Поволжья (памятники покровского типа). Автореф. Дис. Канд. ист. наук. СПб., 1992.

Малов Н.М. Покровско-абашевские украшения Нижнего Поволжья // АВЕС. Саратов, 1992а. Вып. 3.

Малов Н.М. Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья // Археологическое наследия Саратовского края. Охрана и исследование в 2001 году. Саратов, 2003. Вып. 5.

Малов Н.М. Археологическая экспедиция // Информационный вестник Саратовского областного музея краеведения. 2003а. № 8. <http://www.comk.ru/Bulletin/Sep-2003/vestinik.pdf>.

Малов Н.М. Покровская культура начала эпохи поздней бронзы в северных районах Нижнего Поволжья: по материалам поселений срубной культурно-исторической области // АВЕС. Саратов, 2007. Вып. 5.

Малов Н.М. Археологические памятники Петровского района и их изучение // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2008. Вып. 8.

Малов Н.М. Культурогенез в эпоху поздней бронзы Нижнего Поволжья // Известия Саратовского университета. Серия История, Международные отношения. Т. 12. Саратов, 2012. Вып. 1.

Мыськов Е.П., Кияшко А.В., Литвиненко Р.А., Усачук А.Н. Погребение колесничего из бассейна Дона // Археологический альманах. Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. Донецк, 2004. № 15.

Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье // Археология России. САИ. В 1-10. Ред. Н.К. Качалова, Н.М. Малов. Саратов, 1993. Т. 1.

Malov N.M. Spears – Sing of Archaic Leaders of the Pokrovsk Archaeological Culture // Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC. Journal of Indo-European Studies Monograph Series 45. Institute for the Study of Man Washington D.C. 2002. Volume I.

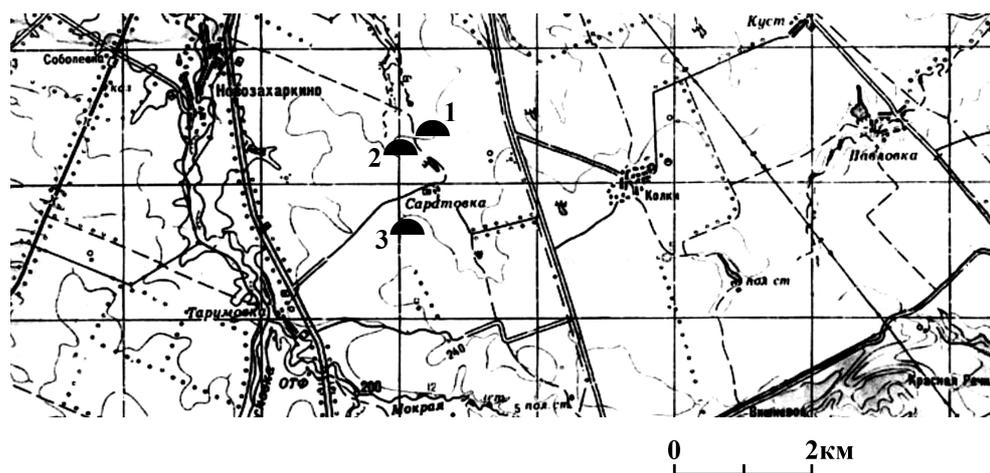

Рис. 1. Место расположения исследованных курганов: 1 - Курганная группа Таволга-1; 2 - Отдельно стоящий курган «Саратовка»; 3 - Курганная группа Тарумовка-1.

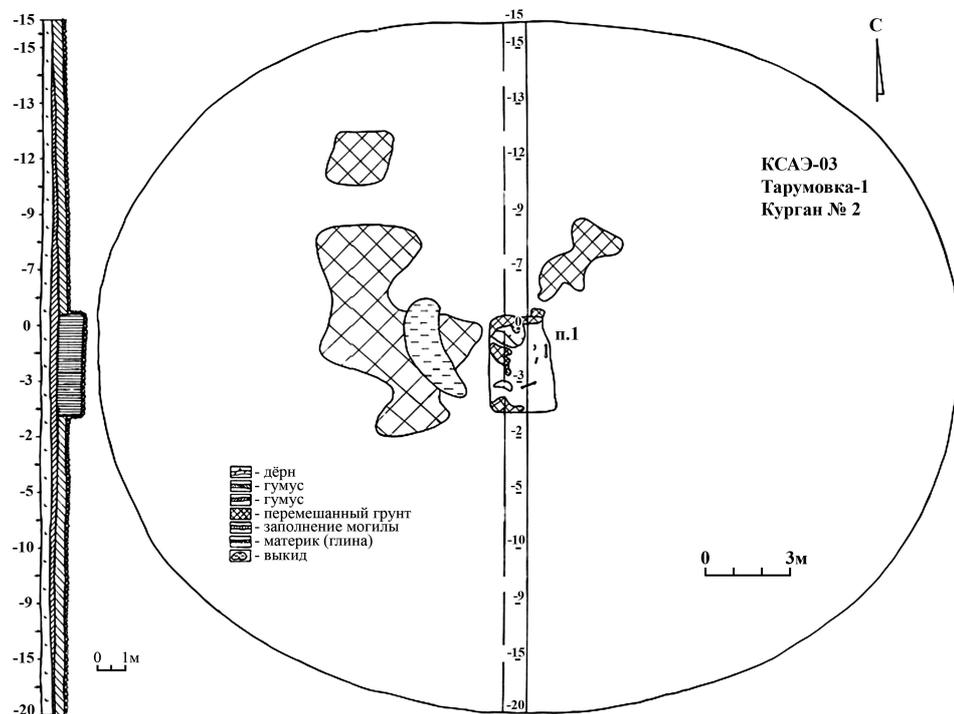

Рис. 3. Тарумовка-1. План и профиль кургана № 2.

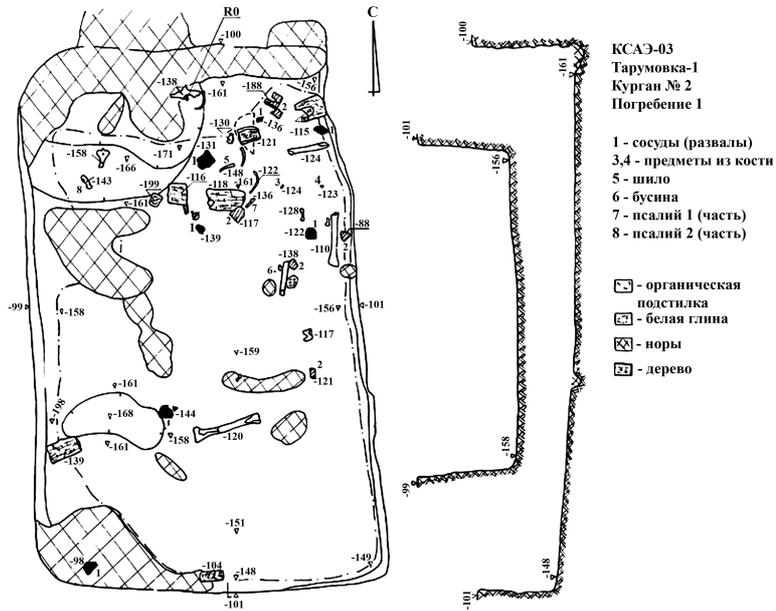

Рис. 4. Тарумовка-1. Курган № 2. Погребение 1.

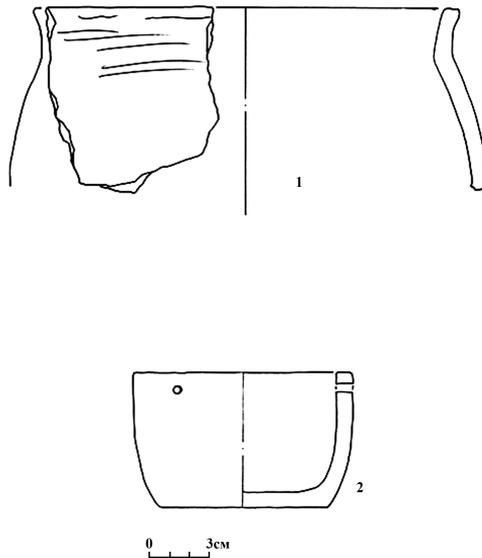

Рис. 5. Тарумовка-1. Курган № 2. Керамика из погребения 1.

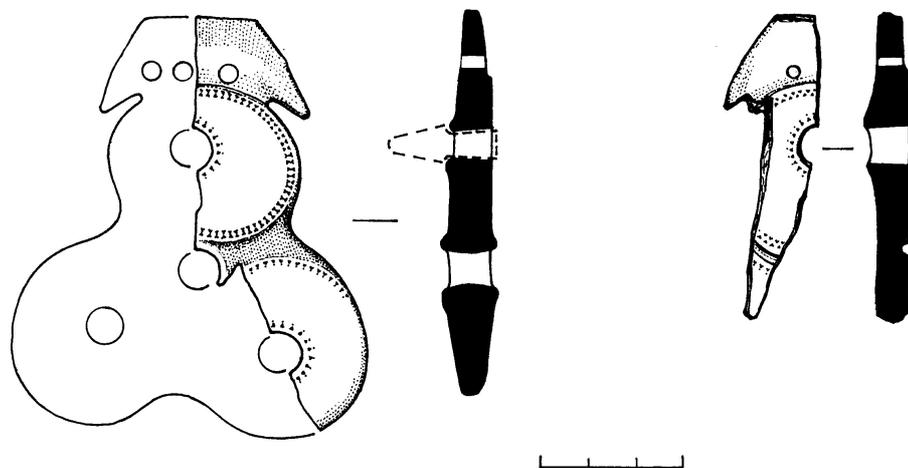

Рис. 6. Тарумовка-1. Курган № 2. Фрагменты псалиев из погребения 1 - кость.

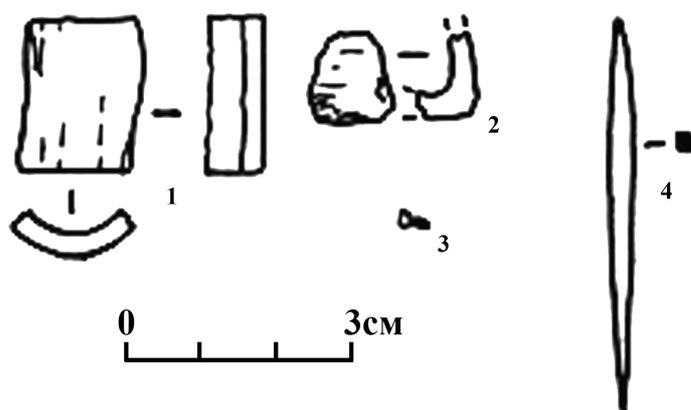

Рис. 7. Тарумовка-1. Курган № 2. Инвентарь из погребения 1:
1-2 - кость; 3 - пастовая бусина; 4 - бронзовое шило.

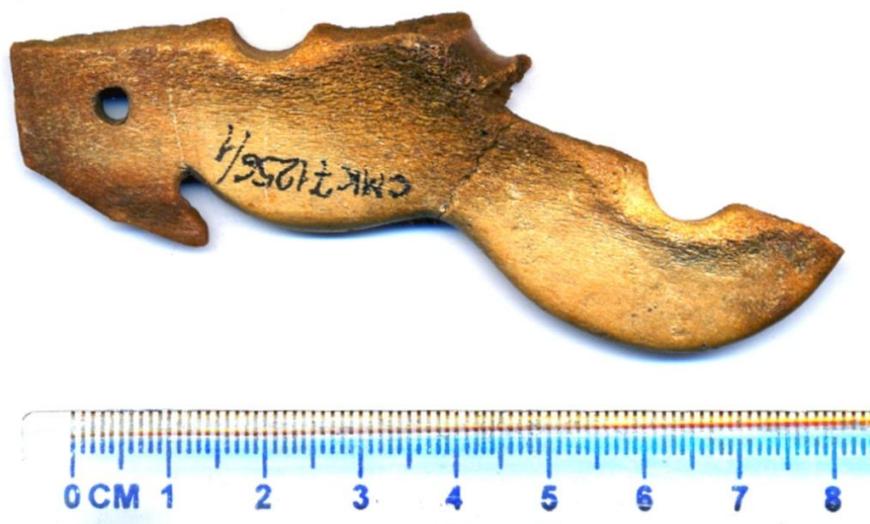

Рис. 8. Тарумовка-1. Курган № 2. Погребение 1.
Фото фрагмента псаля №1. Тыльная сторона.

Рис. 9. Тарумовка-1. Курган № 2, погребение 1.
Фото фрагмента псаля №1. Лицевая сторона.

Рис. 10. Тарумовка-1. Курган № 2, погребение 1.
Фото фрагмента псаля №2. Лицевая сторона.

Рис. 11. Тарумовка-1. Курган № 2, погребение 1.
Фото фрагмента псаля №2. Тыльная сторона.

Хреков А.А.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОСТЗАРУБИНЕЦКИХ ПАМЯТНИКОВ ПРИХОПЕРЬЯ

В истории народов Восточной Европы особое место занимает период первых веков нашей эры, непосредственно предшествующий раннему средневековью. Резкое изменение этнокультурной ситуации на обширных пространствах лесостепи и прилегающей к ней южной части лесной зоны привело к формированию новых культурных археологических образований в современной литературе обозначенных как позднезарубинецкие или постзарубинецкие. Они разбросаны на огромных пространствах от Днепра до Волги, но каждая группа, несмотря на более или менее единые хронологические рамки, отличается своеобразием, обусловленным естественной природной изолированностью и теми отношениями, которые складывались у них с местным населением.

Для лесостепного Прихоперья, расположенного на стыке степной и лесостепной зон, эта эпоха не оставила письменных источников и ее изучение возможно только по археологическим материалам, которые свидетельствуют о миграционных процессах и чередовании (или сосуществовании) археологических культур в регионе. Реконструкция этнокультурных процессов первой половины I тыс.н.э. является одной из самых сложных задач археологии не только Прихоперья, но и всего Волго-Донского лесостепного междуречья. Решение ее непосредственно зависит от того, в какой степени исследованы археологические общности региона, от периодизации и хронологии материалов, от динамики изменения ареалов культурных групп.

Исследования последних десятилетий показали, что основным населением лесостепного Прихоперья в раннем железном веке с VII – начала VI вв. до н. э. по II в. н. э. (не исключая первые десятилетия III в. н. э.) были оседлые финно-угорские племена городецкой культуры, выделенные в свое время В.П. Левенком и В.Г. Мироновым в юго-восточный локальный вариант, охватывающий правобережье Волги, верхние бассейны Суры, Хопра и Медведицы. Южная граница этого варианта проходила по линии Саратов – Балашов – Правобережье Дона, примерно до реки Потудань. Тогда, на археологической карте бассейна Хопра и Медведицы значилось всего пять пунктов, информативность которых была незначительной [Левенок, Миронов, 1976. С. 17–20]. В

настоящее время в бассейне Хопра известно около 30 памятников (рис. 1) с рогожной и текстильной керамикой [Хреков, 2000. С. 58–71]. По топографическим особенностям расположения памятники распределяются на три типа: в пойме, на первой надпойменной террасе и коренной террасе. Это городища, поселения и кратковременные стоянки. Наиболее надежным этническим и хронологическим индикатором городецких памятников является керамика. Прежде всего, это связано со сравнительно бедным ассортиментом (или отсутствием таковых) диагностирующих артефактов, поэтому степень разработанности многих историко-культурных проблем остается невысокой. Открытой остается проблема выделения позднегородецкого периода в Прихоперском регионе.

Водоразделы рек (рис. 2) занимали кочевники – ираноязычные сарматы. До рубежа нашей эры в лесостепном междуречье Волги и Дона савроматские и сарматские находки пока единичны, что свидетельствует о непостоянном их пребывании в этом районе, или его слабой изученности [Медведев, 1999. С. 50–51; Хреков, 2008. С. 343–361]. В конце I – начале II вв. н. э. происходит массовое переселение новых кочевых племен с востока. Ими оставлены как отдельные, так и целые курганные некрополи, исследованные в правобережье и левобережье Хопра [Матюхин, 1992. С. 144–158; Ефимов, 1998. С. 19–35; Березуцкий, 1998. С. 36–41; Хреков, 2008. С. 94–105]. Со второй половины III в. н. э., вслед за вторжением готских племен в Северное Причерноморье, наблюдается новый (западный) мощный поток в лесостепь, что особенно ярко проявилось в позднесарматских (вторая половина III–IV вв. н. э.) комплексах Саратовского лесостепного Правобережья [Матюхин, 2000. С. 170–173]. Это представительная серия позднесарматских могильников и отдельных погребений с северной ориентировкой, деформированными черепами и катакомбами (Большая Дмитриевка, Щербаковка, Гусевка, Аткарск и др.), зачастую с предметами (черняховский гребень с полуовальной спинкой, грибовидные янтарные бусы, стеклянная фиала, бронзовый котелок-ведро, медальоны) западного импорта [Матюхин, Ляхов, 1991. С. 135–152; Матюхин, 1997. С. 182–198].

Первые сведения о том, что к востоку от Дона расположена изолированная группа памятников, которая тем не менее связана с западными территориями Поднепровья и не имеющая местных корней, появились в конце 80 – начале 90-х годов XX в. [Хреков, 1991. С. 84–86]. В середине 90-х гг. автором были опубликованы первые обобщающие работы, в которых в верхнем и среднем течении реки Хопер и его притоках – реках Карай и Ворона выделены древности типа Инясево, близкие по времени существования и сходству археологического комплекса с зарубинецкими традициями [Хреков, 1994. С. 51–58].

Памятники, оставленные мигрантами, образуют компактную, четко выраженную локальную группу (рис. 3), культурно-хронологическое определение, генезис и история которой за последние годы были предметом неоднократного обсуждения [Обломский, 2007. С. 43, 47]. И хотя их изучение находится лишь на начальной стадии накопления источниковедческой базы, следует отметить, что к настоящему времени достигнуты определенные успехи, позволяющие сделать предварительные обобщения.

В литературе подобные памятники именуют по разному: «поздними зарубинецкими», позднезарубинецкими, «постзарубинецкими», «раннекиевскими». Для столь отдаленной территории от зарубинецкой прародины после ее распада, древности Прихоперья мы будем именовать как «постзарубинецкие». Впервые этот термин ввел М.Б. Щукин [Щукин, 1979. С. 69], «поскольку памятники этого горизонта рассыпаны по большой территории (рис. 3), располагаются не столь компактно, как в археологических культурах, иногда вклиниваются в инокультурную среду, число интегрирующих признаков не столь велико и охватывают они сравнительно узкие хронологические интервалы». Это – или неустоявшиеся, или несостоявшиеся археологические культуры» [Щукин, 1986. С. 26].

Синхронизации всех позднезарубинецких памятников типа Лютежа, Почапа, Картамышшево-II, Терновка-2, по мнению В.М. Горюновой, не существует.

Она предлагает не отделять памятники Картамышшево-II – Терновка-2 от раннекиевских и рассматривать их в общих (постзарубинецко-раннекиевских) хронологических рамках: с середины(?) последней трети (четверти) II в. до середины(?) III в. [Горюнова, 2004. С. 49–50; Горюнова, 2008. С. 213].

Иную позицию отстаивают А.М. Обломский и Р.В. Терпиловский. В совместной монографии 1991 г. авторами проводится мысль о позднезарубинецких памятниках как самостоятельном культурном явлении, отличном как от предшествующей зарубинецкой, так и от последующей киевской культуры [Обломский, Терпиловский, 1991. С. 3–18]. Поэтому целесообразно рассматривать в качестве позднезарубинецких памятники I–II вв. н. э., сохраняющих сильную зарубинецкую традицию, а памятники III–V вв. н. э., вещевой комплекс, которых отличается от соседних культур и от диахронных древностей того же ареала, объединить в самостоятельную киевскую культуру [Терпиловский, 1984, С. 47–50]. Поскольку возникновение киевской культуры относится к концу II – началу III вв. н. э., то эту же дату можно считать максимально допустимым верхним рубежом предшествующих позднезарубинецких памятников [Терпиловский, 2010, С. 14]. Основанием является присутствие эмалевых украшений ранней стилистики на поселениях типа Картамышшево-II – Терновка-2, что, безусловно, говорит о вероятном существовании этих памятников в начальных десятилетиях III в. н. э. и их хронологической нерасчлененности с памятниками раннекиевского этапа [Обломский, 1991. С. 10, 14, 25].

В предварительном плане, судя по керамическому комплексу, сохраняющему позднезарубинецкие черты и хроноиндикаторам, «плавающим» в рамках конца II – середины III вв. н. э. (B2/C1 – C1A), постзарубинецкие памятники Прихоперья условно, по общему набору культурообразующих признаков, относятся к двум периодам – позднезарубинецкому и раннекиевскому до появления узкодатируемых вещей.

Массовое открытие постзарубинецких памятников на Хопре относится ко второй половине 80-х гг. XX в. – началу XXI в. Большинство из них пока локализованы в пределах Саратовской, Тамбовской и Воронежской областей (рис. 2). Топографические условия их расположения характеризуются макси-

мальным приближением к водному источнику и, как правило, занимают песчаные останцы, или пониженные участки подпойменных террас.

Среди них – поселения, грунтовой могильник и культовые объекты. Практически все они открыты и исследованы экспедицией Балашовского краеведческого музея и Балашовским институтом Саратовского Государственного университета.

Первоначально материалы этого типа были выявлены в 1930 г. у с. Репное Балашовского района Саратовской области [Рыков, 1931] и отнесены к эпохе поздней бронзы.

Территориально постзарубинецкие древности локализуются по трем микрорайонам, на реках – Хопер, Карай и Ворона. Компактная группа памятников исследована на левом берегу р. Вороны у с. Шапкино Мучкапского района Тамбовской области.

Поселение Шапкино-II расположено на первой надпойменной террасе. Стационарные исследования проводились в 1984–1986, 1988 гг. Раскопками вскрыто 345 кв. м. К постзарубинецкому горизонту относятся 23 хозяйственные ямы, очаг открытого типа и одна постройка подквадратной формы. Находки представлены развалами и фрагментами грубой лепной и лощеной посуды, глиняными пряслищами, бронзовым пирамидальным колокольчиком, выполненным в стиле «варварских вещей с выемчатой эмалью» периода расцвета. Особый интерес представляет серолощенная ребристая миска с пиктограммой из свастик, треугольников, ромбов, крючков и крестов, видимо, связанная по происхождению с центральноевропейскими сосудами [Хреков, 1995. С. 3–15]. Материалы хранятся в Балашовском краеведческом музее.

Поселение (культовый объект) Шапкино-II, раскоп 2. Обнаружено в 300 м от поселения Шапкино-II. Раскопками в 1996–1997 гг. вскрыто 300 кв. м. К постзарубинецкому горизонту относятся 19 ям и одна постройка прямоугольной формы. Судя по заполнению (зола, уголь, кости животных, грубая и лощеная керамика) ямы содержали жертвоприношения. Одна из ям, вплотную примыкавшая к постройке, была заполнена обугленными зернами пшеницы и слоистой структурой из угля, золы и многочисленных фрагментов керамики [Хреков, 1999. С. 74–89]. Материалы хранятся в Балашовском краеведческом музее.

Поселение Шапкино-I, дюна 5, раскоп 2 (пойма левого берега р. Вороны). Раскопки производились в 1986 и 2003 гг. Вскрыта площадь 408 кв. м. К постзарубинецкому горизонту относятся 15 хозяйственных ям, очаг открытого типа и одна постройка подпрямоугольной формы с закругленными углами. Находки в основном сосредоточены в заполнении ям и представлены грубой и реже лощеной керамикой, а также железной посоховидной булавкой [Хреков, 1986. 2003] Материалы хранятся в Балашовском краеведческом музее.

Поселение Шапкино-I, дюна 5, раскоп 3 (пойма левого берега р. Вороны). Раскопки производились в 1990 г. Площадь раскопа 200 кв. м. К постзарубинецкому горизонту из строительных комплексов в площадь раскопа попали котлованы от 14 хозяйственных ям. Среди находок преобладает грубая и лощеная керамика, 2 фрагмента пряслищ из стенок красноглиняных круговых сосудов, фрагмент ручки от сероглиняного сосуда, железный нож,

крюк, и красная бусина, имеющая форму параллелепипеда и характерная для комплексов «варварских вещей с выемчатой эмалью» [Хреков, 1998. С. 180–187] Материалы хранятся в Балашовском краеведческом музее.

Большое значение для определения этнического и хронологического статуса с выявленных постзарубинецких древностей имеет грунтовой могильник с сожжениями, открытый в 1986 году в широкой пойме правого берега р. Хопер у с. Инясево Романовского района Саратовской области.

Стационарные исследования проводились в 1986–1988 гг. В ходе раскопок (вскрыто около 500 кв. м.) удалось выявить шесть хорошо сохранившихся погребений и часть разрушенных. Погребения совершались в округлых, овальных и подпрямоугольных ямах средних размеров. Как правило, они представляли собой трупосожжения на стороне. Все погребения безурновые. Кальцинированные кости помещены в ямы компактно с остатками погребального костра (зола, уголь). Инвентарь представлен обломками керамики, иногда от нескольких сосудов, некоторые фрагменты имеют вторичный обжиг. Реже в погребениях встречаются украшения – трапециевидные подвески, височные кольца, бусы, пряжки. Среди бытовых и воинских предметов – железные ножи, пряслице, фрагмент кольчуги и узколезвийный проушной топор [Хреков, 1991. С. 116–126]. Материалы хранятся в Балашовском краеведческом музее.

Поселение Подгорное-I расположено на дюне в пойме левого берега р. Карай у с. Подгорное Романовского района Саратовской области. Раскопки проводились в 1992 г. Вскрытая площадь составляет 72 кв. м. К постзарубинецкому горизонту относятся – очковидная подвеска, пинцет и два проволочных колечка (фрагмент кольчуги). На северном участке раскопа обнаружен культовый объект. Это – небольшая площадка прямоугольной формы с закругленными углами, выложенная мелкими камнями. На вымостке находился полный развал – урна грубого лепного сосуда горшковидной формы, угольки и несколько кальцинированных косточек [Хреков, 2008. С. 112–120]. Материалы хранятся в Балашовском краеведческом музее.

Среди культовых объектов постзарубинецкого облика особое место занимает памятник Рассказань-III, обнаруженный на дюне в пойме левого берега р. Хопер, у с. Рассказань Балашовского района Саратовской области. Раскопки проводились в 1996–1999 гг. Исследованная площадь составляет 860 кв. м. К постзарубинецкому горизонту относятся около 100 ям, условно названные жертвенными или мемориальными. В основном находки были сосредоточены в заполнении ям или вокруг них. Это многочисленные развалы и фрагменты грубой и лощенной керамики, бусина с внутренней позолотой, бронзовые оковки верха деревянного сосуда, трубчатая пронизь, железные ножи, жернов (бегунок), фрагменты и целые экземпляры плоских глиняных пряслиц. Не исключено, что памятник отражает два периода – позднезарубинецкий и раннекиевский [Хреков, 2010. С. 157–207]. Материалы хранятся в Балашовском краеведческом музее.

Поселение Разнобрычка расположено на дюне в пойме левого берега р. Карай, у озера Разнобрычка, в окрестностях с. Подгорное Романовского района Саратовской области. Исследования проводились в 2004–2005, 2008 гг. Тремя раскопами вскрыта площадь около 400 кв. м. К постзарубинецкому

горизонту относятся 3 ямы хозяйственного назначения, развалы грубых и лощеных сосудов, ручка от сосуда, выполненная в зооморфном стиле, железные ножи, шпора, посоховидные булавки, секировидная подвеска («молоточек Тора»), стеклянная бусина, фрагмент бронзовой трапециевидной подвески, бронзовая обойма, глиняные биконические и плоские пряслища [Хреков, 2006. С. 59–65]. Материалы хранятся в Балашовском и Саратовском областном краеведческих музеях.

Поселение Богатырка-2 обнаружено в ходе археологических разведок 2009 г. Оно находится на невысокой террасе, расположенной на дне оврага Богатырка, на правом берегу р. Карай, в окрестностях с. Подгорное Романовского района Саратовской области. Поверхность местами нарушена позднейшими перекопами и постройками XVIII–XIX века. По склонам террасы собраны фрагменты грубой и лощеной керамики постзарубинецкого облика, узколезвийный железный топор с проушиной, железная шпора с пластинчатой дужкой, загнутыми концами и гладким коническим шипом, бронзовая лунница, бронзовая пряжка с прямоугольной рамкой и железным язычком [Кисельников, 2009]. Материалы хранятся в Балашовском краеведческом музее.

Среди перечисленных памятников конца II – первой половины III в. наиболее южное положение занимает поселение Борисоглебское-4, обнаруженное на левом берегу реки Вороны в окрестностях г. Борисоглебска Воронежской области. Площадь раскопа 90 кв. м. К постзарубинецкому горизонту относятся грубые и лощеные фрагменты керамики, плоские пряслища из стенок сероглиняных сосудов, фрагменты дисков и 14 ям, которые автор раскопок Я.П. Мулкиджанян относит к разряду погребально-мемориальных объектов киевской культуры [Мулкиджанян, 1998. С. 169–179]. Материалы хранятся в Борисоглебском краеведческом музее.

К кругу памятников киевской культуры относятся три случайные находки, обнаруженные в 15 км к юго-западу от поселения Борисоглебского-4, в окрестностях с. Нижний Карачан Грибановского района Воронежской области [Мулкиджанян, 1998. С. 173]. Это обломок бронзовой лунницы с трехлепестковым прорезным щитком, бронзовая трапециевидная подвеска и бронзовая крестовидная пряжка – обойма, пазы которой заполнены темно-красной пастой. В непосредственной близости от места находок находится селище Нижнее Карачанское-3, на котором встречены фрагменты керамики киевского облика [Ефимов, 1983. С. 8]. Материалы хранятся в Борисоглебском краеведческом музее.

Видимо появление постзарубинецких памятников в Прихоперском анклаве явление не случайное. Если посмотреть на карту конца I–II вв. н. э., то создается впечатление, что носители прежней зарубинецкой культуры рассредотачиваются в соседние регионы, образуя несколько локальных групп, именуемых в литературе горизонтом Рахны – Лютеж – Почеп, Картамышшево-2 – Терновка-2, Гриней [Обломский, Терпиловский, 1991. С. 3–18]. На востоке это группа памятников типа Инясево – Шапкино – Рассказань (рис. 3).

Отправной точкой миграций и формирования восточнославянских народов является кризис и распад зарубинецкой культуры [Шукин, 1986. С. 26–38]. Причины этого кризиса до настоящего времени окончательно не выяснены. Они объяснялись готским в Полесье и сарматским в Среднем Поднепро-

вье нашествиями, или комплексом различных причин, среди которых важное место занимали экологические процессы: повышение среднегодовой температуры и снижение влажности, что создавало значительные трудности для ведения хозяйства традиционными для зарубинецкого населения способами [Обломский, Терпиловский, Петраускас, 1990. С. 22–26]. В целом это соответствует топографии прихоперских памятников, расположенных в пойме или на первой надпойменной террасе.

Вопрос о происхождении постзарубинецких древностей хоперского варианта до конца не решен. По ряду признаков (наличие плотных линз крупных кальцинированных костей, попытка выкладки их в анатомическом порядке, ямы удлинённой формы, расположение вещей, как среди костей, так и рядом с ними, сосуд-приставка в погребении 7) погребения в Инясево близки к захоронениям зарубинецкой культуры, которым присущи те же особенности [Кухаренко, 1964. С. 13–24; Поболь, 1971. С. 74–85; Максимов, 1972. С. 97–105]. К.В. Каспарова, рассматривая погребальный обряд зарубинецкой культуры, выделила 19 его основных признаков, где 14 практически соответствуют обряду инясевского могильника [Каспарова, 1988. С. 53–55]. Правда, между классическими погребениями зарубинецкой культуры и могильником Инясево существует хронологический разрыв как минимум полтора – два столетия. Тем не менее, погребальный обряд Инясево, по всей видимости, является результатом прямой эволюции зарубинецкой культуры. Не исключено, что сравнительно ранние традиции законсервировались в этом отдалённом регионе, тогда как в сопредельных районах они исчезли. В позднезарубинецком периоде погребальный обряд, зафиксированный в Инясево, пока находит приблизительно аналогии только в могильнике Рахны, исследованном П.И. Хавлюком на Южном Буге [Обломский, 2010. С. 17–18].

Помимо классических погребений зарубинецкого облика на территории Прихоперья зафиксирована иная модель культовых памятников. Так, на курганообразной доне у с. Рассказань в площадь раскопа попали котлованы приблизительно от 100 ям, условно названные «жертвенными» [Хреков, 2010. С. 157–207]. Преобладают ямы округлой, овальной и подпрямоугольной формы средних размеров. Заполнение состоит из темной супеси с остатками костра в виде золы и угля, костей животных и рыб, фрагментов керамики от разных сосудов, иногда вторично обожженных и мелких кальцинированных (от 2 до 47) косточек. Часто угольки, зола, кальцинированные косточки встречались по всему заполнению, реже залегали на каком-то определенном уровне – линзой или прослойкой. Около половины ям содержали только угольки, керамику и кости животных. В двух объектах заполнение состояло из золы, угольков и мелких кальцинированных костей. Грубая и лощеная керамика, обнаруженная в ямах, имеет позднезарубинецкий (постзарубинецкий) облик типа Каргамышево-II, Терновки-2, Лютежа, Попово – Лежачей-4 и, отчасти, Шишино-5, Шмырево и других. В целом, комплекс датируется концом II – первыми десятилетиями – серединой III в. н. э.

Подобные памятники (Кулига, Макча) некоторые исследователи предлагают считать «поминальниками», т. е. особого назначения культовыми объектами, связанными с обычаем почитания умерших предков [Щукин, 1990. С. 119–120]. Видимо, культовый памятник Рассказань-III выполнял функции

святилища. Не исключено, что часть ям являлись погребениями «мемориального» характера, ничем не отличаясь от ямных безинвентарных захоронений пшеворской и киевской культур.

Изменение погребального ритуала зафиксированного в Рассказани может носить как хронологический, так и этнический характер, связанный с появлением нового населения.

По предварительным наблюдениям памятники типа Инясево – Шапкино – Рассказань появляются в бассейне р. Хопер, скорее, в результате переселения в этот район носителей древностей круга Картамышево-II – Терновки-2 [Обломский, Терпиловский, 2008. С. 258–259] или Гриней, представляющих собой миграцию на юг и юго – восток в низовья Десны, Среднее Поднепровье, Днепровское лесостепное Левобережье части верхнеднепровского зарубинецкого населения в середине II вв. н. э. [Обломский, Терпиловский, 1991. С. 103–104]. Однако памятники типа Гриней изучены пока слабо, но, судя по территориальному разбросу поселений этого круга, миграция населения с северной окраины зарубинецкой культуры имела достаточно широкие масштабы.

Помимо хроноиндикаторов, которые имеют довольно широкие временные рамки от конца II до середины III в. н. э. [Хреков, 1997. С. 335], об этом свидетельствует керамический комплекс близкий не только позднезарубинецкому Картамышево-II – Терновки-2, но и раннекиевскому – Гочево-1, Попово – Лежачи-4, Шишино-5, Кулига, Приоскольское-2. Набор груболепной посуды всех перечисленных памятников имеет ряд общих черт [Обломский, 2003. С. 17–20]. В Прихоперье он состоит из пяти основных керамических форм¹: округлобких горшков типа I, 1 варианта *a*, разновидности *a*, *b* (рис. 4, 1–3); типа I, 3, вариантов *a*, *b* (рис. 4, 4–5), а также ребристых – типа II, 1 и типа II, 2, варианта *a* (рис. 4, 8–9). Баночные сосуды типа I, 4, с прямым или загнутым внутрь краем (рис. 4, 6–7) немногочисленны. Поверхность горшков, как правило, неорнаментирована, со следами небрежного сглаживания пальцами или щепой. По верхнему срезу венчика иногда встречаются косые насечки и пальцевые вдавления. Набор грубой лепной посуды дополняют плоские диски (рис. 4, 15–16), широко представленные на позднезарубинецких памятниках Среднего Днепра, Побужья, Донца и Оскола и миниатюрные сосудики баночной (рис. 4, 10, 13–14) и горшковидной (рис. 4, 11–12) форм.

В работах по позднезарубинецкому периоду и киевской культуре неоднократно отмечалось, что важным хронологическим показателем является набор лощеной посуды. В среднем ее доля в Прихоперье составляет от 0,2–3 до 13%, в зависимости от исследованной площади. Здесь на поселениях Шапкино-I, Шапкино-II известны лощеные миски ранних форм: как типа III, 3, *b* (рис. 5, 1–2), так и ребристые с прямым (рис. 5, 4–5) или слегка закругленным загнутым внутрь венчиком (рис. 5, 6) типа II, 3 и типа I, 1, характерные для позднезарубинецких памятников (Картамышево-II, Терновка-2) бассейна Северского Донца [Обломский, Терпиловский, 1991. С. 66, рис. 14; С. 70, рис. 17].

¹ Типология позднезарубинецкой керамики по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому [Обломский, Терпиловский. 1991. С. 15].

Разнообразный набор лощеной посуды обнаружен на «культовом месте» и могильнике Рассказань-III [Хреков, 2010. С. 164–166]. Здесь присутствуют лощенные миски четырех типов: III, 3, варианта *б* (рис. 6, 1, 3); III, 1 (рис. 6, 2, 4–5, 8) – ведущий тип; III, 2, варианта *а* (рис. 6, 7). Тип III, 1 на памятниках киевской культуры по Р.В. Терпиловскому и Н.С. Абашинной [Терпиловский, Абашина, 1992. С. 46, рис. 8], но рассказанский комплекс отличается большей приземистостью, что сближает его именно с позднезарубинецкими памятниками.

Своеобразие керамического комплекса прихоперского региона определяется не только традициями зарубинецкого (позднезарубинецкого) времени в общем наборе лепной посуды, но и группой лощеных мисок типа III, 3, разновидности *б*, истоки которых следует искать в памятниках пшеворской культуры, где такие формы появляются в конце позднего латена и максимально распространяются в раннеримское время [Обломский, Терпиловский, 1991. С. 88–89, рис. 23; Обломский, 2003. С. 15].

В Днепровском Левобережье подобная керамика имеется на постзарубинецком (по терминологии В.М. Горюновой) поселении Картамышшево-II [Горюнова, 2004. С. 72, рис. 18, 4, 8], в меньшей степени на раннекиевском поселении Попово – Лежачи-4 [Обломский, 2003. С. 171, рис. 20, 4–5, 7, 9] и Прихоперье на постзарубинецком поселении Шапкино-II [Хреков, 1995. С. 15, рис. 6, 1–2]. Однако в коллекции культового памятника Рассказань-III присутствуют фрагменты лощеного лепного горшка, поверхность которого украшена зигзагом из тонких валиков, и округлыми вдавлениями (рис. 7, 3), обнаруженного в яме 64 вместе с груболепным сосудом и фрагментами ручек [Хреков, 2010. С. 188, рис. 10].

Точных аналогий в позднезарубинецкой и раннекиевской посуде мы не нашли.

Более или менее близкие параллели известны в погребении Монастыриха пшеворской культуры [Козак, 1993. С. 238, табл. XIX, 26].

Не меньший интерес представляют крупные фрагменты сероглиняного гончарного сосуда шаровидной формы (рис. 1) из слоя раскопа. Стенки тонкие, подлощены, тулово украшено пояском из двух горизонтальных пролощенных линий. На памятниках, близких Рассказани-III территориально и культурно-хронологически (Картамышшево-II, Терновка-2, Попово – Лежачи-4, Шишино-5, Кулига и др.), постоянно отмечалось присутствие гончарной посуды позднеантичного облика, в том числе фрагментов красноглиняных и сероглиняных лощеных и нелощеных сосудов. В последнее время в связи с целенаправленным изучением вопросов возникновения и места изготовления сероглиняной гончарной посуды, а также времени появления ее в Причерноморских центрах, чаще решают вопрос в пользу ее провинциально-римского происхождения [Терпиловский, Абашина, 1992. С. 74; Обломский, 2002. С. 18]. На данный момент установлено появление специфических сероглиняных гончарных форм в Причерноморском регионе, по крайней мере, на полтора столетия раньше, чем в черняховской культуре, начиная с конца I в. н. э. до первых десятилетий III в. н. э. [Гудкова, 1999. С. 270]. Кроме того, для определения источника подобной керамики есть еще несколько вариантов – Северокавказский, Прикубанский и Нижнедонской. Нельзя не учитывать распространение в сарматской среде серолощенной посуды как позднеан-

тичных, так и северокавказских форм, время поступления которой к сарматам Нижнего Поволжья ограничено где-то серединой III в. н. э. [Скрипкин, 1984. С. 55–57, 108].

Вполне возможно, что появление серолощенной керамики у постзарубинцев Прихоперья связано с сарматами, курганы которых (II–III вв. н. э.) зафиксированы здесь на водоразделах рек. В результате каких-то контактов с кочевниками, на поселениях Разнобрычка и Рассказань-III появляются ручки сосудов с зооморфным декором (рис. 8, 2–3), известные в позднесарматских памятниках Подонья [Разуваев, 1998. С. 86, рис. 4, 2], Волго-Донского междуречья [Скрипкин, 1984. С. 25, рис. 4, 1–5; 5, 1; Сергацков, 2000. рис. 38, 6; 77, 1] и на Северном Кавказе [Абрамова, 1987. С. 80, рис. 41, 15]. Скорее всего, следует предполагать, что между этими группами населения существовали мирные отношения на взаимовыгодной основе. Яркой иллюстрацией относительно «стабильных» отношений между зарубинцами и сарматами является формирование тясминской, южнобутской, поречья Орели, Трубежа, окрестностей гг. Полтавы и Харькова групп памятников. Смещение части зарубинецкого населения после сарматского разгрома на юг, ближе к потенциальному врагу выглядит абсолютно алогично [Синица, 2008. С. 9–28; Арион, Башкатов, Обломский, Терпиловский, 2010. С. 98–99]. Видимо не случайно на Певтингеровой таблице венеды указаны как венеды – сарматы [Подосинов, 1991. С. 63–80].

Другая точка зрения принадлежит М.Б. Щукину, который не исключал возможности, что сарматы – кочевники, постоянно нуждающиеся в продуктах земледелия, могли депортировать часть населения на земли, где эксплуатация его была облегчена [Щукин, 1986. С. 32; Щукин, 1997, С. 141]. Вероятно, каждая зарубинецкая группа выстраивала взаимоотношения с кочевниками в зависимости от расстановки сил.

Помимо керамики на поселении Разнобрычка [Хреков, 2006. С. 62, рис. 1, 3] и Богатырка [Кисельников, 2009] найдены две железные шпоры с плоской ромбической дужкой и коническим шипом, имеющие центрально-европейское происхождение. Первая – (рис. 7, 1) тип F3 по Е. Гинальскому, который для пшеворских памятников датируется фазами C1a – C1в (1-ая – 3-я трети III в. н. э.) [Ginalski, 1991. S. 66–67]. Вторая – (рис. 7, 2) относится к типу который, по мнению А.М. Обломского, датируется довольно широко [Обломский, 2007. С. 127]. Наиболее раннее аналогичное изделие обнаружено на позднезарубинецком поселении Марьяновка на Южном Буге вместе с серией вещей I в. н. э. [Хавлюк, 1971, рис. 2, 6]. Б.В. Магомедов и М.Е. Левада указывают, что подобные шпоры известны в Центральной Европе в середине IV – начале V в., а в лесной зоне Восточной Европы – в раннем средневековье [Магомедов, Левада, 1996. С. 310]. Этот тип шпор, в комплексе с бронзовым браслетом и фибулой с выемчатой эмалью из постройки поселения Ездочное на р.Оскол, И.В. Зиньковская и А.П. Медведев относят к середине II в. н. э. [Зиньковская, Медведев, 2005. С. 7–8, рис. 4, 12]. Учитывая конструктивные особенности (ромбовидная дужка, конический гладкий и огранный шип, загнутые концы-зацепы) и аналогии время бытования прихоперских шпор будет соответствовать фазам B2/C1 и C1a-C1в, т. е. концу II – середине III в. н. э.

Шпора как важный элемент снаряжения всадника на территории Восточной Европы появляются на рубеже эр и получают наибольшее развитие в римское время. У степных всадников (сармат, гуннов) управление лошадью с помощью шпор не практиковалось, поэтому большой интерес представляет распространение этой категории находок на восток от Днепра, что должно маркировать направления движения военных отрядов и переселенцев из Центральной Европы, или отражать контакты и заимствования местным населением новых элементов в военном деле [Радюш, 2006. С. 266–269]. Очевидно, к этому же времени можно отнести привеску в виде молоточка Тора (рис. 7, 4) с поселения Разнобрычка, которые известны на широкой территории – от Средней Европы до Приуралья. Полагают, что секировидные привески были характерны для германцев и бытовали все позднеримское время, вплоть до конца V в. [Казанский, Мастыкова, 1998. С. 102.].

Таким образом, следы контактов (учитывая и другие артефакты) постзарубинецкого (позднезарубинецкого) и центральноевропейского населения прослеживается вплоть до бассейна Хопра, не исключая вероятности перемещения вещей и западной по происхождению посуды по «цепочке», в результате внутренних миграций [Малашев, Обломский, 2002. С. 121–122]. Скорее всего, это были небольшие по численности группировки населения из Центральной Европы, которые достаточно быстро растворялись в позднезарубинецко-киевской среде, но оказавшие заметное влияние на облик постзарубинецких памятников Прихоперья.

Что касается массива населения городецкой культуры, то он, видимо, к концу II – началу III в. мигрирует в более северные районы [Белорыбкин, 2001. С. 102, рис. 62], или трансформируется в древнемордовскую культуру в качестве одного и отнюдь не самого главного ее компонента [Миронов, 1995. С. 79]. Совместное нахождение груболепной постзарубинецкой и рогожной городецкой керамики в хозяйственных ямах (Шапкино-I, Шапкино-II) пока является лишь косвенным свидетельством о возможных контактах двух групп населения. В то же время не исключено, что при значительной территории расселения городецких племен процесс ее исчезновения не означает отсутствия связи с последующей территориально новой культурой.

Косвенным свидетельством возможных контактов постзарубинцев, в том числе и прихоперских с ираноязычными сарматами, финноугорскими племенами городецкой культуры и пшеворцами, которых Д.А. Мачинский отождествляет с лугиями, одним из наиболее восточных народов тацитовой Германии [Мачинский, 1976. С. 85–91], является заключительный пассаж «Германии», касающийся народов населяющих Сарматиию. «Я колеблюсь причислить ли народы певкинов, венетов и феннов к германцам или сарматам. Впрочем певкины, которых некоторые называют бастарнами, в отношении речи, образа жизни, мест обитания и жилищ ведут себя как германцы. Все они живут в грязи, а знать в бездействии. Смешанными браками они обезображивают себя, почти как сарматы. Венеты многое усвоили из нравов, ведь они обходят разбойничьими шайками все леса и горы между певкинами и феннами. Однако они скорее должны быть отнесены к германцам, поскольку и дома строят, и носят щиты, и имеют преимущества в тренирован-

ности и быстроте пехоты – все это отличает их от сарматов, живущих в повозке и на коне» [Тас. Germ. 46].

Открытие постзарубинецких памятников в Прихоперье тесно связано с проблемой этногенеза восточных славян, которая главным образом сводится к поискам предшественников культур раннеисторических славян первой половины I тыс. н. э. Учитывая время распада зарубинецкой культуры, миграции позднезарубинецких племен, характер археологических памятников Прихоперья, имеются все основания считать, что они оставлены самой восточной группой венедов [Медведев, 2008. С. 32]. К сожалению, из имеющихся письменных источников античных авторов невозможно установить, где находилась восточная граница венедов в период распада зарубинецкой культуры и последовавших вслед за ним широких передвижений ее носителей. Вопрос об этническом содержании зарубинецкой культуры до последнего времени носит дискуссионный характер. Наиболее обоснованной нам представляется точка зрения А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского, согласно которой все группы позднезарубинецких памятников оставлены венетами [Обломский, Терпиловский, 1991. С. 107–108], а не бастарнами [Каспарова, 1981. С. 64–78]. Открытым остается вопрос о «ставанах», помещенных Птолемеем между народами Прибалтики и степняками – аланами [Ptol. Geogr. III. 5. 9]. В ставанах большинство комментаторов видят славян, впервые выступающих на страницах письменных источников под своим собственным именем [Мачинский, 1976. С. 90]. Ставанами могли быть и носители различных постзарубинецких групп пограничья лесной и лесостепной зоны Восточной Европы.

В современной историографии господствует направление в определении места позднезарубинецких памятников в системе культур Восточной Европы римского времени и раннего средневековья, которое условно можно назвать «линией П.Н. Третьякова – В.Н. Даниленко». Его основой является общий для авторов вывод о том, что зарубинецкая культура не исчезает бесследно. Традиции ее населения положили начало таким славянским культурам римского времени и раннего средневековья как киевская, колочинская и пеньковская. Позднезарубинецкие памятники в этой связи рассматриваются как переходные между зарубинецкими и киевскими, генетически связанные с зарубинецкими древностями [Третьяков, 1966. С. 225–230, 259–273; Даниленко, 1976. С. 65–69]. В киевской культуре многие исследователи видят крупную группировку раннеисторических славян [Терпиловский, Абашина, 1992. С. 97]. Правда есть и другие мнения, в частности о балтской или балтоиранской принадлежности киевской культуры [Седов, 1994. С. 282; Седов, 2004. С. 89–91].

Вероятно, постзарубинецкие древности инясевского типа будут занимать лесостепную часть Волго-Донского междуречья. Об этом свидетельствуют памятники лбищенского типа [Матвеева, 1986. С. 162–163, 171] на Самарской Луке, небольшие коллекции керамики с правобережных городищ Саратовского Поволжья [Хреков, 2007. С. 150–160] и отдельные находки в верховьях Хопра и Вороны [Корзухина, 1978. Табл. 22, 2, 5].

Прекращение существования постзарубинецких памятников типа Шапкино – Рассказань – Инясево пока не получило должного объяснения. Воз-

можно, это стоит связывать с резким усыханием степей в III в. н. э. [Гумилев, 1993. С. 307] и массовым переселением в более северные районы.

Литература:

- Абрамова М.П. Подкумский могильник. М., 1997.
- Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. СПб., 2001.
- Березуцкий В.Д. Сарматские погребения Власовского могильника. // Археологические памятники Верхнего Подонья в первой половине I тысячелетия н. э. Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1998. Вып. 12.
- Горюнова В.М. Поселение Картамышцево-II (постзарубинецкая эпоха на Верхнем Псле) // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепро-вском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. СПб., 2004.
- Горюнова В.М. О дате поздnezарубинецких памятников типа Картамышцево-II – Терновка-2 (по материалам поселения Сильник – Бобрава-3) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Том II.
- Гудкова А.В. I–V вв. в Северо-Западном Причерноморье (культура оседлого населения). / *Stratum plus*. СПб., Кишинев, Одесса, 1999. № 4.
- Гумилев Л.Н. Изменение климата и миграции кочевников // Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М., 1993.
- Даниленко В.М. Пізньозарубинецькі пам'ятники кийівського типу // Археологія. 1976.
- Ефимов К.Ю. Отчет об археологической разведке по р. Карачан // Архив ИА РАН, р-1. 1983.
- Ефимов К.Ю. Сарматские курганы в могильнике у с. Третьяки. // Археологические памятники Верхнего Подонья в первой половине I тысячелетия н. э. Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1998. Вып. 12.
- Зиньковская И.В., Медведев А.П. Поздnezарубинецкое поселение Ездочное на р. Оскол. // Днепро-Донское междуречье в эпоху раннего средневековья. Воронеж, 2005.
- Казанский М.М., Мاستыкова А.В. Германские элементы в культуре населения Северного Кавказа в эпоху Великого переселения народов // Историко-археологический альманах. Москва, Армавир, 1998. № 4.
- Каспарова К.В. Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры. // СА. 1981. № 2.
- Каспарова К.В. Об одном из возможных компонентов зарубинецкого погребального обряда // СА. 1988. № 1.
- Кисельников А.Б. Отчет о полевых исследованиях в июле – августе 2009 г. Романовского района Саратовской области. // Архив ИА РАН, р-1. 2009.
- Козак Д.Н. Пшеворская культура // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. – первой половине I тысячелетия н. э. Археология СССР. М., 1993.
- Корзухина Г.Ф. Предметы убора с выемчатыми эмалями V – первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье // САИ. Л., 1978. Вып. Е1–43.

- Кухаренко Ю.В. Зарубинецкая культура // САИ, Д 1-19. М., 1964.
- Левенок В.П., Миронов В.Г. К вопросу о новом районе городецкой культуры на Дону // СА. 1976. № 2.
- Магомедов Б.В., Левада М.Е. Оружие черняховской культуры. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии, V. Симферополь, 1996.
- Максимов Е.В. Среднее Поднепровье на рубеже н. э. Киев, 1972.
- Малашев В.Ю., Обломский А.М. Поясная центральноевропейская гарнитура римского времени на территории Днепровского левобережья // РА. 2002. № 4.
- Матвеева Г.И. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тысячелетии нашей эры // Культура Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986.
- Матюхин А.Д. Сарматские памятники I-IV вв. Саратовского Правобережья (краткий обзор материалов) // АВЕС. Саратов, 1992. Вып. 3.
- Матюхин А.Д. Позднесарматские погребения из курганов у с. Большая Дмитриевка // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 1997. Вып. 2.
- Матюхин А.Д., Ляхов С.В. Новое позднесарматское погребение в лесостепном Саратовском Правобережье // АВЕС. Саратов, 1991. Вып. 2.
- Матюхин А.Д. Формирование периферии кочевого мира в раннем железном веке // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И.В. Сеницына. Саратов, 2000.
- Мачинский Д.А. К вопросу о территории обитания славян в I-VI веках. // АСГЭ. Л., 1976. № 17.
- Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008.
- Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. М., 1999.
- Миронов В.Г. Городецкая культура: состояние проблем и перспективы их изучения // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1995. Вып. 4.
- Мулкиджанян Я.П. Поселение Борисоглебское-4 в Прихоперье. // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н. э. Воронеж, 1998. Вып. 12.
- Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Предметы убора с выемчатыми эмальями на территории лесостепной зоны Восточной Европы // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III - начало V в. н. э.). Раннеславянский мир. М., 2007. Вып. 10.
- Обломский А.М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I-V вв. н. э. М., Сумы, 1991.
- Обломский А.М. Киевская культура на фоне этнокультурных процессов в лесостепной зоне в III-V вв. // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III - начало V в. н. э.). М., 2007. Вып. 10.
- Обломский А.М., Терпиловский Р.В., Петраускас О.В. Распад зарубинецкой культуры и его социально-экономические и идеологические причины. Киев, 1990.

- Обломский А.М. Памятники типа Марьяновки бассейна Южного Буга. // Позднезарубинецкие памятники на территории Украины. М., 2010.
- Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века н. э. М., 1991.
- Обломский А.М., Терпиловский Р.В. О происхождении восточной ветви ранних славян (I-V вв. н. э.) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. М., 2008. Т. 2.
- Поболь Л.Д. Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры). Минск, 1971.
- Подосинов А.В. Певтингерова карта // Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1991. Т. 1.
- Радюш О.А. Распространение шпор римского времени к востоку от Днепра // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка. Липецк, 2006.
- Разубаев Ю.Д. Ишутинское городище на Красивой Мече. // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н. э. Воронеж, 1998. Вып. 12.
- Рыков П.С. Отчет об археологических работах в 1930 г., проведенных в Нижневолжском крае. Архив ЛОИА, дело № 795. 1931.
- Седов В.В. Голтескифы // Культурные трансформации и взаимовлияние в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье. Доклады научной конференции посвященной 60-летию со дня рождения Е.А. Горюнова. СПб., 2004.
- Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994.
- Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000.
- Синица Е.В. Сарматские погребение из хутора Хмильна в контексте сарматско-зарубинецких отношений // Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов. Калининград, 2008.
- Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века н. э. Саратов, 1984.
- Терпиловский Р.В., Абашина Н.С. Памятники киевской культуры. (Свод археологических источников). Киев, 1992.
- Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М., Л., 1996.
- Хавлюк П.І. Памятки зарубинецької культури на Побужжі // Археологія, 4. Киев, 1971.
- Хреков А.А. Этнокультурная ситуация в правобережных районах Саратовского Поволжья в первой половине I тыс. н. э. // АВЕС. Саратов, 2006. Вып. 4
- Хреков А.А. Отчет археологической экспедиции Балашовского краеведческого музея за 1986 г. // Архив ИА РАН, р-І. 1986
- Хреков А.А. Отчет археологической экспедиции Балашовского краеведческого музея за 2003 // Архив ИА РАН, р-І. 2003.
- Хреков А.А. Грунтовой могильник с сожжениями на западе Саратовской области // АВЕС. Саратов, 1991. Вып. 2.

Хреков А.А. К вопросу о характере раннесредневековых памятников лесостепного Прихоперья // Археология и история юго-востока Руси. Курск, 1991.

Хреков А.А. Раннесредневековое поселение Шапкино-II в лесостепном Прихоперье // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995.

Хреков А.А. Раннеславянские памятники лесостепного Прихоперья (вопросы хронологии и культурной принадлежности славян). Этногенез и этнокультурные контакты славян // Труды международного конгресса славянской археологии. 1997. Том 3.

Хреков А.А. Постзарубинецкое поселение Шапкино-I на р. Вороне. // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н. э. Воронеж, 1998. Вып. 12.

Хреков А.А. Культовое место Шапкино-II и некоторые вопросы мировоззрения постзарубинцев Прихоперья в первые века нашей эры. // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 3. Саратов, 1999.

Хреков А.А. Городецкие поселения лесостепного Прихоперья. // Поволжский край. Саратов, 2000. Вып. 11.

Хреков А.А. Поселение инясевского типа у озера Разнобрычка в лесостепном Прихоперье // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2006. Вып. 7.

Хреков А.А. «Скифский логос» Геродота и население лесостепного Прихоперья в раннем железном веке // АВЕС. Саратов, 2008. Вып. 6.

Хреков А.А. Постзарубинецкое поселение инясевского типа у с. Подгорное // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2008. Вып. 8.

Хреков А.А. Сарматские памятники лесостепного Прихоперья. // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2008. Вып. 8.

Хреков А.А. Постзарубинецкий культовый комплекс Рассказань-III в Прихоперье // АВЕС. Саратов, 2010. Вып. 8.

Хреков А.А. Проблемы этнокультурного развития населения лесостепного Прихоперья в первые века н. э. // Российский исторический журнал. Балашов, 1994. Вып. 1.

Шукин М.Б. К предыстории черняховской культуры. Тринадцать секвенций // АСГЭ. Л., 1979. № 20.

Шукин М.Б. Горизонт Рахны – Почеп; причины и история образования. // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986.

Шукин М.Б. Раскопки у хутора Кулига в верховьях Псла // Материалы исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск, 1990.

Шукин М.Б. На рубеже эр. СПб., 1994.

Ginalski J. Ostpogi kablakowe kultury przewoskiej. Klasyfikacja typologiczna // Przegląd Archeologiczny, 38. Wrocław, 1991.

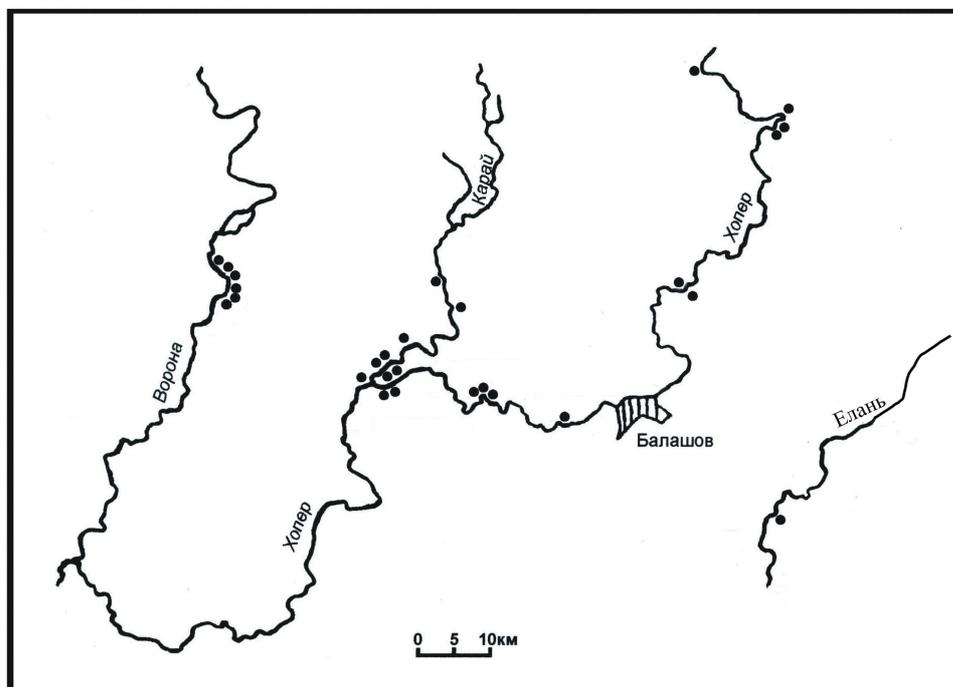

Рис. 1. Памятники Городецкой культуры в бассейне р. Хопер.

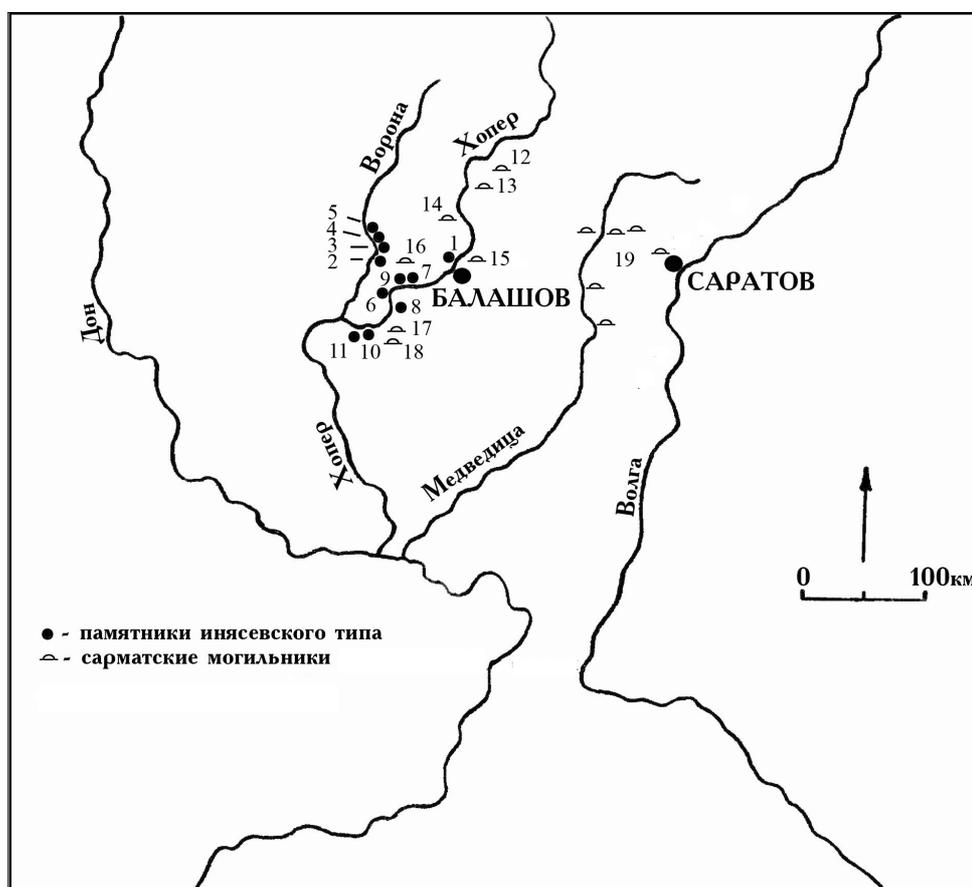

Рис. 2. Постзарубинецкие и позднесарматские памятники лесостепного Прихоперья:
 1 - Репное; 2 - Шапкино-II; 3 - Шапкино-II, раскоп 2; 4 - Шапкино-I, раскоп 2;
 5 - Шапкино-I, раскоп 3; 6 - Инясево; 7 - Подгорное; 8 - Рассказань; 9 - Богатырка;
 10 - Борисоглебское; 11 - Карачан; 12 - Таптулино; 13 - Машевка; 14 - Турки; 15 - Ключи;
 16 - Власовка; 17 - Третьяки; 18 - Ильмень.

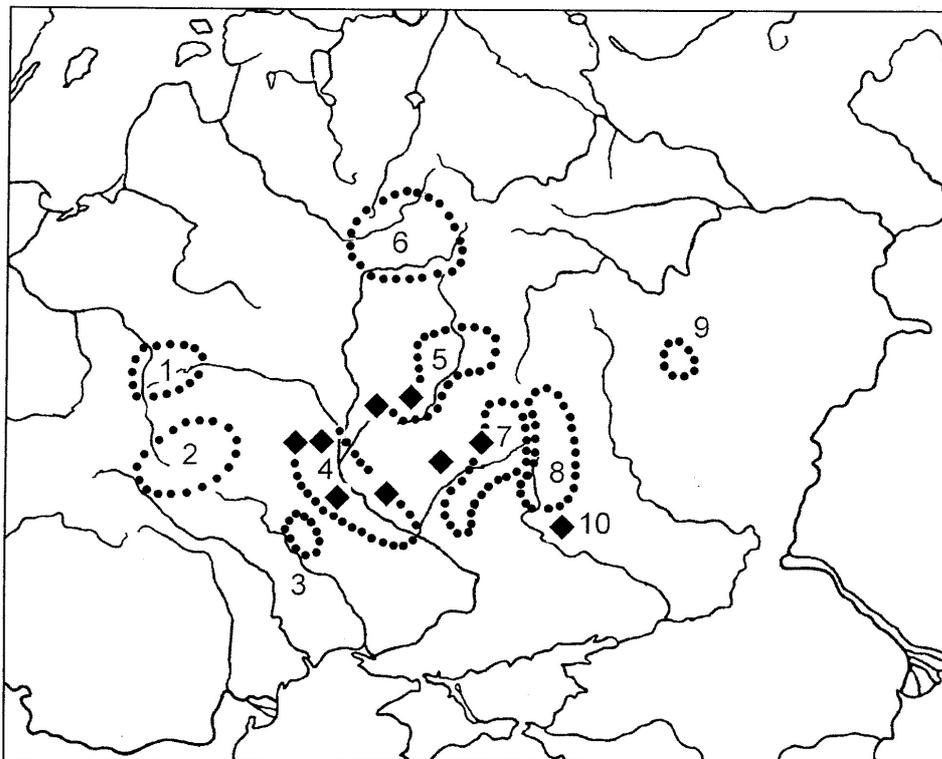

Рис. 3. Схема расположения основных ареалов позднезарубинецких памятников на территории Восточной Европы (по данным А.М. Обломского - Р.В. Терпиловского).
 1 - памятники типа Гриневичи Вельки-Куродово; 2 - зубрецкая культура (волыно-подольская группа); 3 - памятники типа Марьяновки; 4 - памятники типа Лютеж;
 5 - памятники типа Почеп; 6 - памятники типа среднего слоя Гушемли;
 7 - памятники типа Картамышево-2; 8 - памятники типа Терновки;
 9 - хоперская группа (памятники типа Шапкино); 10 - памятники типа Грини (черные ромбы).

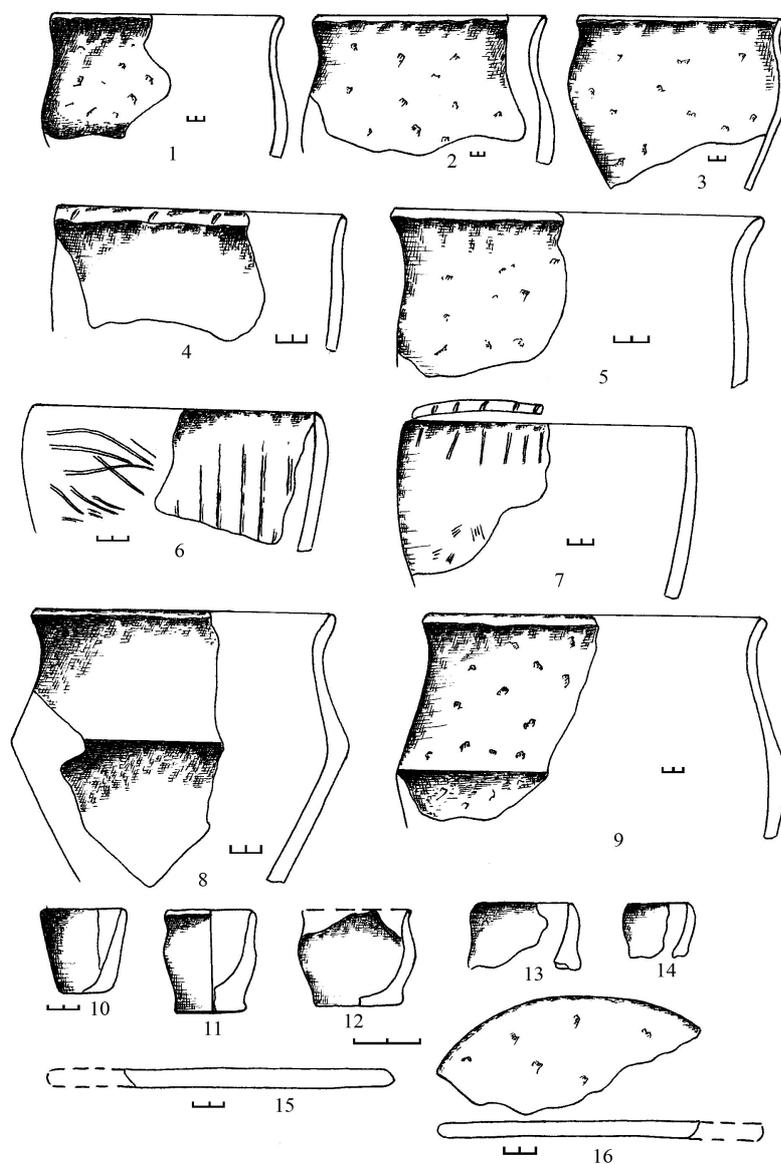

Рис. 4. Постзрубинецкий керамический комплекс грубой (1-7, 9-16) и лощенной (8) керамики бассейна Хопра:
 1-3, 9 - Шапкино-II, раскоп 1; 4, 7 - Шапкино-I, раскоп 3;
 5 - Шапкино-I, раскоп 2; 8, 10-16 - Рассказань-III

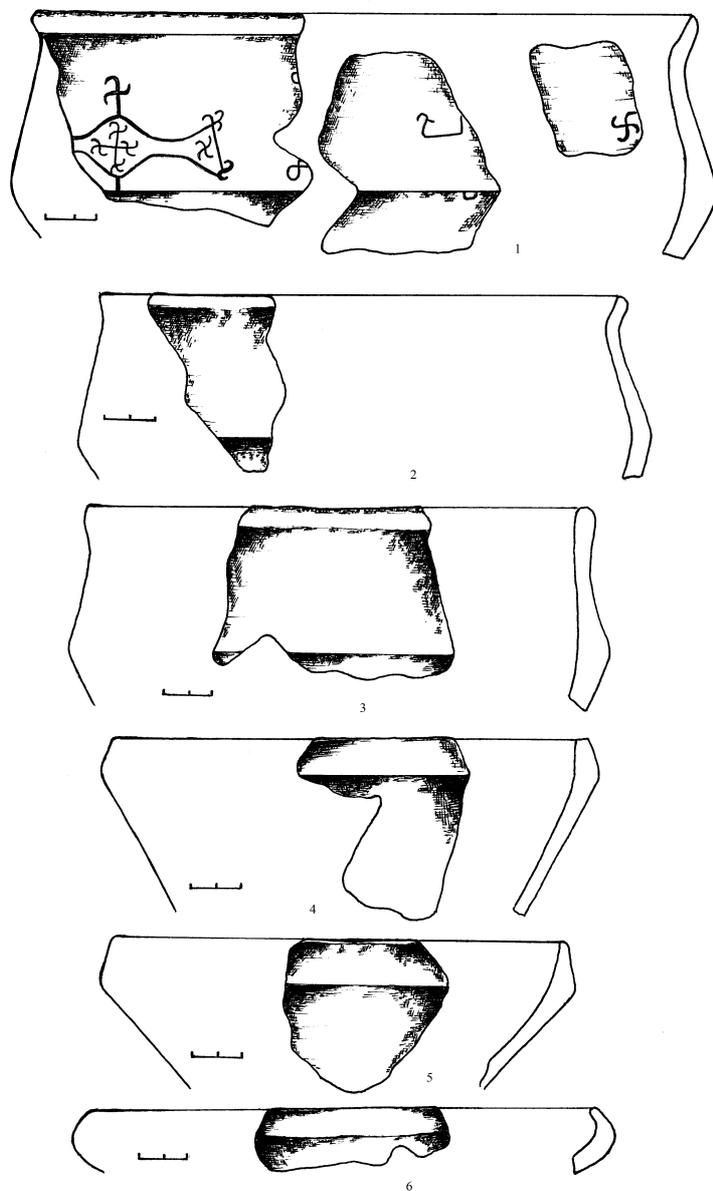

Рис. 5. Лощеные миски бассейна Хопра; 1-2 - Шапкино-II, раскоп 1; 3-6 - Шапкино-I, раскоп 3

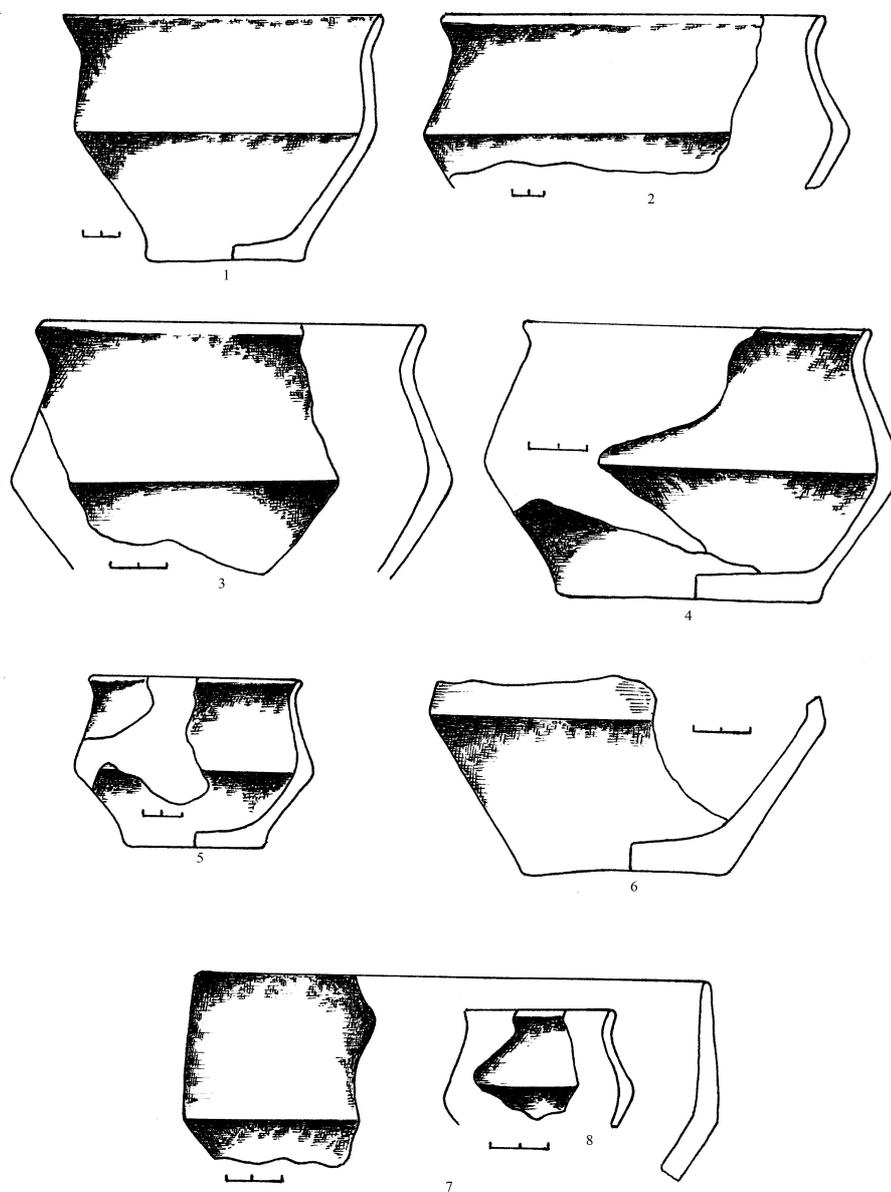

Рис. 6. Лощеные миски (1-8) культового места и могильники Рассказань-III.

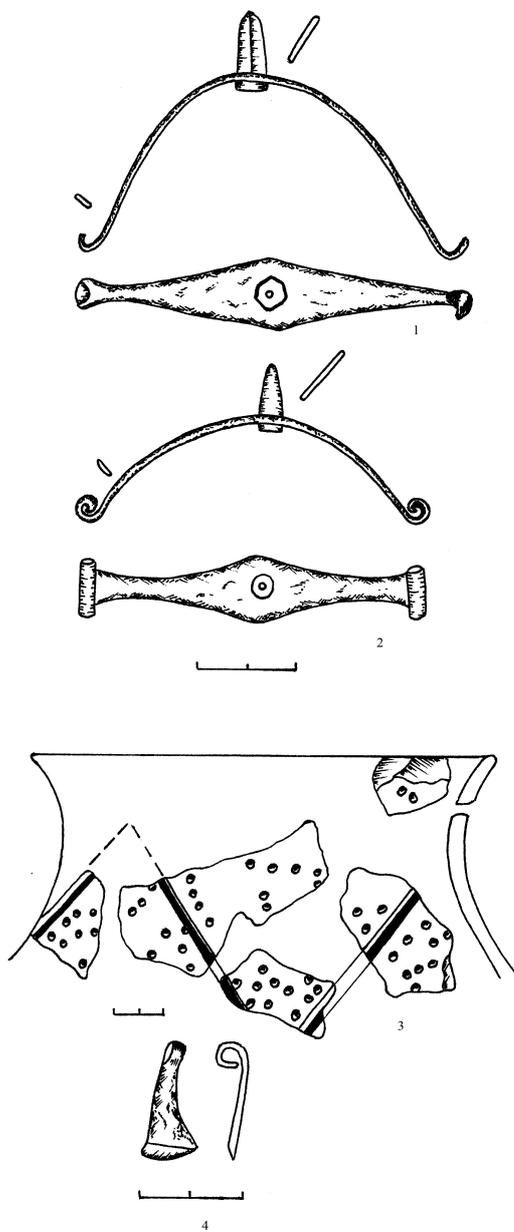

Рис. 7. Инокультурные предметы с постзарубинецких памятников бассейна Хопра: 1-2, 4 - железо; 3 - керамика. 1, 4 - Разнобрычка; 2 - Богатырка; 3 - Рассказань-III.

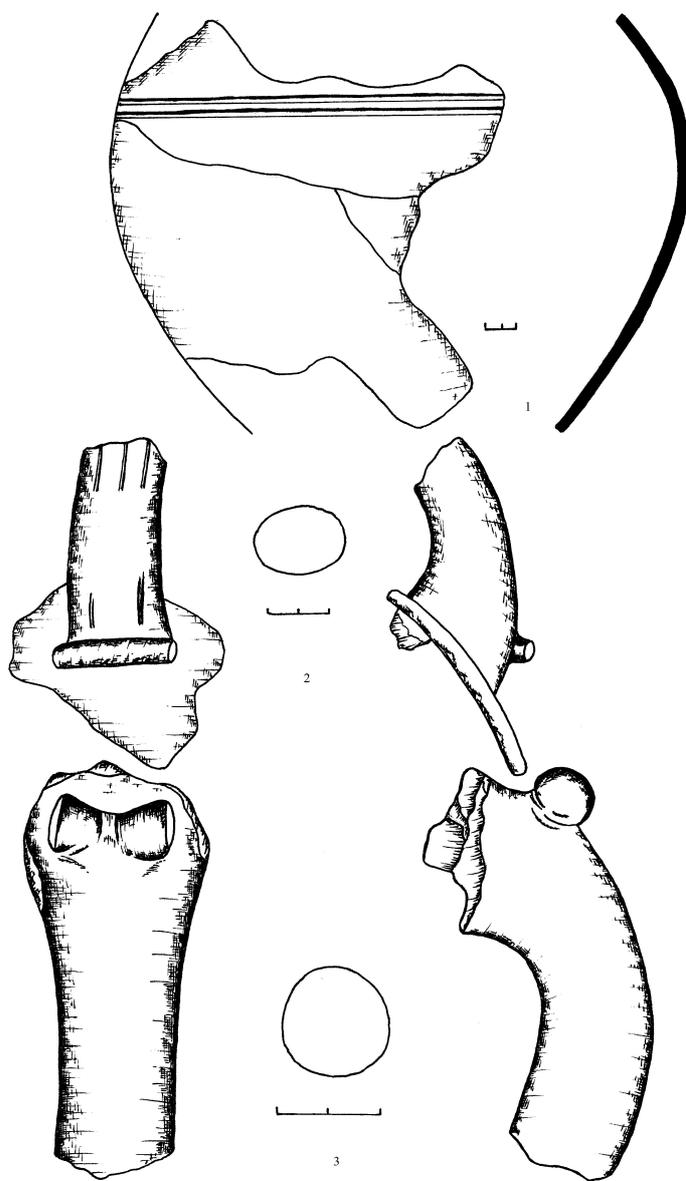

Рис. 8. Позднесарматская керамика с постзарубинецких памятников бассейна Хопра:
1-2 - Рассказань-Ш; 3 - Разнобрычка

ПУБЛИКАЦИИ

Кочерженко О.В., Слонов В.Н.

КУРГАН У СЕЛА СИМОНОВКА И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КУЛЬТУРНЫХ ГРУПП ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ МЕЖДУ СРЕДНЕЙ И ПОЗДНЕЙ БРОНЗОЙ

В 1991 году экспедицией Саратовского госуниверситета был раскопан курган № 1 из состава курганной группы у с. Симоновка Калининского района Саратовской обл. (рис. 1)¹. Насыпь округлой формы была сильно разрушена распашкой. Ее вскрытие производилось с помощью бульдозера с оставлением стратиграфической бровки через центр насыпи по линии север-юг шириной 1 м (план и профиль кургана приведены на рис. 2).

В результате снятия насыпи было установлено, что она сооружалась в два строительных периода. Первая насыпь (темно-серый суглинок) была воздвигнута над центральным и единственным для первого стратиграфического горизонта погребением № 3. Перед сооружением второй насыпи (светло-серый суглинок) на поверхности первой, захватывая всю ее центральную часть, был разведен большой костер диаметром около 3 м. Толщина содержащего золу и угли желтовато-коричневого слоя прокала достигала 5–8 см. По сторонам обожженной площадки были совершены два захоронения – п. 1 и п. 2, выкиды из которых четко фиксировались на поверхности первой насыпи и частично – над слоем золы и углей. Над этими захоронениями и была возведена вторая насыпь.

Древнейшим является погребение № 3, расположенное в центре кургана. Размеры ямы 2,05 x 1,1 м, глубина – 0,6 м. В насыпи могилы встречались куски дерева от перекрытия и мелкие угольки. Выкид из погребения лежал к востоку от ямы на уровне погребенной почвы. Южный край могилы был незначительно поврежден при последующем сооружении погребения № 2. Для первой насыпи погребение № 3 являлось основным и единственным.

В этом погребении на дне, покрытом тленом от растительной подстилки и древесной коры, лежал скелет взрослого человека в положении скорченно

¹ Данная группа была открыта в 1983 году экспедицией под руководством С.Ю. Монахова, и тогда же были раскопаны два кургана, в которых оказались погребения эпохи поздней бронзы.

на правом боку, ориентированный головой на восток (рис. 3). Ноги согнуты под прямым углом в бедренных и под острым – в коленных суставах. Сохранившиеся кости предплечья вытянуты вдоль туловища.

В северо-восточном углу погребения стоял баночный сосуд (рис. 4). Поверхность сосуда – черного цвета, тщательно заглажена. В глине различима примесь шамота. Сосуд орнаментирован под венчиком горизонтальным рядом каплевидных вдавлений. Под черепом погребенного обнаружены остатки распавшейся бронзовой бусины, видимо, первоначально имевшей бочонковидную форму.

Над основным погребением на вершине насыпи был зафиксирован мощный слой прокала, золы и угольков от разведенного перед сооружением второй насыпи костра. По краям прокаленной площадки совершены два захоронения. Погребение № 2 расположено в центре кургана с небольшим отклонением к востоку (рис. 2). Оно было впущено в насыпь и заглублено в материк. Северный край могилы касался южной стенки основного захоронения, но не нарушал более древнего погребального комплекса. На уровне первой насыпи могила имела деревянное перекрытие из плаха, остатки которых зафиксированы на краях и обнаружены в заполнении могилы.

Стенки погребения № 2 сильно изрыты норами грызунов. Предположительные размеры ямы 1,5 x 1,3 м. Длинной стороной яма ориентирована по линии В-З. Сохранившаяся часть дна покрыта тленом от древесной коры. На ней лежал скелет взрослого человека скорченно на левом боку головой на ЮВ (рис. 3). Ноги согнуты под прямым углом в бедренных и под острым – в коленных суставах. Руки слегка согнуты в локтях, кисти находятся у колен. Выкид из погребения № 2 находился на поверхности первой насыпи.

Погребение № 1 расположено с противоположной относительно погребения № 2 стороны прокаленного пятна в 3,6 м к северу от центра кургана (рис. 2). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 2 x 0,9 м была впущена в первую насыпь и заглублена в материк на 0,4 м. Яма ориентирована длинной стороной по линии ЮВ-СЗ. На дне на растительной подстилке лежал скелет взрослого человека скорченно на левом боку головой на ЮЮВ (рис. 5). Ноги согнуты под тупым углом в бедренных и под острым – в коленных суставах. Туловище завалилось на спину. Руки вытянуты вдоль туловища, кисти положены около тазовых костей. Перед грудью погребенного прослежен тлен от древесной коры и угольки, перед лицом лежал на боку округлобокий сосуд с выделенной шейкой и отогнутым венчиком (рис. 6). Под сосудом обнаружены кости барана.

Погребения № 1 и № 2 одновременны, и именно с их сооружением связано возведение второй насыпи.

Явно прослеживаемая стратиграфия кургана, казалось бы, дает все основания для выделения хронологических горизонтов памятника. Однако целый ряд особенностей позволяет объединить данный комплекс в единое целое. Так, во всех трех погребениях тлен от растительной подстилки и коры имеют совершенно одинаковые цвет, структуру и степень сохранности. Костер на поверхности первой насыпи кургана был разведен строго над центральным захоронением. Погребения № 1 и № 2, связанные с сооружением второй на-

сыпи, помещены не в ее центр, а по краям кострища, аккуратно обходя центральное захоронение первой насыпи.

Тем самым, несмотря на безусловное наличие хронологического интервала между захоронениями, связанными с первой и второй насыпями, нам представляется правильным предположение о возведении всего сооружения в течение непродолжительного периода, что позволяет говорить о данном кургане как едином погребальном комплексе.

По особенностям обряда и инвентарю рассматриваемый комплекс может быть отнесен к переходному времени от средней к поздней бронзе. Поза «скачущего всадника» вместе с ориентировкой в ЮВ секторе являются характерными признаками степной средней бронзы. Баночный сосуд из центрального погребения № 3 может быть отнесен к кругу реповидных банок, бытующих в эпоху средней бронзы и в раннесрубное время. Сосуд с раздутыми боками и выделенной шейкой из погребения № 2 имеет ближайшую аналогию в материалах КМК [Ковалева, 1988. С. 27]. Другая близкая аналогия происходит из разрушенного погребения на р. Малый Караман, где данное погребение является более ранним по отношению к срубным и относится автором раскопок к криволукской культурной группе переходного от средней к поздней бронзе времени [Лопатин, 2007. С. 100, 108].

Таким образом, раскопанный нами у с. Симоновки курган с нашей точки зрения представляет собой единый комплекс, относящийся к переходному времени от средней к поздней бронзе. В этой связи полагаем возможным высказать некоторые соображения в отношении самого этого переходного времени.

Не является новой идея о том, что этап формирования культуры характеризуется наличием значительного количества малочисленных внутренне слабо связанных групп, из которых затем складываются многочисленные «сильные» культурные типы [Бочкарев, 1995. С. 26; Clark, 1968]. И такой период неизбежно присущ культуре, если только она не пришла откуда-то в уже готовом сложившемся виде.

Однако этап формирования вовсе не является особой отдельной культурой. Во-первых, потому, что тогда нарушается логика развития культуры – из ее жизненного цикла оказывается искусственно вырванной начальная фаза. А, во-вторых, потому, что для этого этапа – времени существования значительного числа аморфных малочисленных групп – окажется возможным говорить сразу о многих культурах.

К сожалению, именно такой подход мы наблюдаем в настоящее время в отношении срубной культуры, к которой зачастую причисляется фактически только ее развитой этап, когда она распространилась на огромной территории от Днепра до Урала, и когда за счет поразительной культурной унификации ее характеризовало сравнительно небольшое количество многочисленных сильных культурных типов². В то же время, этап формирования, без которого такое масштабное и многоплановое явление как срубная культура

² Некоторыми авторами подобная унификация воспринимается как «стагнация» культуры [см., напр.: Бочкарев, 1995. С. 28], что несколько странно, поскольку для срубной культуры мы, безусловно, должны говорить о расцвете – как минимум, демографическом и экономическом.

просто-напросто было бы невозможно, предлагается рассматривать в рамках иных, совершенно самостоятельных культурных образований.

Конечно, выделение культурных типов памятников для переходного времени логично и необходимо – без этого невозможно определить пути и компоненты сложения тех культур, которые впоследствии будут определять «лицо эпохи», обладая всеми признаками сформированности. Данными признаками в полной мере обладают такие культурные миры двух эпох как катакомбный и срубный. Однако культурные типы переходного времени, часто более яркие, чем памятники развитого этапа, привлекают к себе больше внимания исследователей и, как следствие, при этом не всегда соблюдается разумная грань между системным осмыслением динамики исторического развития и желанием выделить собственную культуру. И неизбежно такое «культуротворчество» осуществляется на весьма разнородном материале аморфных малочисленных типов, еще только проходящих этап формирования. А если принять во внимание неустрашимое желание многих исследователей видеть в различиях культурных таксонов непременно хронологическую составляющую, итоговый «слоеный пирог» из этих образований в состоянии полностью затемнить всю историческую ситуацию.

Нам представляется, что переходный от средней к поздней бронзе период в степях Восточной Европы был временем сосуществования и параллельного развития значительного числа еще слабо сформированных аморфных культурных типов. Это означает, что для данного времени правильно было бы говорить не об археологических культурах, а о культурных типах памятников – покровском, вольско-лбищенском, потаповском, синташтинском, криволюкском, «собственно-раннесрубном» и т. д. Каждый из этих типов имеет свои особенности, свое время существования, которое не всегда ограничивается лишь этапом формирования срубной культуры, каждый из них внесет свою лепту в ее сложение или получит развитие в виде целой культурной линии – как, например, покровские памятники. Что же касается самого термина «археологическая культура», то по нашему мнению он, помимо всех своих многочисленных характеристик, уже имеющихся в литературе, должен еще подраزمевать такие качества как внутренняя связность и сформированность.

Таким образом, при рассмотрении динамики исторического процесса формирования степной поздней бронзы, особенно при выделении культурных таксонов, следует непременно иметь в виду общую культурно-историческую картину эпохи, а именно то, что как названные выше культурные образования, так и другие, которые еще будут выделены, являют собой фрагменты мозаики начального этапа развития единого мира срубной культуры, чей лаконизм отнюдь не свидетельствует о ее примитивности или стагнации.

Литература:

Бочкарев В.С. Карпато-дунайский и волго-уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. СПб, 1995.

Ковалева И.Ф. Культурные комплексы так называемых длинных курганов эпохи бронзы // Археологические памятники Поднепровья в системе древностей Восточной Европы. Днепропетровск, 1988.

Лопатин В.А. Курганы Малого Карамана (по материалам раскопок 1983 года) // АВЕС. Саратов, 2007. Вып. 5.

Clark D.L. Analytical Archaeology. London, 1968.

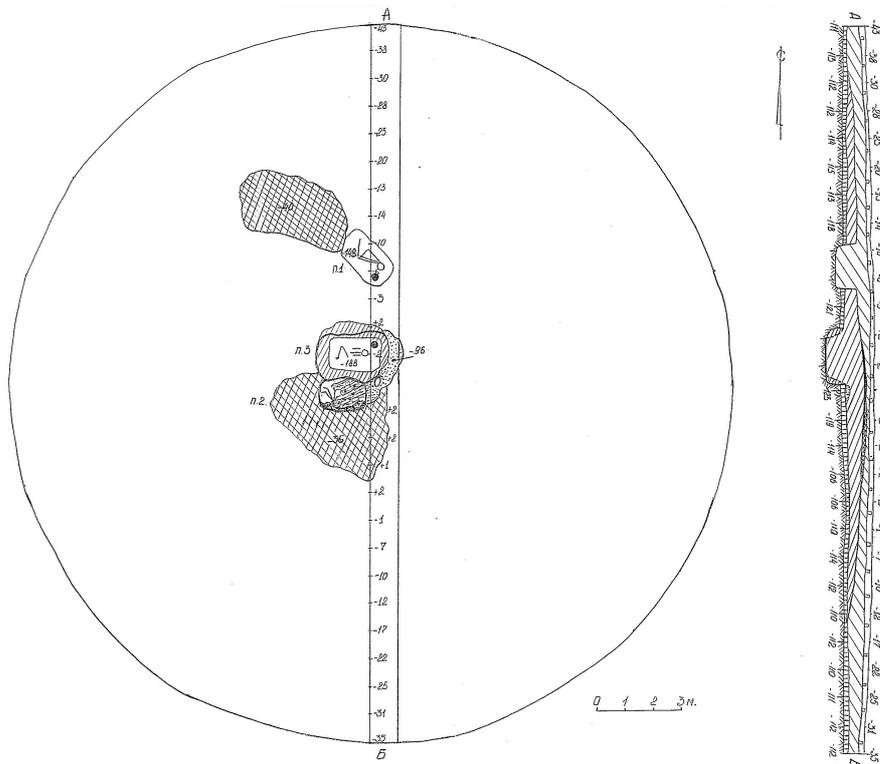

Рис. 2. План и профиль кургана 1 у с. Симоновка

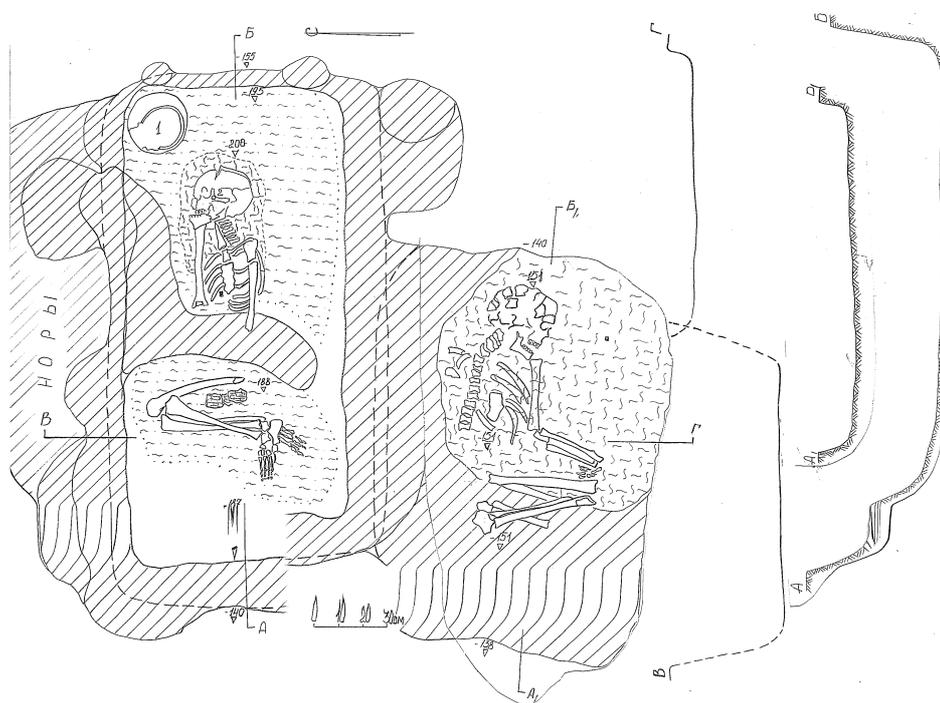

Рис. 3. Погребения № 2 и № 3

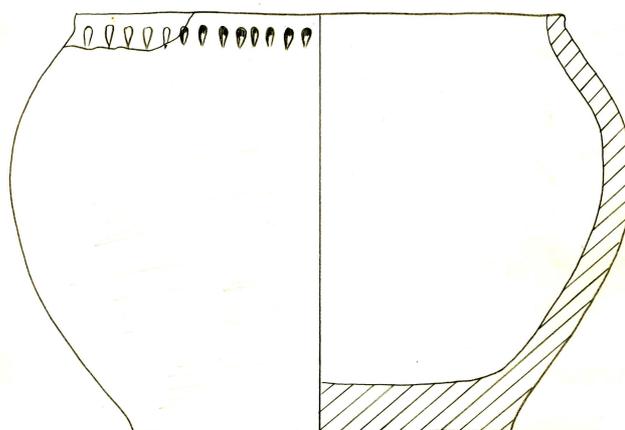

Рис. 4. Сосуд из погребения № 3

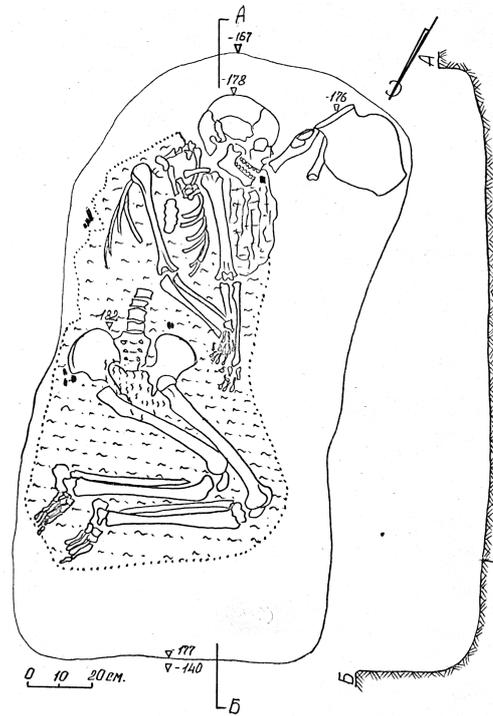

Рис. 5. Погребение № 1

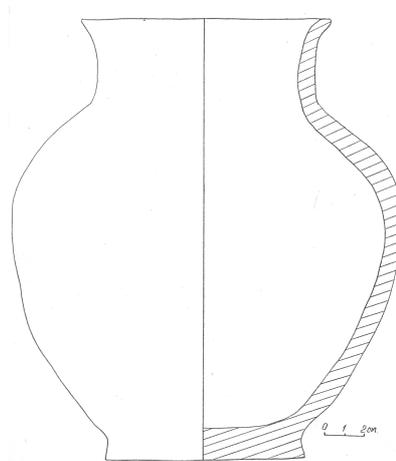

Рис. 6. Сосуд из погребения № 1

Кубанкин Д.А.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ
НА УВЕКСКОМ ГОРОДИЩЕ В 2005–2011 ГГ*.

С 2005 г. археологический отряд Саратовского областного музея краеведения (далее СОМК) под руководством автора проводит ежегодные исследования на Увекском городище. За это время вскрыто 567 кв. м на разных участках средневекового города. Полученный материал позволяет сделать некоторые выводы.

Раскоп I. В 2005–2007 и частично в 2010 г. проводились охранные раскопки северо-западного некрополя Увекского городища [Евтеев, Кубанкин, 2009]. Общая площадь раскопа здесь составила 230 кв. м. Раскопано 14 безинвентарных захоронений, совершенных по исламским канонам. Небольшая плотность захоронений свидетельствует, на наш взгляд, об окраинном расположении изученного участка по отношению к некрополю. Примечательно, что все изученные черепа обладают европеоидными чертами. Необходимо отметить, что в количественном отношении исследованные погребения еще не могут представить репрезентативную группу, но из-за слабой изученности антропологического материала с Увекского городища даже эта небольшая коллекция способна дать новую информацию об отдельных жителях средневекового города Укека. Длина тела увекских жителей из некрополя небольшая, даже по сравнению с другими средневековыми группами. У мужчин в среднем менее 160 см. Самый высокий рост был зафиксирован у мужчины 35–45 лет из погребения 7 – 158–162 см, самый низкий – у мужчины 25–35 лет из погребения 11 – 151–155 см. Женщина в возрасте 25–35 лет из погребения 9 имела длину тела 148–150 см (рис. 1). Наибольшая продолжительность жизни зафиксирована у мужчины из погребения 5 – 45–55 лет. Не отмечено следов травм, связанных с сознательным применением насилия. Состояние зубной системы позволяет предположить, что питание изученных жителей Укека включало значительное количество мясных продуктов и клетчатки. В этом состоит отличие от жителей русских земель, где основу питания составляла вязкая, насыщенная углеводами пища (хлеб, каша, вареные овощи и т. д.).

* Работа выполнена при поддержке РФНФ: проект № 12-31-01246.

Антропологический материал из раскопок был передан на постоянное хранение в Музей антропологии МГУ им. Д.Н. Аночина и изучен его сотрудником – антропологом, кандидатом биологических наук А.А. Евтеевым.

Раскоп II. В 2008–2009 гг. археологические исследования проводились на окраинном участке городища, прилегающем к северо-западному некрополю. Здесь нами в результате разведок был зафиксирован культурный слой и скопление золотоордынского обожженного кирпича. Общая площадь раскопа составила 281 кв. м. Частично раскопано гидротехническое сооружение, внешне напоминающее арык (средняя ширина 3,5 м, глубина – 1,5 м), дно которого представлено в виде округлых ям, расположенных с понижением друг к другу, соблюдая принцип сообщающихся сосудов (рис. 2). Предполагаем, что где-то возле этого сооружения аккумулировались талые и дождевые воды с окрестной горы и, возможно, вода из расположенных рядом родников. Аккумулируемая вода поступала в исследованный нами распределитель, а из него под напором шла вниз, в город. Таким образом, распределитель одновременно выступал в качестве водонапорного механизма. Находки из заполнения водоема представлены преимущественно фрагментами глиняной посуды, костями животных, встречены железистые шлаки и крицы. Найдена сильно потертая медная монета, датируемая по аналогии 1325/26 г. Вероятно, в первой четверти XIV в. гидротехническое сооружение на северо-западной окраине города Укека уже действовало.

Во второй половине XIV в. к югу от водораспределителя было построено жилище ювелира [Кубанкин, 2010]. Жилище частично оползло по склону и пострадало от перекопов грабителями. По материалам раскопок, сохранившаяся часть постройки составила 28 кв. м (рис. 3). Это было здание с углубленным в землю входом и суфой (лежанкой) без канов (дымоходов). Возле суфы обнаружен тандыр (печь), свод которого был выложен из камней и сырцового кирпича, а под – из крупных фрагментов красноглиняных сосудов. Возможно, здание было двухкомнатным. Стены были сделаны из многослойного деревянного щита с заполнением внутри землей, внешние стороны щита обмазаны толстым слоем глины. Общая толщина стены – не менее 20 см, высота – не менее 1,4 м. Стены крепились к деревянным столбам, вкопанным в землю. Кровля здания была двухскатной и выступала за линию здания, образуя над входом навес. Внутри постройки обнаружены обломки глиняных тиглей с каплями серебра не ниже 950 пробы, что свидетельствует о работе здесь мастера-ювелира. Найденные в столбовых ямах монеты датируют жилище 1360-ми гг. Они чеканены от имени ханов Хызра и Абдаллаха. Жилище погибло в результате пожара, о чем свидетельствуют сгоревшие деревянные конструкции стены. Учитывая сложную обстановку гражданской войны в Золотой Орде 1360-х гг., можно предположить, что здание погибло в результате военных действий. Однако не исключено, что пожар возник по другим причинам. В любом случае, после того, как здание сгорело, оно было разобрано, весь инструментарий и прочие бытовые вещи извлечены из разрушенной постройки. Итак, раскоп II позволил реконструировать историческую топографию участка на северо-западной окраине Увекского городища, где со второй четверти XIV в. и до 1360-х гг. включительно существовали гидротехнические сооружения и жилище мастера-ювелира. Дальнейшие рас-

копки на этом участке позволят более детально проследить особенности гидротехнического сооружения и, возможно, обнаружить новые жилые и ремесленные постройки.

Раскоп III. В 2010–2011 гг. исследования проводились в центральной части городища, во дворе частного дома по адресу 10-й Увекский пр-д, д. 1. Общая площадь раскопа 58 кв. м. Мощность культурного слоя достигала 3,5 м. Материалы раскопок еще находятся в процессе изучения, поэтому выводы носят предварительный характер.

Нижние слои датируются последней третью XIII в. и содержат многочисленные фрагменты древнерусской керамики. Здесь же был найден фрагмент каменного тельного креста. В этот слой впущен ленточный фундамент здания, состоящий из камней песчаника на «грязевом» растворе, т. е. камни скреплены мокрым утрамбованным грунтом. Мощность фундамента достигает 1,6 м при толщине 0,8–1,2 м. Сохранились только подземные подвальные помещения, остальная часть здания оказалась разобранной. Здание сильно пострадало от пожара. В подвальных помещениях хранились припасы: просо, пшеница, горох, лесные орехи. Часть зерна хранилась в деревянном ведре, ларе и в трапезундских амфорах.

Найдены многочисленные фрагменты деревянных сосудов. Особого внимания заслуживает фрагмент деревянного сосуда с фестончатыми краями в сечении (рис. 4, 2). С внешней стороны по верхней части арочный орнамент из двух линий, выше которого доминирующее изображение каплевидной формы. Благодаря выборке фона по всему сосуду орнамент получается рельефным два фрагмента хлебных лепешек с орнаментом в виде поля из клеток, заполненных мелкими точками. Фрагменты высоких ножек сосудов с округлым основанием (рис. 4, 3–4), ручка крышки (рис. 4, 5). Еще один фрагмент деревянного изделия, предположительно стенка сосуда, украшен барельефным узором – цветком лотоса (рис. 5, 1). Стенка деревянного сосуда с металлическими клепками в виде декоративных гвоздиков с железными ножками и медными шляпками (рис. 5, 2). Деревянные орнаментированные пластины, предположительно от шкатулки или ларя украшенные в технике плоскорельефной резьбы с выбранным фоном (рис. 5, 3–6). Пластины по нанесенному на них тончайшему орнаменту можно разделить на несколько разновидностей: плетенка из тонких линий, шестиконечные звезды, тонкие растительные побеги, сочетающиеся с рядами более массивного геометрического орнамента.

Обнаружены развалы парадной посуды, составляющие целый сервиз. Пока еще склеена лишь небольшая часть сосудов, поэтому определены лишь некоторые изделия. Важно, что вся эта парадная посуда погибла одновременно в результате пожара, т. е. это единый комплекс. Найдены три красноглиняные чаши византийского производства, на одной из которых на дне изображена птица с веткой в клюве (рис. 6). Кашинные чаши (более 8 шт.) иранского или сирийского происхождения (рис. 7–9), некоторые с арабскими надписями*.

* Выражаю благодарность за определение керамики И.В. Волкову, В.Ю. Ковалю и А.Н. Масловскому.

Даже раскопки на незначительной площади в 60 кв. м указывают на монументальный характер постройки. Сооружение имело черепичную кровлю, состоявшую из керамид и калиптер. Полагаю, что после сильного пожара здание было разобрано и на его месте построено новое – с кирпичными стенами и изразцовыми вставками. Возможно, архитектурные блоки от ранней постройки послужили материалом для фундамента следующего здания. Среди этих каменных блоков обнаружен камень с изображением креста (рис. 10, 1). Вероятно, к этому же зданию относится обнаруженный на поверхности раскопа фрагмент архитектурного каменного блока с высокорельефным изображением сцены терзания льва грифоном (рис. 10, 2). Примечательно, что между каменными блоками фундамента позднего здания обнаружены многочисленные мелкие фрагменты фресок*. Полагаем, что они попали в фундамент вместе с каменными блоками после разборки ранней постройки. На основании вышеизложенных фактов с определенной долей условности можно утверждать, что в южной части Укека на рубеже XIII–XIV вв. существовал христианский храм, предположительно православный. Готовится подробная публикация материалов раскопок 2010–2011 гг.

Семилетний опыт систематических раскопок археологического отряда СОМК на Увекском городище позволяет сделать следующие выводы относительно изучения этого неординарного памятника.

1. Несмотря на практически полную застройку территории городища, культурный слой средневекового города здесь все еще сохранился. Часто его мощность превышает 2 м, в некоторых случаях он перекрыт техногенным слоем мощностью около 1 м. Учитывая, что большинство современных жилых домов поселка имеют ленточный фундамент, а траншеи под водопроводные трубы достигают глубины 1,5–1,8 м, можно утверждать, что огромные участки данного археологического объекта еще сохранили свой потенциал. Раскопки 2010–2011 гг. подтвердили это мнение.

2. Раскопки широкими площадями на Увекском городище затруднительны из-за его застройки жилыми, хозяйственными и промышленными сооружениями. Иногда одна средневековая постройка может располагаться на четырех участках местных жителей. Поэтому исследования могут проходить преимущественно на незначительных площадях во дворах жителей поселка. При таких работах привлечение большого количества людей к раскопкам непродуктивно, поскольку площадь, отводимая для исследований, весьма ограничена. Раскопки 2010–2011 гг. показали, что наиболее оптимальным является присутствие непосредственно на раскопе 10–12 человек.

3. Использование большого количества людей возможно лишь на открытых неогороженных участках. К таким относятся, например, незастроенные окраины городища, где расположены некрополи, а также отдельные технические и жилые постройки, или открытые участки в разных частях городища, территориально принадлежащие городским властям, различным предприятиям.

4. Необходимо поддерживать доброжелательные отношения с местным населением, учитывая его интересы. Приведу пример. Многие жители до сих

* Выражаю благодарность за определение фресок Вл.В. Седову.

пор живут без централизованного водопровода, пользуясь водой из уличных колонок, в которые она поступает со значительными перебоями. Проведение водопровода к дому требует предварительных археологических раскопок, на которые у местного населения, как правило, не хватает денежных средств. Поэтому водопровод проводят несанкционированно, без участия археологов, либо эти работы запрещаются под угрозой уголовной и административной ответственности. Подобная ситуация крайне отрицательно сказывается на отношении местных жителей к археологам. Выход можно найти при совместном финансировании археологических раскопок администрацией Заводского р-на, администрацией Саратова и Саратовской области, министерством культуры Саратовской области, за счет грантовых средств и т. д. При таких условиях практически всегда можно договориться с местными жителями о проведении археологических исследований на территории их дворов. Метод запрета в данной ситуации исключительно отрицательно сказывается на перспективах археологического изучения.

Более удачно метод запрета, а точнее согласования, можно использовать по отношению к юридическим лицам. В данной ситуации возможно проведение археологических исследований на территории планируемых в будущем строительных и земляных работ. При этом площади раскопок могут быть более крупными, чем земельные участки отдельных физических лиц.

Главный итог археологических работ 2005–2011 г.: исследования на Увекском городище могут проводиться и приносить значимый научный результат, а само городище заслуживает пристального внимания, как со стороны общественности, так и органов охраны историко-культурного наследия.

Литература:

Евтеев А.А., Кубанкин Д.А. Археологические раскопки северо-западного некрополя Увекского городища в 2005–2007 гг. // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2009. Вып. 9.

Кубанкин Д.А. Жилище мастера на северо-западной окраине Увекского городища // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия: материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции (г. Астрахань, 18–21 октября 2010 г.). Астрахань, 2010.

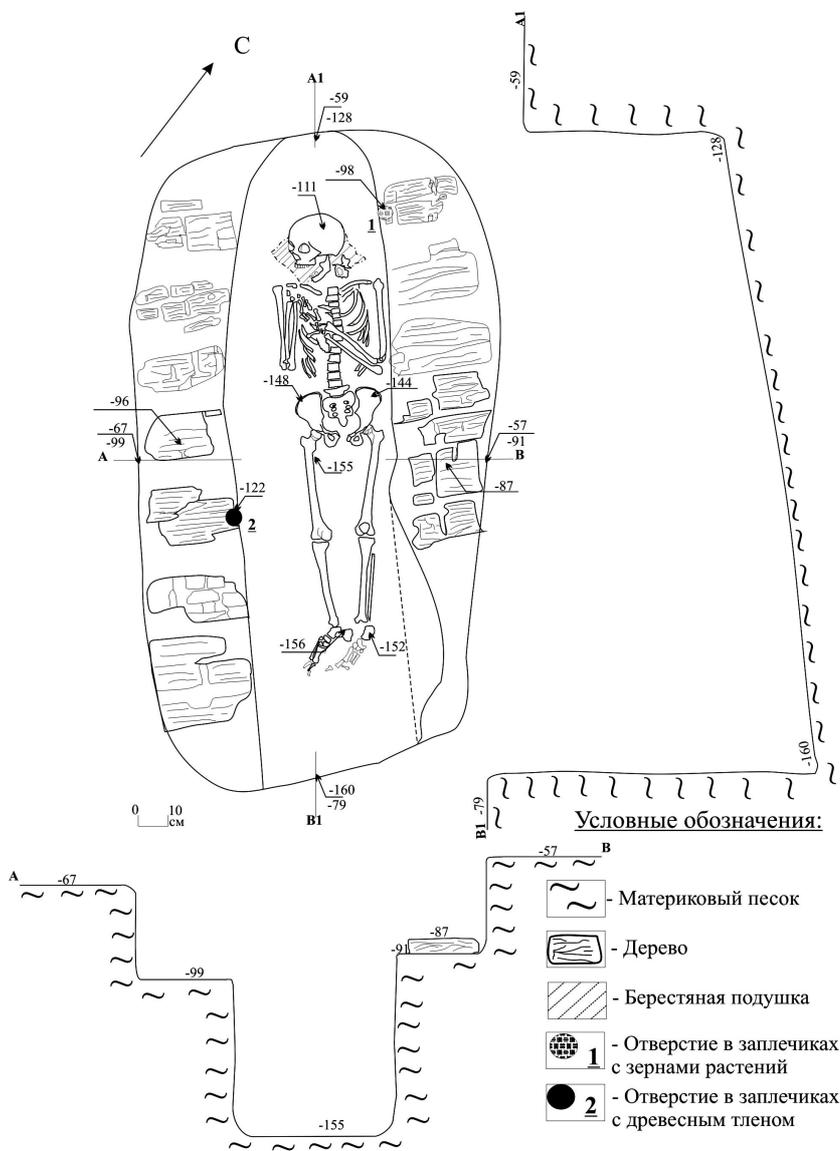

Рис. 1. Северо-западный некрополь. Раскоп I. Погребение 9.

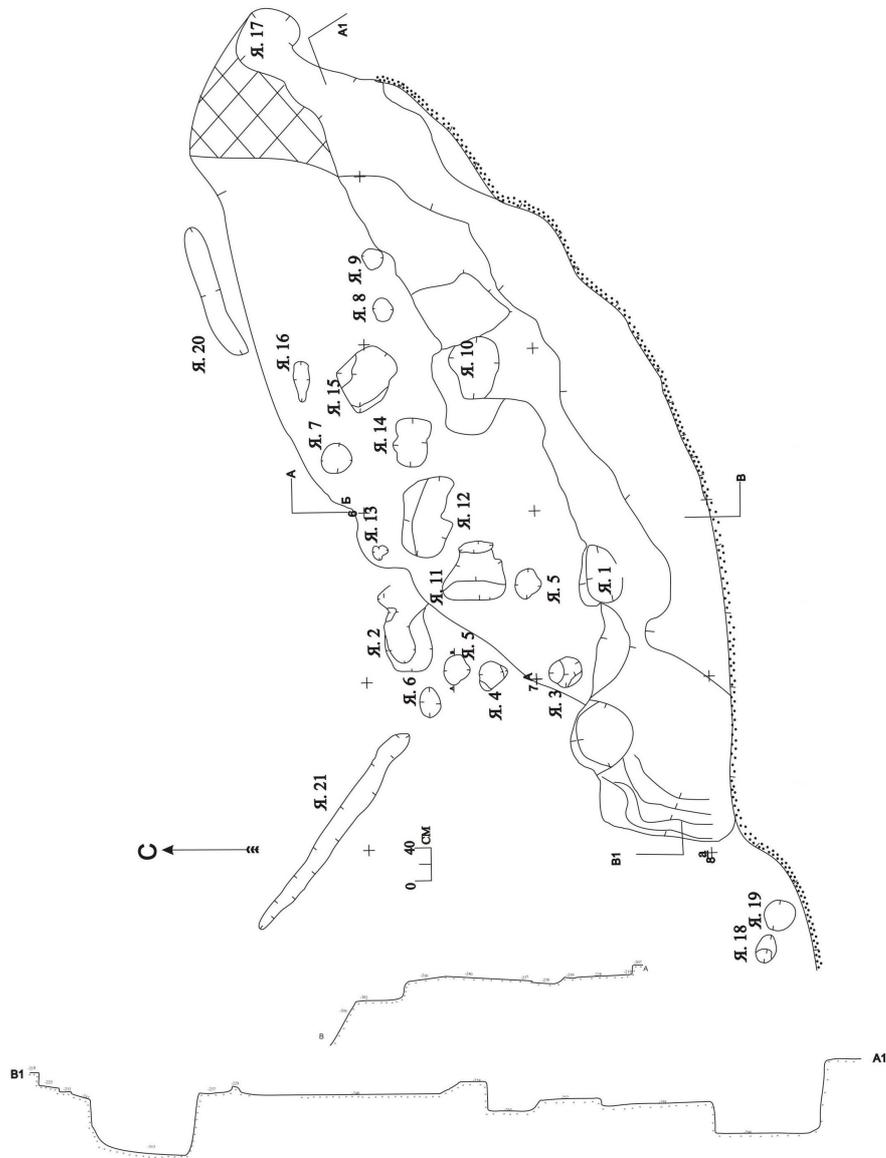

Рис. 3. План и разрезы постройки. Раскоп II.

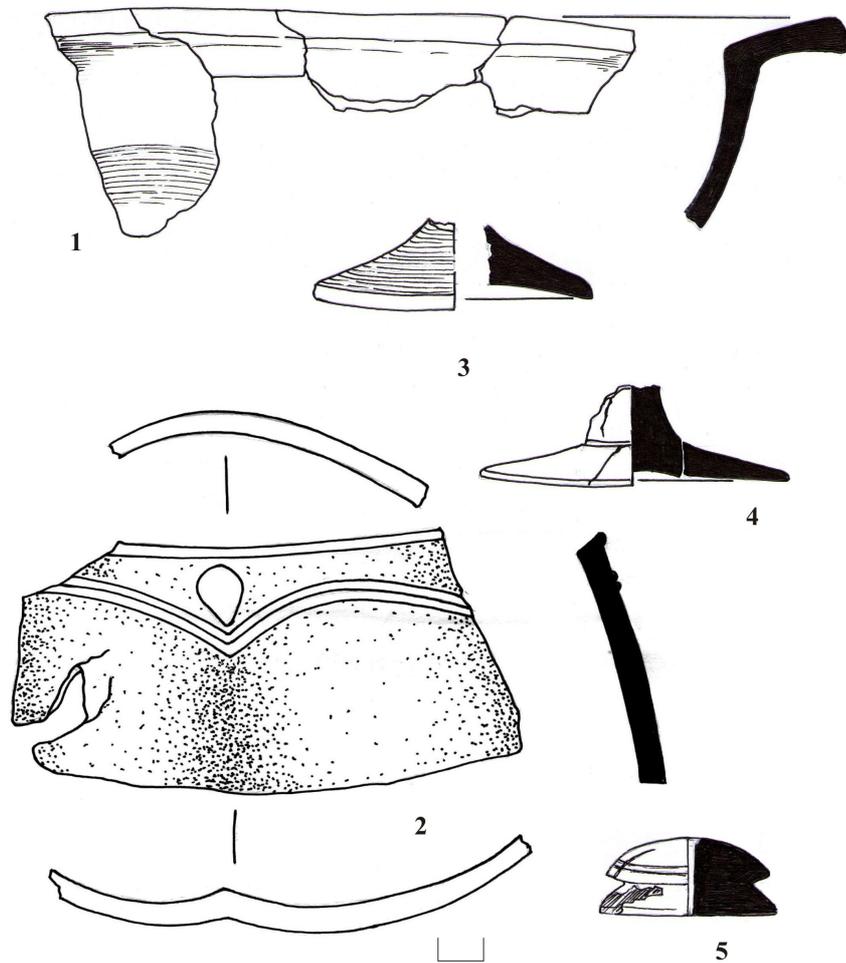

Рис. 4. Фрагменты деревянных сосудов. Раскоп III.
1-2 - венчик и стенка; 3-4 - ножка; 5 - ручка крышки.

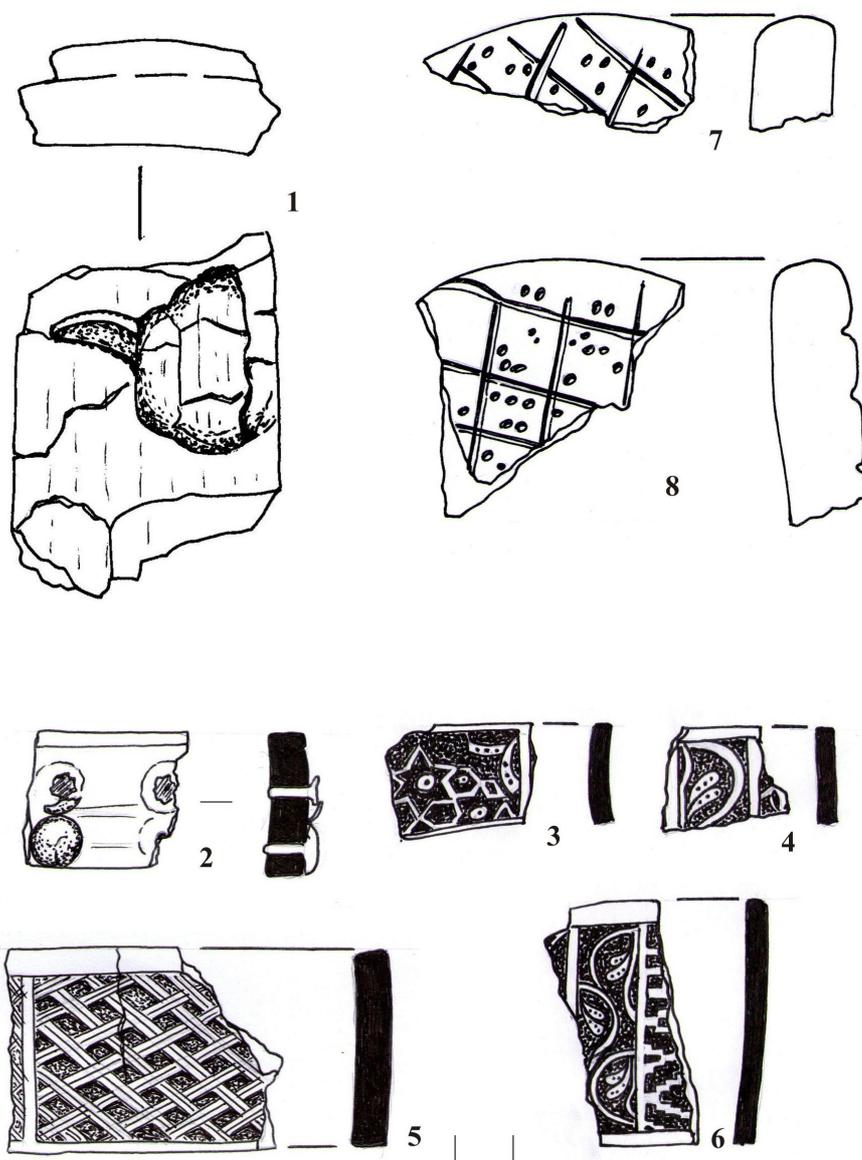

Рис. 5. Фрагменты деревянных и хлебных изделий. Раскоп III. 1 - стенка сосуда(?);
 2 - стенка сосуда с металлическими клепками; 3-6 фрагменты резных пластин;
 7-8 - фрагменты хлебных лепешек.

Рис. 6. Красноглиняная глазурованная чаша византийского производства. Раскоп III.

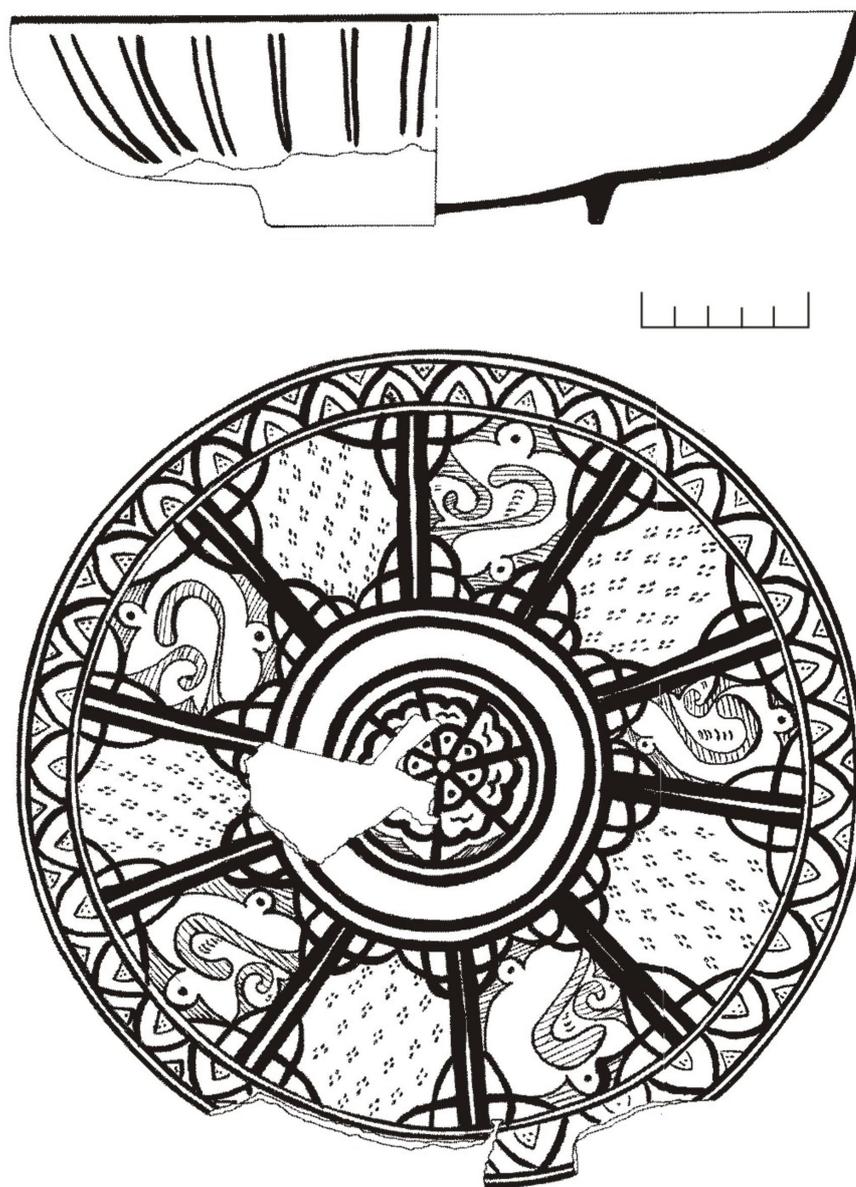

Рис. 7. Кашинное полихромное блюдо. Раскоп III.

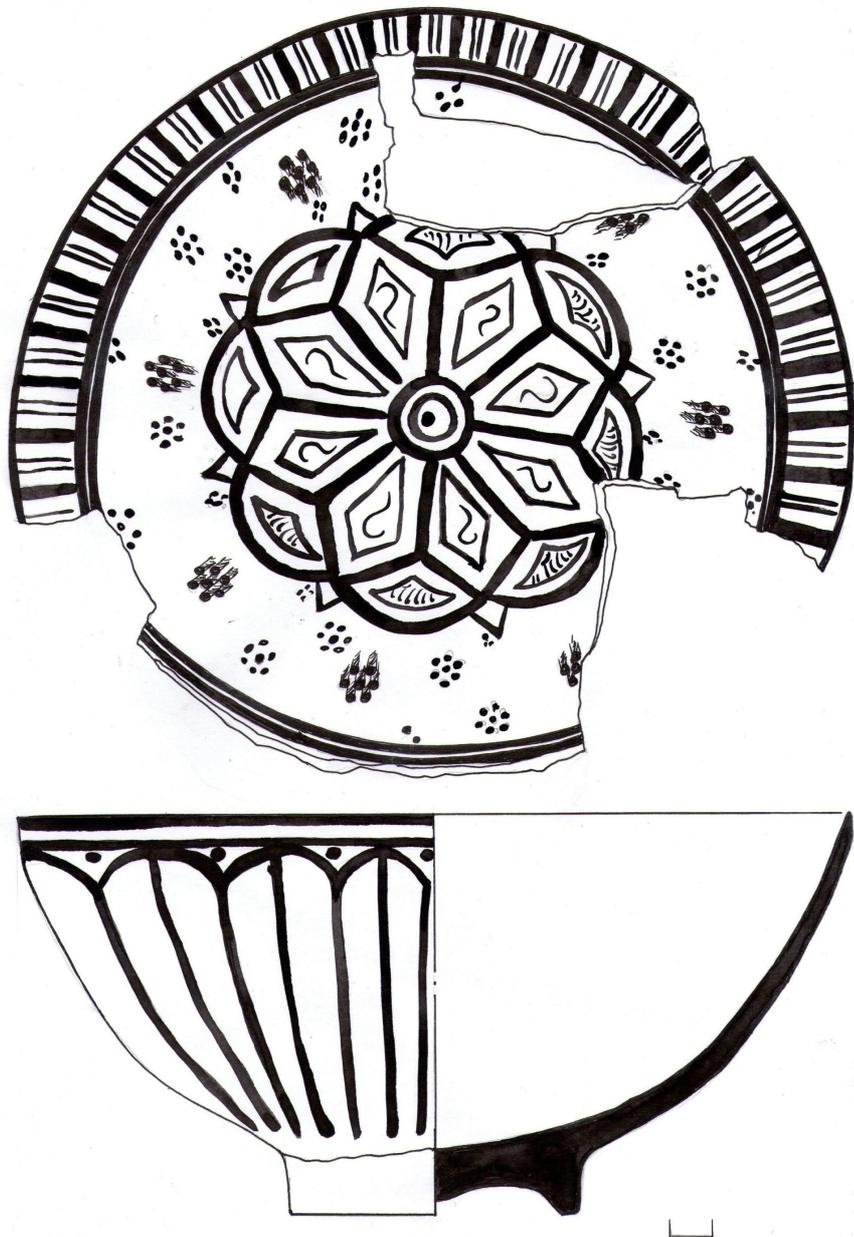

Рис. 8. Кашинная полихромная миска. Раскоп III.

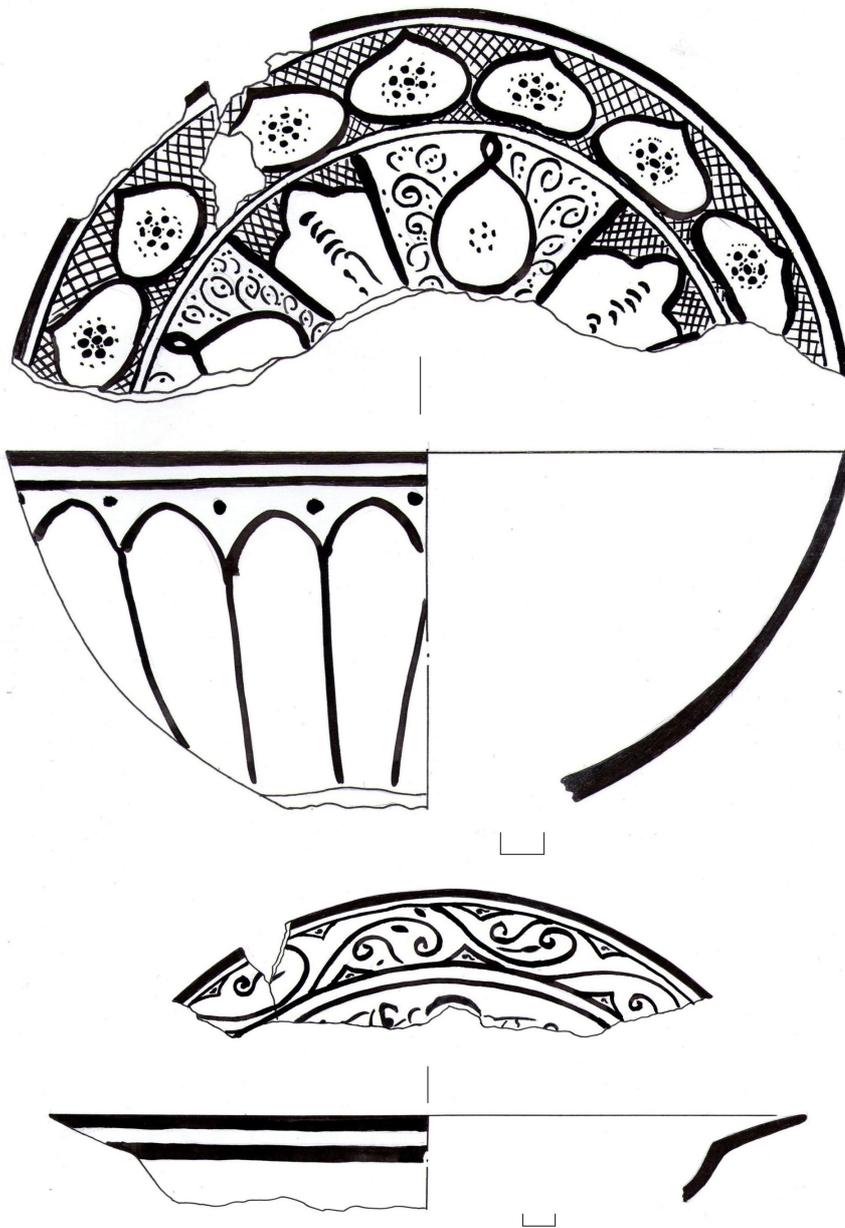

Рис. 9. Фрагменты кашинных полихромных чаш. Раскоп III.

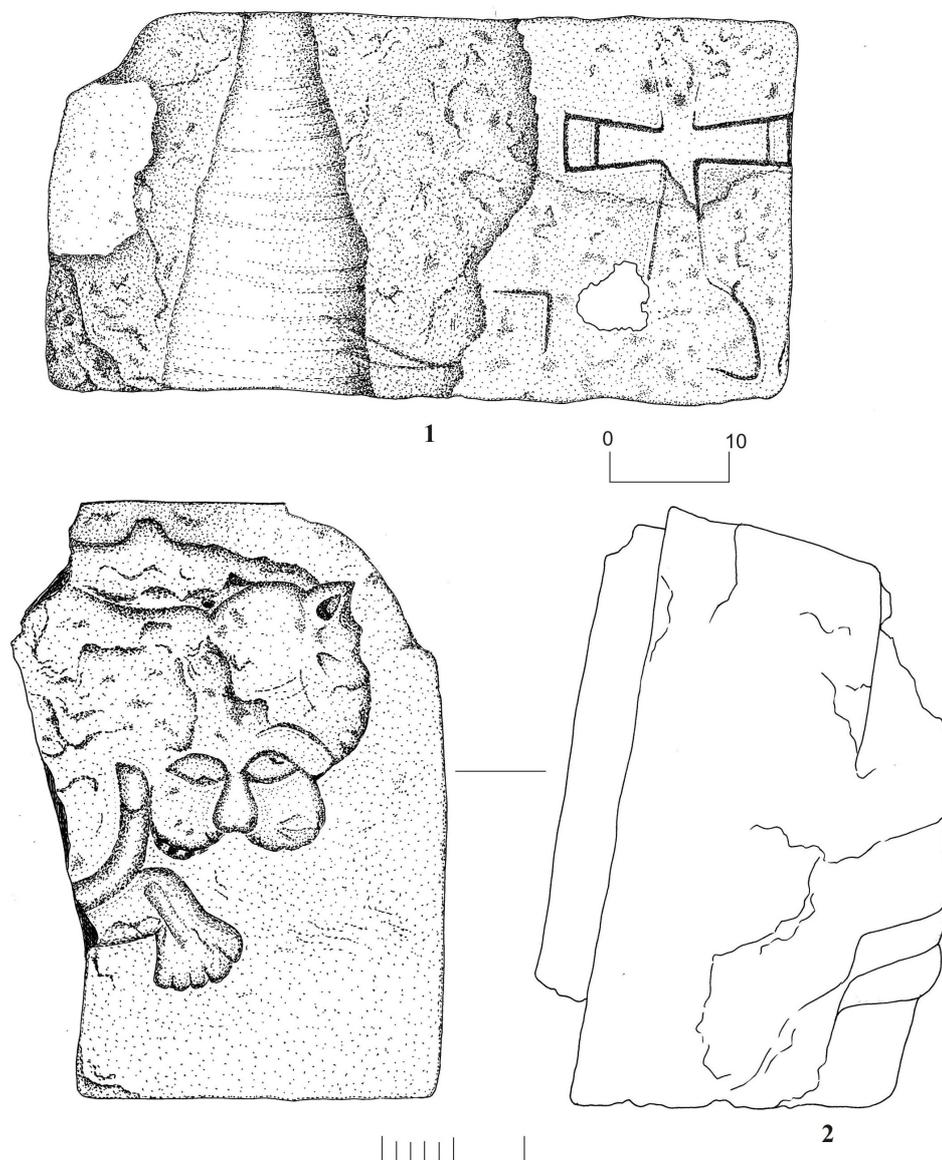

Рис. 10. Каменные архитектурные блоки с декором. Раскоп III.
1 - блок с прочерченным изображением креста;
2 - фрагмент барельефного блока с изображением сцены терзания льва грифоном.

З А М Е Т К И

Сергеева О.В.

РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЙ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В ЗАВОЛЖЬЕ В 1920-Е ГОДЫ XX ВЕКА

В 1920-е годы XX в. активную исследовательскую работу в Заволжье проводил организованный в 1919 г. Пугачевский краеведческий музей, возглавляемый с 1921 г. К.И. Журавлевым. Именно им в эти годы проводятся широкомасштабные археологические разведки, охватывающие значительную территорию современного саратовского Заволжья. Разведочные маршруты пролегли по рекам Волге, Чагре, Большому и Малому Иргизам, Камелику, Чернаве, Сестре. Активную помощь в работе оказывают местные краеведы и любители истории края: Н.А. Любомиров, С.В. Шайкин, П.И. Кутафьев, А.А. Марущенко, В. Некрылов. Эти работы значительно расширили ареал распространения срубных поселенческих памятников. За 1923–24 годы ими выявлено свыше 80 селищ эпохи поздней бронзы [Синицын, 1949. С. 197]. К.И. Журавлевым проводились и незначительные по объему шурфовки, либо раскопки на поселениях, которые были связаны с разрушениями береговыми осыпями тех или иных визуально фиксируемых объектов, таких как очаги и погребения. Земляные работы, как правило, затрагивали и котлованы построек, первоначально не всегда интерпретируемые им как таковые.

Здесь же, в Пугачеве, начинал свою археологическую деятельность А.И. Тереножкин. В начале 1920-х годов, еще будучи школьником и посещая кружок краеведения при музее, он делает свои первые открытия – поселения около с. Успенка [Тереножкин, 1982. С. 297], а так же он принимает активное участие в разведывательных маршрутах К.И. Журавлева.

Хочется отметить ту скрупулезность и ответственность, с которой подошли исследователи к своим научным изысканиям, хотя они на тот момент не являлись профессиональными археологами. Странно, что такой богатый практический материал, наработанный в Пугачеве, фактически полностью выпал из поля зрения исследователей. На сегодняшний день можно назвать несколько кратких упоминаний о нем [Синицын, 1949. С. 196; Памятники..., 1993. С. 67–71, 93–95; Лопатин, 2002. С. 9; Волков, 2008. С. 179]. Поэтому имен-

но поселениям, на которых в 20-е годы XX в. проводились археологические раскопки, посвящена данная статья.

В 1926 г. А.И. Тереножкин поступает на археологическое отделение Высших курсов краеведения в г. Самаре, а в 1927–28 гг. проводит планомерные археологические раскопки разрушающихся поселений эпохи бронзы. Так целью его работ 1927 года стало непосредственное установление форм жилищ Хвалынской культуры. Для этого на ряде поселений над земляночными котлованами им закладываются шурфы и небольшие раскопы. Следует отметить, что в те годы раскопкам бытовых памятников уделялось незначительное внимание. Кроме того, ни К.И. Журавлев, ни, на тот момент, А.И. Тереножкин не имели достаточного опыта ведения раскопочных работ. Тем не менее, их исследованиям свойственна определенная методическая грамотность. Так раскоп разбивался на участки размером 2 x 2 м, которые в свою очередь делились на квадраты 1 x 1 м. Раскопки велись условными пластами 20–30 см, правда, не всегда одинаковыми. Находки начинали фиксировать по слоям и квадратам с того момента, как выходили на уровень культурного слоя их содержащего. При нахождении следов погребений или кострищ предпринимались попытки зачистки выявленных объектов, чтобы точнее определить положения костяка или конструктивные особенности объекта [Журавлев, № 29; Тереножкин, № 33]. В процессе работ велся подробный полевой дневник, дающий порой более подробную информацию, чем текст отчета [Журавлев, № 67; Тереножкин, № 70]. Сами отчеты отличает подробное описание всех найденных находок.

Так, К.И. Журавлев, характеризуя керамику, описывает ее цвет, качество обжига, наличие тех или иных примесей, обработку внутренней и внешней поверхности, орнаментацию. При этом он не ограничивается констатацией данных признаков, но и делает попытки сравнить вновь найденную керамическую коллекцию с уже известными, выделяя в ней отличительные черты, если таковые присутствуют.

В описываемые годы Пугачевский уезд входил в состав Самарской губернии, поэтому и научные связи сотрудников музея были в первую очередь с самарскими археологами – В.В. Гольмстен, М.Г. Маткиным. В 1922 г. М.Г. Маткин, член Самарского общества археологии, истории, этнографии и естествознания, приезжает в г. Пугачев и предпринимает археологические разведки в окрестностях города. Им было открыто поселение на р. Клопихе, которое в том же году подвергнуто небольшим раскопкам К.И. Журавлевым. Стараясь точнее определить хронологическую и культурную позицию раскопанных поселений, К.И. Журавлев и А.И. Тереножкин обращаются к В.В. Гольмстен, ведущей работы на территории Самарской Луки [История..., 2000. С. 209]. Так обширный керамический материал, полученный в результате раскопок поселения у оз. Калач, В.В. Гольмстен определила как относящийся к срубно-хвалынской стадии хвалынской культуры [Тереножкин, № 33. С. 5], а успешное селище отнесла к «...поздней поре бронзовой эпохи, к поздней стадии Хвалынской культуры» [Тереножкин, № 33. С. 17]. Характеризуя Хвалынскую культуру, В.В. Гольмстен, в отличие от П.С. Рыкова [Рыков, 1927. С. 51–84], не считает ее самостоятельной и отличной от причерноморской

срубной. Она предлагает называть памятники стадии В срубными, а культуру эпохи бронзы Поволжья срубно-хвалынской [Гольмстен, 1928. С. 5].

Подводя некоторый итог своим работам, А.И. Тереножкин в отчете за 1927 пишет «...установлена следующая сменяемость культур: для камня – протонеолит и неолит; для бронзы – Древняя культура скорченных – окрашенных костяков, Срубно-Хвалынская, Хвалынская; для железа – Скифо-Сарматская, поздних кочевников и культура Золотой Орды» [Тереножкин, № 33. С. 1]. Много позднее он отнесет раскопанные им поселения к первому по Кривцовой-Граковой «покровскому» этапу срубной культуры, с той лишь разницей, что сдвинет хронологические рамки данного этапа на одно столетие ниже, определив его XVI–XV вв. до н. э. [Тереножкин, 1965. С. 65]. Он отведет заволжской степи роль эпицентра происхождения срубной культуры, считая селища подобного типа классическими для данного региона.

Нами собран и подготовлен для публикации весь имеющийся на сегодняшний день по теме материал из фондов Пугачевского краеведческого музея (отчеты, полевые дневники, находки). К сожалению, часть вещественной коллекции оказалась утраченной из-за частых переездов, возможно, какие-то находки по каким-либо причинам не были сданы в фонды музея.

Устье Мокрой Клопихи (рис. 1, 3) расположено в 3 км к юго-западу от с. Давыдовка, на правом берегу р. Клопихи недалеко от места ее впадения в р. Б. Иргиз. Открыто М.Г. Маткиным в 1922 г. Он обнаружил в осыпи берега разрушающийся очаг, хотя и не связал его напрямую с древним поселением. По совету М.Г. Маткина К.И. Журавлевым были проведены раскопки данного очага. Его точные размеры в отчете не указаны, сказано лишь, что он понижался от поверхности вглубь на 10 вершков (44 см). Стремясь сохранить очаг в первоначальном виде, К.И. Журавлев проводит его осторожную зачистку, однако это не удается из-за разрушения его норой. Очаг оказывается обмазанным глиной, внутри его встречены угли, иногда значительные по размеру и обломки костей. Других находок обнаружено не было, но, по словам М.Г. Маткина, вблизи очага им был найден черепок древней посуды [Журавлев, № 29]. В 1924 г. К.И. Журавлевым на поверхности поселения были собраны фрагменты лепной и гончарной керамики.

Мокрая Клопиха (рис. 1, 4) расположено в 6,5 км выше устья р. Мокрая Клопиха, на крутой обрывистой излучине ее правого берега, несколько ниже развалин Хохлатского хут. Открыто в 1924 г. В.Ф. Некрыловым. В 1927 г. обследовалось А.И. Тереножкиным. В береговой осыпи были видны две землянки, отстоящие друг от друга на 0,4 км. Такая удаленность построек, вероятно, говорит об их принадлежности двум разным поселениям. Размеры одной землянки установить не удалось, но сказано, что она была глубиной 1 м от поверхности. Вторая землянка имела в обрыве берега длину 25 м и глубину 1,5 м. С глубины 1 м до дна земляночного котлована шел сплошной слой золь, перемешанный с бытовыми и кухонными остатками. Собранные на памятнике керамика состояла из баночной и острореберной посуды [Тереножкин, № 33. Л. 25].

В 1928 г. А.И. Тереножкин, «ввиду того, что данный памятник прошлого разрушается и в скором времени совсем уничтожится...» [Тереножкин, 1928. Л. 1], раскапывает остатки одной из землянок. Площадь раскопа составила

32 кв. м. Зачистка берега показала, что длина землянки 9,4 м, глубина в западном конце 0,6–0,7 м, в восточном 1,0–1,2 м. Стенки отвесные, по самому дну проходил плотный золистый слой, перемешанный с культурными остатками и затянутый сверху черной землей. Раскопки производились тремя траншеями, ориентированными вдоль берега и разбитыми на квадраты 1 x 1 м.

Котлован постройки прямоугольной или квадратной формы, площадь сохранившейся части примерно 23,5 кв. м (рис. 2, 1). Около северной стенки котлована на полу землянки обнаружено погребение. Следов могильной ямы не прослежено. Погребенный располагался вдоль стенки землянки «головой на В, на правом боку сильно скорченно, кисти рук перед лицом, ноги согнуты в коленях и сильно подогнуты к животу» [Тереножкин, 1928. Л. 1 об.]. Вещей найдено не было. Около восточной стены расчищено кострище, круглой формы, диаметром, судя по чертежу, около 1,1–1,2 м. Рядом с кострищем найден обломок костяного тупика (тр. I, уч. III, кв. 4). В 2–2,5 м от очага, ближе к северной стене, обнаружен развал глиняного лепного сосуда баночной формы (тр. II, уч. I, кв. 2), орнаментированный горизонтальной елочкой, выполненной резными линиями. Высота сосуда 14 см, диаметр горла около 15 см, дна – 10 см. Вокруг развала находилось большое количество костей животных. А.И. Тереножкин также отмечает скопление костей животных в углу котлована. Недалеко от сосуда (тр. II, уч. I, кв. 3) найдено «костяное шило с обломанным рабочим концом, в тыльной части его просверлено отверстие» [Тереножкин, 1928. Л. 2] Из других предметов найдены костяное пряслице (тр. II, уч. II, кв. 2), костяная рукоять (тр. I, уч. II кв. 1), терочник из песчаника. К сожалению, в отчете, хранящемся в Пугачевском музее, автор не дает подробного описания керамической коллекции.

В настоящее время в фондах сохранилось всего несколько фрагментов из данной коллекции (рис. 2, 1–7). Они принадлежат баночным и округлобким сосудам, орнаментированы зубчатым штампом, различными вдавлениями. Среди фрагментов имеются два обломка глиняных крышек. Диаметр одной из них около 17 см, на ее внешней поверхности, по внешнему краю проходит ряд косых насечек, в центре прочерчены пересекающиеся линии (рис. 2, 8). Вторая крышка орнаментирована с обеих сторон беспорядочными линзовидными и подовальными вдавлениями (рис. 2, 4).

Лопуховый Мар (рис. 1, 1) расположено в 6,5 км к западу от с. Толстовка, на «Лопуховом урочище», на левом берегу р. Б. Ирғиз. В 300 м к юго-востоку от поселения находился большой курган, названный «Лопуховым Маром». Он располагался на краю берега, и уже в первой половине 20-х годов его насыпь на 1/3 была разрушена весенними паводками. Высота кургана составляла около 2,5 м, диаметр 40 м [Журавлев, № 66. Л. 3 об.]. Рядом с ним зафиксирован небольшой курган, оба они имели рвы вокруг насыпей.

Поселение открыто А.И. Тереножкиным в 1923 г. Протяженность культурного слоя в обрыве берега составляла около 200 м. В этом же году К.И. Журавлев заложил на нем три небольших шурфа в местах наибольшего скопления находок (рис. 7, 1). Шурфы примыкали к обрыву берега, один из них располагался над очагом, видимым в береговой осыпи. Очаг состоял из скопления золы и углей мощностью до 27 см, нижняя его часть углублена в

материк, а протяженность в обрыве берега составила 63 см. В нем были обнаружены несколько фрагментов керамики и костей животных. Практически вся обнаруженная в шурфах керамика изготовлена из комковатой глины с примесью толченых раковин в тесте. Судя по описанию, сосуды имели баночную и округлобочную форму с отогнутым наружу венчиком. Срез плоский или с напыльвом с внешней стороны. Орнаментированы зубчатым штампом, линзовидными и овальными вдавлениями, прочерченными линиями [Журавлев, № 30. Л. 19–20].

В 1927 году с этого поселения от местного жителя Г.И. Черкасова в музей поступили три каменных шара правильной геометрической формы, диаметром от 7,5 до 11 см. Выясняя обстоятельства и место находки, А.И. Тереножкин записал в дневнике, «лазая за яйцами щуров в норы он (М. Черкасов – авт.) дошел до выемки № 1 (раскоп 1923 г. – авт.) ниже которой (вероятно, дно культурного слоя тогда не было расчищено) была нора, в которой он с боку и увидел один из камней – разрыв, нашел и остальные камни» [Тереножкин, № 70. Л. 2 об.].

В этом же году А.И. Тереножкин продолжил исследование поселения. Им в верхнем восточном конце селища были найдены остатки *землянки*, протянувшиеся в обрыве берега на 26 м и имеющие глубину 1,1–1,2 м. В западном конце стенка землянки вертикальная, в восточном горизонт дна на протяжении 4 м полого поднимался до нормального залегания культурного слоя. Это понижение А.И. Тереножкин считал входом в землянку. В западном конце постройки на дне обнажалось золище (очаг?) 5 м длины, 0,1–0,15 м толщины (рис. 7, II).

Отступив 2 м от западного края, А.И. Тереножкин заложил шурф 2 x 4 м, в который вошел почти весь остаток зольника (рис. 7, III, IV). Находки в шурфе начали встречаться ближе к дну землянки. Золище имело вид полукруга, примыкающего к обрыву берега¹. В зольном слое зола, «слежавшаяся без углей и очень незначительными культурными остатками, более богаты культурными остатками, прилегающие к золищу остальные квадраты участка. Бытовые остатки собраны в виде нескольких мало характерных черепков, двух обломков глиняных крышек и расслоившегося дна сосуда, стоявшего на краю золища» [Тереножкин, № 33. С. 2]. Поверхности крышек хорошо заглажены. Одна плоская с закругленным краем (рис. 7, 4), диаметром 12 см, толщиной 2 см, вторая вогнута, с приостренным краем (рис. 7, 5), диаметром 23 см, толщиной 2,5 см.

Сармин овраг (рис 1, 2) расположено между сс. Каменка и Варваровка, влево от устья Сармина оврага (справа расположено поселение неолитического времени), на правом берегу р. Б. Иргиз (рис. 11, I). Открыто в 1923 г. А.И. Тереножкиным.

В 1924 году осенью К.И. Журавлевым проводится небольшая, как называет ее автор «пробная раскопка», памятника в месте наибольшего скопления

¹ В полевом дневнике записано, что золище располагалось на глубине 1–1,1 м от поверхности и имело диаметр 5 м [Тереножкин, № 70. Л. 3]. «Под золой пол был гладкий, как бы утрамбованный – твердый. Бытовые и кухонные остатки отсутствовали, за исключением редких сожженных косточек» [Тереножкин, № 70. Л. 4, 4 об.].

находок. Культурный слой в шурфе понижался от 0,7 до 1,2 м, в самом нижнем горизонте находки буквально устилали дно раскопа. Добытый материал представлял собой кости животных и фрагменты лепной керамики. Фрагменты принадлежали баночным и округлобким сосудам (рис. 10, 6-7; 11, 1-13). На многих из них имеется «воротничок», украшенный пересекающимися прочерченными линиями (рис. 11, 2, 4, 9, 10, 11). На одном сосуде он сочетался с налепным неорнаментированным валиком (рис. 11, 1). Именно эти черты в керамике были замечены исследователем, он констатировал, что подобная керамика «свойственна только этому селищу» [Журавлев, № 31(68). С. 62]. Среди элементов орнамента в первую очередь выделяются прочерченные линии и насечки, два экземпляра украшены зубчатым штампом. Основные сюжеты – это зигзаги или прямые горизонтальные линии. Выделяется фрагмент округлобкого сосуда с высоким венчиком, в верхней части которого имеется каннелюр, а на шейке ряд округлых вдавлений, образующих с внутренней стороны жемчужины (рис. 11, 8).

Осмотр поселения А.И. Тереножкиным в 1927 г. показал, что культурный слой здесь залегает на глубине 0,35-0,45 м. На месте же разведочных раскопок К.И. Журавлева он понижается до 1,2 м и сохраняет эту глубину в обрыве берега на протяжении 12 м, что указывало на наличие здесь разрушающейся землянки. Отступив 2 м от раскопа К.И. Журавлева, А.И. Тереножкин закладывает шурф размером 2 x 2 м. Находок в шурфе оказалось немного, все они концентрировались на дне, на глубине 1,0-1,2 м. Было найдено несколько фрагментов керамики и костяное орудие в виде треугольника со сторонами 18 и 14 см, изготовленное из тазовой кости крупного животного (рис. 12, 3). Его внутренний угол представляет собой лезвие с ясно заметными следами сработанности. Как предположил А.И. Тереножкин, оно, возможно, заменяло тупик из челюсти коровы, характерный для селищ эпохи поздней бронзы.

Данный памятник относится ко второй – кайбельско-танавской стадии хвалынской культуры валиковой керамики [Малов, 1987. С. 159-160]. До настоящего времени хвалынские поселения были открыты преимущественно близ поймы Волги и в лесостепи [Изотова и др., 1993. С. 131]. Это первое поселение данной культуры, расположенное в глубинной степи.

Озеро Калач (рис. 1, 6) расположено в 18 км к северо-востоку от г. Пугачева, недалеко от Спасо-Преображенского монастыря, на восточном берегу оз. Калач, по обе стороны овражка выходящего к озеру (рис. 8, I, II). Открыто А.И. Тереножкиным в 1920 г. В обрыве невысокого крутого берега обнажался ряд землянок. В последующие годы селище ежегодно обследуется К.И. Журавлевым, а затем А.И. Тереножкиным проводятся раскопки двух землянок, разрушающихся обрывом берега.

Землянка 1. В 1921 г. на месте селища севернее овражка сделана небольшая шурфовка, но никаких письменных материалов по этим работам не осталось. В отчете К.И. Журавлева за 1924 г. записано им по памяти, что в раскопе были найдены фрагменты керамики, обычные для поселений бронзовой эпохи, костяные тупики, кости животных.

В 1924 г. им закладываются два небольших раскопа (рис. 9, I). Один примыкал с северо-запада к раскопу 1921 г., т.к. здесь в обрыве берега наблюда-

лось понижение культурного слоя, из чего и было сделано заключение о наличии постройки (землянка № 1). Раскоп имел треугольную форму, его площадь составляла около 4 кв. м. С глубины «1,5 арш. (ок. 1 м) до 2 арш. (1,4 м)» шел «культурный слой, насыщенный жилыми остатками и окрашенный в желтовато-серый цвет» [Журавлев, № 31(68). С. 56]. Речь идет о заполнении земляночного котлована. В культурном слое найдено большое количество костей животных «главным образом лошади, коровы, овцы, попался позвонок крупной рыбы» [Журавлев, № 31(68). С. 56]. Наблюдение за залеганием керамических остатков приводит К.И. Журавлева к выводу об их одновременности, «т. к. при разборке черепков, взятых из полуаршинной толщины культурного слоя, многие черепки подходили друг к другу, представляя фрагменты одних и тех же сосудов, несмотря на то, что найдены они в различных горизонтах жилого слоя» [Журавлев, № 31(68). С. 56].

Около северо-восточной стенки раскопа обнаружен развал нижней части большого глиняного сосуда, определяемого автором как баночный. Его дно диаметром 15 см было углублено на 9 см в пол землянки (материк – авт.). Поверхность сосуда покрыта расчесами зубчатого орудия. Рядом найдена нижняя часть второго подобного сосуда с диаметром дна 14 см. В целом же керамическая коллекция, полученная в процессе раскопок, представляет собой фрагменты баночных и округлобоких сосудов. Срез венчика прямой, грибовидный, либо с напыльвом с внутренней стороны, в тесте примесь песка. Поверхность чаще всего покрыта штриховкой. Орнамент простой: зигзаги, горизонтальные линии, кресты, выполненные линзовидными или овальными вдавлениями, оттисками зубчатого штампа.

Второй раскоп прямоугольной формы примыкал к северо-восточным стенкам раскопов 1921 и 1924 годов. Его площадь составила около 18 кв. м. Культурный слой залегал так же, как и в раскопе 1. Основная масса находок была сосредоточена в 4–6 штыках, причем, их количество возрастало с каждым штыком. На материке у юго-западного края траншеи, в середине ее «был найден раздавленный землею сосуд, лежащий на боку. Сосуд формой банки с краями слегка вогнутыми внутрь. Внешняя поверхность красновато-желтая. Внутренняя черная с налетом сажи. Обе поверхности гладкие. Вдоль края орнамент косыми резными черточками» [Журавлев, № 31(68). С. 59]. С одной стороны два отверстия. Размеры сосуда: диаметр венчика 20 см, диаметр дна 13,7 см, высота 24 см. Вероятно, сосуды, найденные в раскопах 1 и 2, составляли приочажный комплекс, но, скорее всего, очаг к которому они относились, разрушен берегом. В непосредственной близости от корчаг найдены три тупика.

В 9–12 см севернее сосуда обнаружен обломок глиняной литейной формы (рис. 9, 1). «Форма из черной с песком глины, слегка обожжена с поверхностей... Стороны ее прямые (кроме одной, дающей дугу), гладкие. Толщина 2,6 см. Орудие, отливающееся в этой форме, имело закругляющееся острие шириною 3 см, отходя от острия, суживалось в ширине и утолщалось. Форма служила для отливки нескольких орудий: в продольном изломе заметны следы другого подобного же углубления» [Журавлев, № 31(68). С. 59]. В более сохранившемся из углублений отливался, скорее всего, вислобушный топор,

тип второго изделия установить невозможно из-за его сильной фрагментарности [Малов, 2005. С. 7–8].

Керамическая коллекция не отличалась от найденной ранее. В третьем штыке обнаружено железное кольцо, диаметром 8 см, из круглой проволоки толщиной 0,5 см. Скорее всего, кольцо относится к более позднему времени, чем поселение. Таким образом, все раскопы приходились непосредственно на земляночный котлован, но не затрагивали его стенок.

В 1925 г. исследование землянки продолжилось, закладывается небольшой раскоп, примыкающий к прежним раскопам с северо-запада. Кто конкретно производил работы неизвестно, т. к. отчет К.И. Журавлева за этот год не содержит об этом никаких сведений. Лишь в отчете А.И. Тереножкина за 1927 г. в сводном чертеже указаны границы данного раскопа.

Окончательно землянка № 1 была исследована А.И. Тереножкиным в 1928 г. Он заложил три траншеи, общей площадью 34 кв. м, в которых выявил стенки земляночного котлована и расположенное в нем кострище.

Если суммировать все данные, то землянка выглядела следующим образом (рис. 9, II). Площадь сохранившейся части около 30 кв. м. Она представляла собой, скорее всего, прямоугольный котлован, ориентированный по линии «север – юг» с небольшим отклонением к востоку. Стенки пологие, высотой от 30 (северная) до 50 см (восточная). Дно понижалось от стенок к центру, и находилось на глубине 1,4 м от поверхности. О столбовых ямах упоминаний в отчетах нет. Около восточной стены, ближе к северо-восточному углу, располагалось кострище диаметром 1,5 м.

Землянка 2 начата К.И. Журавлевым в 1923 г. Культурный слой мощностью от 0,7 до 1,1 м протянулся вдоль берега более чем на 600 м [Журавлев, № 66. Л. 4 об.]. Два небольших разведочных шурфа были заложены над понижением культурного слоя, не понятным на тот момент и не считавшимся котлованом землянки. В одном из шурфов обнаружен очаг и развал нижней части крупного лепного сосуда с диаметром дна 20 см. В шурфах и на поверхности собрано большое количество фрагментов лепной керамики с примесью песка, дресвы и раковины. Поверхность сосудов, как правило, покрыта штриховкой, орнаментирована зубчатым штампом, линзовидными вдавлениями и прочерченными линиями, образующими наклонные отрезки, зигзаги, кресты. Края венчиков плоско срезаны, иногда имеют наплыв с одной или двух сторон [Журавлев, № 30. Л. 5–8].

В 1927 г. А.И. Тереножкиным над землянкой № 2 закладывается раскоп². Ее глубина в обрыве берега на тот момент достигала 1,54 м (рис. 8, IV), а протяженность 7,3 м. Находки концентрировались с глубины 1 м до дна (1,62 м). Землянка была полностью исследована путем закладки четырех траншей. Площадь всего раскопа составила 58 кв. м, сохранившаяся площадь землянки около 40 кв. м.

Землянка имела, вероятно, прямоугольную форму с полого поднимающимися стенками шириной 7 м и длиной более 7 м, глубиной в материке

² В отчете А.И. Тереножкина не указывается как его раскоп 1927 г. соотносится с шурфами К.И. Журавлева 1923 г., хотя они были заложены над земляночным котлованом и в одном из них расширен очаг.

около 0,6–0,7 м (рис. 8, III). Дно землянки постепенно понижалось от края к центру. Каких-либо данных о конструктивных особенностях сооружения, очагах и кострищах, к сожалению, нет. В то же время, А.И. Тереножкин указывает на наличие значительного количества золы в средней части котлована, на глубине 1,0–1,2 м, перемешанного с культурными остатками. С глубины одного метра и до дна в разных частях котлована встречались куски обожженной глины.

«Главная масса бытовых остатков падает на керамику и кости животных, в меньшем же количестве представлены поделки из камня и кости. Металлических изделий найдено не было, если не считать маленький обломок бронзовой пластинки, найденный на дне землянки... и кусок медно-железистой руды» [Тереножкин, № 33. Л. 7]. Из каменных изделий найдены точильные камни, одно со следами заточки «шильев или других узких орудий, два кварцитовых скребка; обломок шлифованного орудия из темного кварцита и грузило – известковый камень с перехватцем для привязывания» [Тереножкин, № 33. Л. 7–8]. Костяных орудий найдено 14 предметов, из них 7 тупиков, 3 проколки, 3 рукояти и костяная лопаточка в виде треугольной пластины.

В своем отчете А.И. Тереножкин дает подробную характеристику найденной в раскопе керамики, останавливаясь не только на форме и орнаменте, но и способах формовки и обработки внешней поверхности. Керамику он делит на два примерно одинаковых по количеству типа: острореберный и горшечно-баночный, отмечая зависимость отделки сосудов и их размеров от формы (рис. 10, 1–5). Острореберная посуда более изящная, изготовленная из хорошо промешанной глины, без видимых примесей. Не делая дробного деления внутри каждого типа, исследователь отмечает их разнородность. Он пишет об острореберной посуде – венчик «...в той или иной степени отогнут; у некоторых сосудов... хорошо заметна ясно выраженная низкая шейка; плечико вырабатывалось весьма различно: у одних сосудов оно выработано в острое ребро, у других оно менее ясно выражено, а у фрагмента (рис. 10, 4; авт.) сильно выраженное подокруглое плечо...» [Тереножкин, № 33. Л. 9]. Среди баночных сосудов различает фрагменты с закрытым и прямым устьем, «...острореберная керамика обыкновенно не превышает средних размеров, а горшечные изделия баночного типа иногда имеют очень крупные размеры» [Тереножкин, № 33. Л. 10].

Основным элементом орнамента является зубчатый штамп, также встречены линейный чекан, подокруглые и клиновидные вдавления. Среди орнаментальных сюжетов выделяются различные зигзаги, в первую очередь на острореберной посуде, и горизонтальные линии косых насечек для банок.

Среди обломков крышек особенно интересен фрагмент, профиль которого напоминает «низкостенную сковородку» наружная поверхность которого «покрыта орнаментом нанесенным плоским линейным чеканом» [Тереножкин, № 33. Л. 10].

Обширный керамический материал, полученный в результате раскопок, В.В. Гольмстен определила как относящийся к срубно-хвалынской стадии хвалынской культуры [Тереножкин, № 33. С. 5].

Часть костей животных была отправлена в Ленинград, в Институт археологической, технологии на определение, которое проведено сотрудником

института В. Громовой [Тереножкин, № 33. Л. 16]. Это первое остеологическое определение, данное для бытовых памятников Нижнего Поволжья.

Виды животных	Кол-во костей	%	Кол-во особей	%
Домашний бык	73	49,9	11	34,3
Домашняя лошадь	13	8,7	3	9,3
Свинья	8	5,3	4	12,5
Собака	3	2,0	3	9,3
Мелкий рогатый скот	48	32,2	10	31,2
Косуля	1	0,6	1	3,1
Степной хорек	1	0,6	1	3,1
Тушканчик	2	1,3	1	3,1
Всего	149	100	32	100

Оно несколько отличается от процентного соотношения, полученного позднее И.В. Симицыным для поселения Успенка-1 [Симицын, 1947. С. 151], которое расположено в непосредственной близости. На Успенском поселении преобладает КРС, меньше костей лошади и совсем отсутствует свинья. Возможно, эти отличия связаны с неполнотой выборки, хотя в обоих случаях общее число особей участвующее в анализе, одинаково.

Успенка-1 (рис. 1, 5) расположена в 3 км к северо-востоку от Пугачева, между ним и с. Новички (Успенка), на правом крутом берегу р. Большой Иргиз. Оно занимает мыс, образованный двумя оврагами (рис. 3, I). На поверхности селища были видны пять земляночных западин (рис. 3, II), две из которых обнажались в обрыве берега, расстояние между ними составляло 1 м. Поселение открыто в 1920 г. А.И. Тереножкиным, в 1923 г. обследовалось К.И. Журавлевым. Им на поверхности и в обрыве берега собрано около пяти десятков фрагментов лепной керамики, кости животных [Журавлев, № 30. Л. 3–4].

В 1927 году А.И. Тереножкиным раскапывается землянка № 1. Раскопки производились четырьмя параллельными траншеями, общей площадью 86 кв. м. Согласно тексту отчета, землянка была ориентирована длинными сторонами с востока на запад и представляла собой «...четырёхугольную яму с вертикальными стенками один метр высоты, 7,3 м ширины и более 13 м длины³... В заполненной части ямы культурный слой прикрыт сверху сплошным пластом докрасна прокаленной земли толщиной 0,25–0,35 м, кое-где в ней встречались головни и гнилушки. Эта прокаленная земля, должно быть, была засыпана сверху деревянной надстройкой жилища. Кухонных отбросов на земляном полу ямы местами было очень мало, они были собраны вдоль северной стены в виде выгнутой кучи золы, черепков посуды и костей животных, мощностью до 70 см и 50 см ширины⁴. На самом же полу кое-где валялись песты, точила, терки и несколько разбитых на множество черепков

³ В полевом дневнике, в отличие от отчета, говорится, что котлован «очень расплывчатый с слабым повышением стен» [Тереножкин, № 70. Л. 31 об.]

⁴ В полевом дневнике имеется запись о столбовой яме, расположенной около северной стены, недалеко от начала зольного слоя, размером в диаметре 40 см и глубиной 60 см. На ее дне найдены обломок тупика, челюсть коровы и орнаментированный фрагмент венчика [Тереножкин, № 70. Л. 40]

сосудов. Вдоль южной и отчасти западной стен протянулось большое кострище, 7 м длины и один метр ширины. В самом же юго-западном углу (при повороте кострища) все заполнено сажой и черепками очень крупной посуды⁵. ...вдоль северной стены расположено другое кострище эллипсовидной формы. Зола в кострищах слежалась в очень плотный пласт 15 см толщины... В северо-западном углу ямы обнаружен угольник 20 см высоты и на 50 см выступающий из угла, на его краю стоял маленький горшочек баночной формы⁶. Рядом с этим угольником в западной стене был сделан подбой: высотой от пола 40 см, ниже пола 20 см, шириной 70 см и глубиной в стену 60 см. Этот подбой, вероятно, служил вроде свалочного помещения, т. к. в нем были найдены тупик из челюсти коровы и грубое массивное каменное орудие неопределенного назначения»⁷ [Тереножкин, № 33. Л. 17–18]. Основная масса находок, обнаруженных в южном кострище, – это фрагменты керамики и кости животных. Они концентрировались в его восточной части, уменьшаясь к западной стенке постройки.

Более подробные условия залегания найденных на полу землянки находок, позволяющие точнее интерпретировать полученные комплексы, как каждый отдельно, так и их совокупность, дает нам полевой дневник [Тереножкин, № 33]. Так, в небольшой ямке, примерно в середине длины южного «золища», недалеко от него (тр. II, уч. V, кв. 3) обнаружен каменный пест. В «яминке», расположенной около западной стены (тр. IV, уч. III, кв. 2), примерно в 1,5 м от подбоя найдены обломок каменной булавы, костяное орудие, изготовленное из трубчатой кости животного (проколка), 11 фрагментов керамики, из них три венчика и восемь стенок, и две створки раковины unio. Фрагмент булавы изготовлен из мягкого синеватого кристаллического камня. Судя по описанию, она имела, вероятно, шаровидную или близкую к ней форму с центральным отверстием, внешняя поверхность заполирована. Диаметр булавы около 7,5 см, диаметр отверстия 2,7 см [Тереножкин, № 33. Л. 19]. В отчете А.И. Тереножкина рисунок булавы отсутствует, в фондах Пугачевского музея она также не сохранилась.

Между двумя кострищами найдены развалы двух сосудов горшечно-баночной формы, третий сосуд располагался около юго-восточного края северного очага. Среди других находок следует выделить бронзовое четырехгранное, слегка уплощенное шило (рис. 3, 4) длиной 6,2 см (тр. III, уч. IV, кв. 1). Шило вставлено в костяную рукоять.

Суммируя полученные сведения, на площади земляночного котлована можно выделить несколько культовых комплексов. Они принадлежат к набо-

⁵ Согласно полевому дневнику, сажа идет от глубины 60 см до дна землянки (100 см), а в самом углу поднимается еще выше. Встречена она и в других прилегающих к углу частях. В самом углу зачищена круглая вертикальная яма диаметром 22 см и глубиной 35 см. Подобная яма обнаружена у южной стенки землянки недалеко от юго-западного угла. Ее диаметр 24 см, глубина 35 см [Тереножкин, № 70. Л. 38 об. – 39].

⁶ В полевом дневнике также имеется запись о расположенной в этом углу яме, возможно, от столба, диаметром 20 см и глубиной 25 см [Тереножкин, № 70. Л. 45 об.].

⁷ В полевом дневнике говорится, что все находки найдены на дне подбоя. Кроме каменного орудия и целого тупика указаны еще 4 фрагмента тупиков и 10 фрагментов керамики, из которых два орнаментированных венчика и восемь неорнаментированных стенок [Тереножкин, № 70. Л. 45].

рам-конгломератам, чья неутилитарность подчеркивается сочетанием предметов принципиально разного функционального назначения [Мимоход, 2001. С. 98]. К таким комплексам отнесены подбой, набор находок в яме около западной стены постройки, строительные жертвы в столбовой яме у северной стены. Нам не удалось найти аналогии подбоем успенской постройки на других поселениях срубной культурно-исторической общности. В пользу его культовой атрибуции говорят не только условия обнаружения, но и сочетание в наборе орудий, в данном случае тупиков, чье одновременное использование в работе бессмысленно. К тому же они представлены как целой формой, так и фрагментами [Мимоход, 2001. С. 98]. Возможно, данный комплекс связан со строительными жертвоприношениями, подобно тем, что располагаются в кладках жилищ (под ними) [Мимоход, 1999. С. 175–179]. К однозначно строительным жертвоприношениям относятся находки в столбовой яме около северной стены постройки (фрагмент тупика, челюсть коровы, фрагмент венчика). Таким образом, оба эти комплекса включают в себя примерно одинаковый в типологическом отношении набор предметов (тупики и фрагменты керамики).

Одним из критериев выделения культового комплекса также является наличие в нем предметов, которые для эпохи бронзы трактуются как престижные [Мимоход, 2001. С. 97]. Таким предметом в нашем случае является булава, находящаяся в упорядоченном сочетании с другими находками, в частности костяной проколкой и фрагментами керамики, в ямке, что делает семиотический статус всего комплекса бесспорным. Возможно, к культовой практике относится и глиняный материковый выступ в северо-западном углу котлована. Таким образом, практически все комплексы культового характера (кроме столбовой ямы) связаны с западной стеной постройки. В качестве дополнительного критерия для атрибуции может выступать их расположение в жилищном пространстве, которое носит ряд закономерностей. Как показал анализ, комплексы культового характера маркируют стены с внешней и внутренней стороны, внутренние углы, очаг, вход [Мимоход, 1996. С. 28–32].

Вполне вероятно, что часть находок на полу, запечатлевшая ситуацию на момент прекращения жизни в жилище, может говорить о культовой практике, отражающей завершающей цикл обрядов, связанных с оставлением жилища [Мимоход, 2001. С. 99].

Таким образом, основная масса комплексов и находок сосредоточена в западной половине постройки. Это полностью согласуется с данными, полученными И.В. Сеницыным, продолжившим раскопки поселения в 1939 г. и исследовавшим еще две землянки [Сеницын, 1947. С. 145–152].

В раскопе найдено большое количество фрагментов керамики (рис. 4, б). Вся она была разделена на три типа: баночная, горшечно-баночная и остророберная. Основную массу составляли горшки первых двух типов. Орнаментация сосудов детализирована до уровня элементов и сюжетов. Среди элементов были выделены различные чеканы: пунктирный, ямочный, лунчатый, лапчатый, клиновидный, линейный, зубчатый, которые комбинируются в сюжеты (один-три наклонных ряда вдавлений, зигзаги, клетки и елочку).

Посуда острореберного типа представлена очень малым числом фрагментов. Она орнаментирована, как правило, зубчатым штампом, образующим зигзаги и ромбы (рис. 5, 1).

Несмотря на то, что материалы раскопок А.И. Тереножкина не были опубликованы, анализ успенских комплексов имеет значительную историографию, правда связана она с материалами, полученными и опубликованными И.В. Синецким [Синецкий, 1947. С. 145–152]. А так как раскопки Тереножкина и Синецкого дали идентичный материал, то и все последующие выводы могут быть в полной мере отнесены и к находкам 1927 года.

В.В. Гольмстен была единственной, кто охарактеризовал именно керамическую коллекцию 1920-х годов. Она отнесла памятник «...к поздней поре бронзовой эпохи, к поздней стадии Хвалынской культуры» [Тереножкин, № 33. Л. 17]. И.В. Синецкий датировал поселение позднесрубным временем, а костяной наконечник «скифского» типа позволил ему довести верхнюю дату до начала I тыс. до н. э. [Синецкий, 1949. С. 223]. Сам автор первых раскопок много позднее, отнес Успенку к первому по О.А. Кривцовой-Граковой «покровскому» этапу срубной культуры, определив его XVI–XV вв. до н. э. [Тереножкин, 1965. С. 65]. Согласно периодизации Н.К. Качаловой, успенский комплекс соответствует второму – срубно-абашевскому этапу, хотя со срубно-абашевскими памятниками она его не связывает [Качалова, 1985. С. 40].

В периодизационной шкале, полученной В.А. Лопатиным в результате статистико-комбинаторного сравнения керамических серий ряда поселений срубной культуры степного Заволжья, Успенка показала самую раннюю дату и охарактеризовала первый этап развития, предшествующий покровскому [Лопатин, 1987. С. 134, 136]. После анализа строительной традиции и конструктивных особенностей построек Волго-Уральского региона данный вывод корректируется. Успенские постройки, хотя и отнесены к «периоду становления основных элементов срубной культуры» [Лопатин, 1996. С. 140], по конструктивным особенностям и по аналогии с Преображенкой позволяют считать их характерными для покровского времени. А отсутствие покровских признаков в керамике объясняется «отражением закономерной этнокультурной пестроты» [Лопатин, 1996. С. 154] этого периода.

Кузябаево-2 (рис. 1, 8) расположено к западу-юго-западу от с. Кузябаева, немного выше большого оврага, выходящего к реке, на правом высоком берегу р. Камелик (рис. 13, I). Открыто К.И. Журавлевым в 1924 г. Культурный слой в обрыве берега имел протяженность 230 м. Собрано большое количество фрагментов лепной керамики. «Черепки особенно грубы и имеют весьма неряшливый вид... На очень многих черепках грубая штриховка, чаще вертикальная, иногда беспорядочная. Орнаментированных черепков найдено мало в сравнении с общим количеством собранных здесь фрагментов керамики. Характерной чертой орнаментации материалов этого селища является встреченная иногда орнаментация обреза края» [Журавлев, № 31(68). С. 37].

В береговом обрыве зафиксированы следы разрушающейся землянки, длиной 11,5 м и глубиной от поверхности 1,02 м. В обрыве была видна корчага, стоявшая ниже уровня пола в землянке (рис. 13, II). При зачистке рядом с ней стояла нижняя часть второго сосуда, а вокруг них кости лошади, коровы и костяной тупик. Корчага представляла собой округлобокий сосуд со следа-

ми нагара, срез венчика грибовидной формы. Внешняя и внутренняя поверхности покрыты штриховкой. Высота сосуда 29 см, диаметр венчика 22 см, диаметр дна 15 см. Придонная часть второго сосуда имела диаметр дна 14 см, немного выше него располагалось сквозное отверстие.

Вдоль обрыва, над землянкой, К.И. Журавлев закладывает траншею длиной 7 м и шириной 2,3 м, ориентированную вдоль берега и разбивает ее на три равных участка. Стратиграфия в траншее следующая: «верхний слой черноземный, не содержащий культурных остатков – 6 верш. (26 см). Ниже шел слой чернозема, в котором начинали попадаться в незначительном количестве то черепки, то кости. Этот слой, толщиной около 6–7 верш. (26–30 см), незаметно переходил в культурный слой, содержащий в изобилии жилые остатки, окрашенный в бурый желтый цвет от содержания глины, перегноя и золы, мощностью около 10 верш. (44 см). Культурный слой подстилает желтая материковая глина...» [Журавлев, № 31(68). С. 39]. Длина траншеи охватывала 2/3 длины видимого в обрыве земляночного котлована. В ее северном углу располагалась стенка землянки, представлявшая пологое возвышение.

На дне постройки, у самого обрыва, недалеко от расчищенных корчаг обнаружен очаг, состоящий из кусочков обожженной глины. «Куски глины бесформенны, но на одной из сторон имеются следы сглаживания. Глина вокруг скопления кусков обожженной глины [также] обожжена» [Журавлев, № 31(68). С. 40]. Диаметр очага 0,41 м. Видимо, очаг и корчаги составляли единый комплекс.

В раскопе найдена керамика (рис. 12, 4–10; 13, 1–8) и многочисленные кости животных. К.И. Журавлев выделяет среди находок обломок розового песчаника «с выточенным в нем остро-треугольным углублением» предполагая, что это «обломок литейной формочки для изготовления наконечников стрел или копий» [Журавлев, № 31(68). С. 39].

Долгое озеро – левый берег (рис. 1, 7) расположено в 4,5 км к северу от с. Канаевка, на берегу Долгого озера. Открыто в 1922 г. К.И. Журавлевым. В 1923–25 гг. осматривалось им же. Культурный слой сильно поврежден ямами, образованными от строительства плотины. Поселение не раскапывалось, но из-за повреждений здесь собрано несколько сот фрагментов лепной керамики, костей животных, костяные и каменные орудия. Поэтому мы посчитали возможным привести здесь коллекцию находок, сохранившуюся на сегодняшний день и выдержки из отчетов К.И. Журавлева.

Сосуды баночной и округлобочной формы с примесью песка, несколько с раковиной. Орнаментированы зубчатым штампом, линзовидными вдавлениями, прочерченными линиями, образующие косые или горизонтальные линии, кресты. Найдено несколько фрагментов крышек сосудов. В 1923 г. здесь был найден кусок «обоженной глины с желобком. Можно полагать, что это – фрагмент формочки для отливки металлических предметов» [Журавлев, 1923. Л. 39]⁸. Из орудий надо выделить находку известняковой плитки длиной 26 см, шириной от 15 до 23 см и толщиной до 4 см. Нижняя ее сторона плоская, верхняя имеет выточенное углубление. По-мнению

⁸ Фрагмент не сохранился, поэтому уточнить его атрибуцию невозможно.

К.И. Журавлева, «этот камень служил для растирания зерна или какого-либо другого назначения в этом роде» [Журавлев, 1924. Л. 44]. Рабочими, строившими плотину, был найден бронзовый предмет, названный ими «дужкой». «Это плоская изогнутая пластина толщиной около 4 см, ровная с обеих сторон. К концам пластина суживается, имея в самой широкой части ширину в 1,5 дюйма. Один конец загибается, другой имеет излом. Длина предмета около полуаршина (около 35 см) [Журавлев, 1924. Л. 44]. Обломок глиняного диска (пряслица?) диаметром 5,8 см, толщиной от 1,7 см до 1 см (у края). Из костяных орудий найдены тупики из челюстей коровы, а также расколота вдоль трубчатая, гладко отшлифованная кость, один конец которой заострен.

В 1925 г. на левом восточном берегу найден бронзовый нож (рис. 18, 10) «пламевидной формы, длиной 14 см при ширине в самой широкой части 3, 4 см» [Журавлев, 1925. Л. 6], известный только по рисунку К.И. Журавлева.

Правый берег – культурный слой так же, как и на левом берегу, поврежден ямами. В них в большом количестве найдены фрагменты керамики (несколько сот), кости животных и кусочки шлака. Сосуды баночной и округло-боковой форм, срез венчика прямой, иногда с напылом с внешней или внутренней стороны. Орнаментированы зубчатым штампом, различными вдавлениями. Наиболее частыми орнаментальными сюжетами являются зигзаги (рис. 14, 8; 15, 2, 5, 9), горизонтальная елочка (рис. 14, 1, 6; 16, 3; 17, 1, 4), горизонтальные ряды вдавлений (рис. 14, 2, 5; 15, 7, 8). Среди фрагментов керамики встречены обломки крышек (рис. 16, 2, 4, 5, 7). Все они плоские, толщиной 1,1–2,5 см.

В 1923 г. в одной из ям, в материке, обнаружено погребение (рис. 14, 1). Скелет лежал, скорчено на спине, головой на восток. Ноги согнуты в коленях, руки вытянуты вдоль туловища, кистями на тазовых костях. Весь скелет густо окрашен темно-красной охрой.

Таким образом, в результате археологических работ 20-х годов XX в. были в той или иной степени исследованы остатки построек на семи поселениях эпохи поздней бронзы, три из которых раскопаны полностью.

Sergeeva O.V.

THE EXCAVATIONS OF SETTLEMENTS OF THE LATE BRONZE PERIOD IN ZAVOLJYE IN 1920s OF THE XX CENTURY

The local history museum of Pugachev founded in 1919 makes active researches in Zavoljye in 1920s of the XX century. The head of the museum since 1921 was K.I. Juravlev. And here starts the professional activity of A.I. Trenojin. He sinks the prospect holes or makes excavations of the settlements.

As a rule the diggings deal with the foundation pits of the constructions. It is worthy to note the responsibility, accuracy and carefulness of the scientists' approach to their scientific researchers taking into account the fact that they were not the professional archeologists at that time.

Unfortunately this abundant practical material has not been examined by the researchers, in point of fact. This article is about the excavations of abovementioned settlements. We have gathered and prepared for publication all materials

that can be found in the collections of the Pugachev's local history museum (reports, diaries, findings). As a result of the archeological researches of 1920s of the XX century the ruins of 7 settlements' constructions of the late bronze period were researched in a varying degree. 4 of them are completely excavated (Uspenka 1, Klopaha, Kalach lake).

Источники:

Журавлев К.И. Древний очаг в устье р. Клопихи и раскопка его. 28 авг. 1922 г. / Архив ПКМ, № 29.

Журавлев К.И. Отчет заведующего Пугачевским музеем местного края К.И. Журавлева об археологических разведках и раскопках, произведенных в Пугачевском уезде, Сам. губ., в 1923 г. / Архив ПКМ. № 30.

Журавлев К.И. Отчет об археологических разведках, произведенных в Пугачевском уезде в 1923 году / Архив ПКМ. № 66.

Журавлев К.И. Черновые отчеты, дневники, записи об археологических экспедициях директора музея Журавлева К.И. за 1923–1924 гг. / Архив ПКМ, № 67.

Журавлев К.И. Отчет об археологических исследованиях в Пугачевском уезде за 1924 г. / Архив ПКМ № 31(68).

Журавлев К.И. Археологические разведки по верхнему течению р. Б. Иргиз в июне 1925 г. / Архив ПКМ.

Тереножкин А.И. Отчет об археологических работах, произведенных летом 1927 г. в Пугачевском уезде / Архив ПКМ, № 33.

Тереножкин А.И. Археологические работы в Пугачевском уезде летом 1927 года / Архив ПКМ, № 70.

Тереножкин А.И. Дневник археологических работ в Пугачевском уезде летом 1928 года / Архив ПКМ.

Литература:

Алексей Иванович Тереножкин (некролог) // СА. 1982. № 3.

Волков В.А. Разведки в Пугачевском районе Саратовской области в 2007 году // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2008. Вып. 8.

Гольмстен В.В. Материалы по археологии Самарской губернии // Материалы по изучению Самарского края. Самара, 1928. Вып. 5.

Изотова М.А., Малов Н.М., Слонов В.Н. Классификация форм керамики и периодизация поселений хвалынской культуры эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Археологические вести. Саратов, 1993. Вып. 1.

История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000.

Качалова Н.К. Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.

Лопатин В.А. Опыт статистического анализа керамики срубных поселений степной левобережной зоны Нижнего Поволжья // Вопросы отечественной и всеобщей истории. Саратов, 1987.

Лопатин В.А. Построечные комплексы периода становления срубной культуры степного Волго-Уральского междуречья // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996.

Лопатин В.А. Срубные поселения степного Волго-Уралья: Уч. пос. Саратов, 2002.

Малов Н.М. Хвалынская культура валиковой керамики эпохи поздней бронзы в Поволжье (по материалам поселений) // Задачи советской археологии в свете решений 27 съезда КПСС: Тез. науч. конф. Суздаль, 1987.

Малов Н.М. Литейные формы с нижневолжских поселений срубной культурно-исторической области // Поволжский край. Саратов, 2005. Вып. 12.

Мимоход Р.А. Некоторые вопросы семиотической организации пространства жилища срубной культуры по материалам культовых комплексов // Северо-Восточное Приазовье в системе древностей (энеолит-бронзовый век). Донецк, 1996. Ч. 2.

Мимоход Р.А. Строительные жертвоприношения в жилищах со столбовой конструкцией на поселениях срубной культуры // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1999.

Мимоход Р.А. Критерии выделения поселенческих культовых комплексов эпохи поздней бронзы // Проблемы археологии и архитектуры. Донецк-Макеевка, 2001. Т. 1: «Археология».

Памятники срубной культуры Волго-Уральское междуречье // Свод археологических источников. Вып. В 1-10. Т. 1. Саратов, 1993.

Рыков П.С. Результаты археологических исследований в Нижнем Поволжье летом 1923 г. // Уч. зап. СГУ. 1925. Вып. 3. Т. 3.

Рыков П.С. К вопросу о культурах бронзового века в Нижнем Поволжье // Изв. НВИК. 1927. Т. 2.

Синицын И.В. Древние памятники в бассейне Иргиза по раскопкам 1938-1939 гг. // Ученые записки СГУ. Т. XVII.

Синицын И.В. Поселения эпохи поздней бронзы степных районов Заволжья // СА. 1949. № 11.

Сулейменова Н.И. Информационный вестник Саратовского областного музея краеведения. Выпуск 75, январь 2.

Тереножкин А.И. Основы хронологии предскифского периода // СА. 1965. № 1.

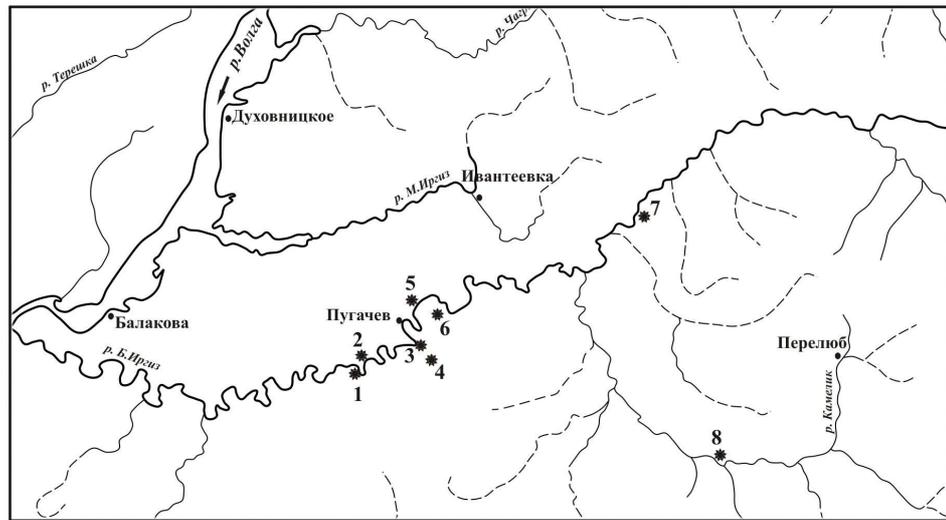

Рис. 1. Поселения эпохи поздней бронзы, подвергшиеся раскопкам К.И. Журавлева и А.И. Тереножкина в 1922-1928 гг.: 1 - Сармин овр., 2 - Лопуховый Мар, 3 - Устье М. Клопихи, 4 - М. Клопиха, 5 - Успенка-1, 6 - оз. Калач, 7 - Долгое озеро, 8 - Кузябаево-2.

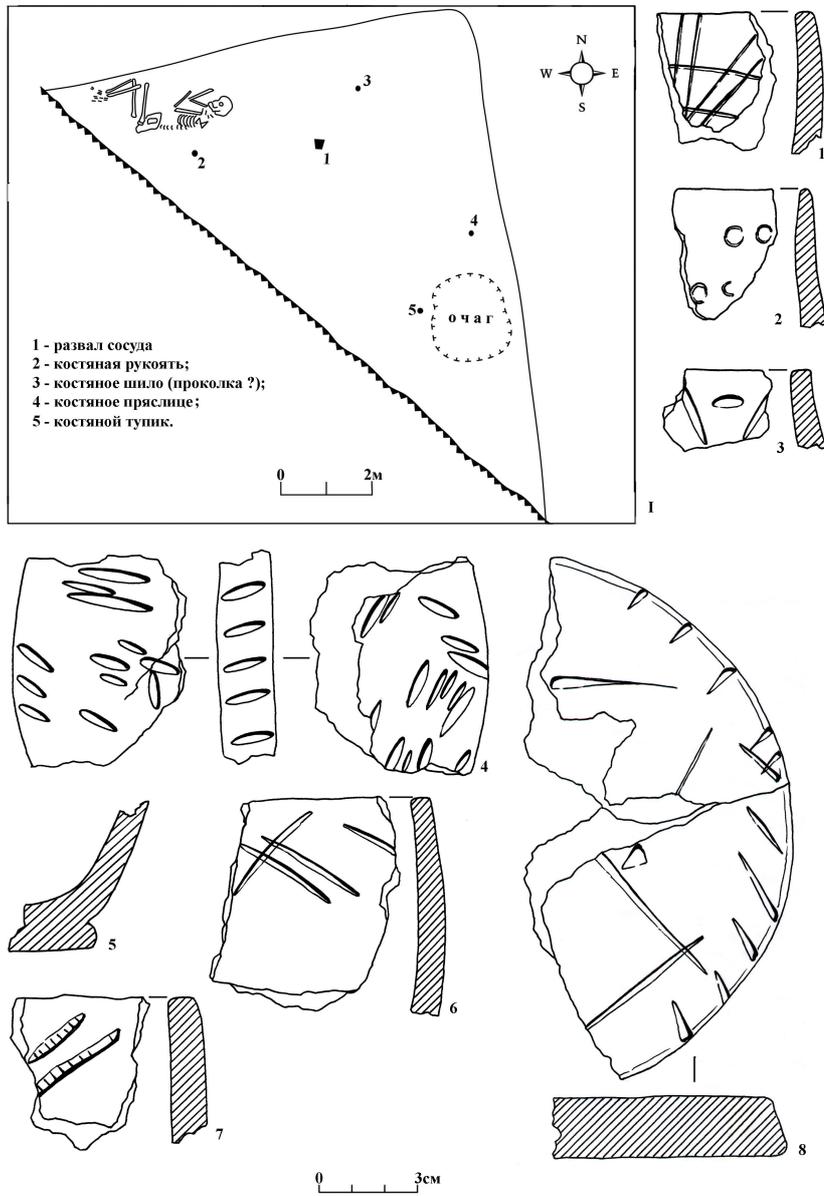

Рис. 2. Поселение Клопиха. Раскопки А.И. Тереножкина, 1928 г.:
 1 – план землянки (с рисунка А.И. Тереножкина); 1–8 керамика с поселения.

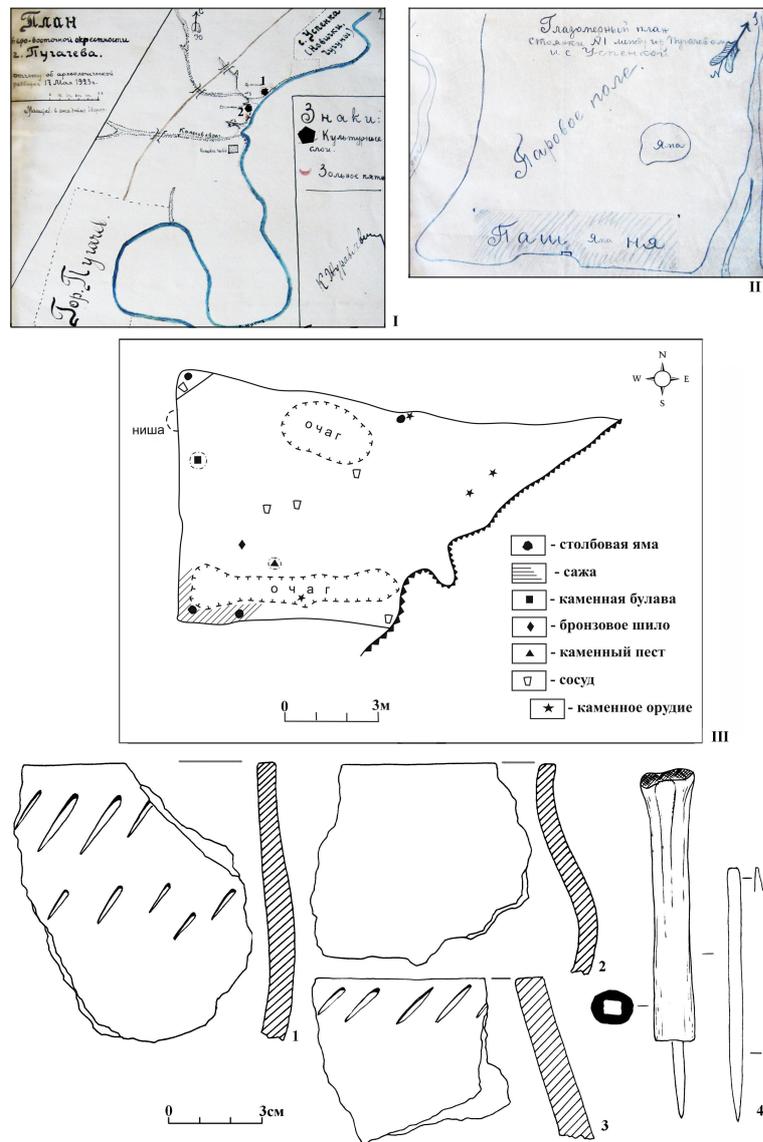

Рис. 3. Поселение Успенка 1: I – план местности северо-восточной окрестности г. Пугачева с поселениями Успенка-1 и 2 (рисунок К.И. Журавлева, 1923 г.); II – план поселения Успенка-1 (рисунок К.И. Журавлева, 1923 г.); III – план землянки (с рисунков А.И. Тереножкина, 1927 г.). 1-3 – керамика; 4 – бронзовое шило с костяной рукояткой.

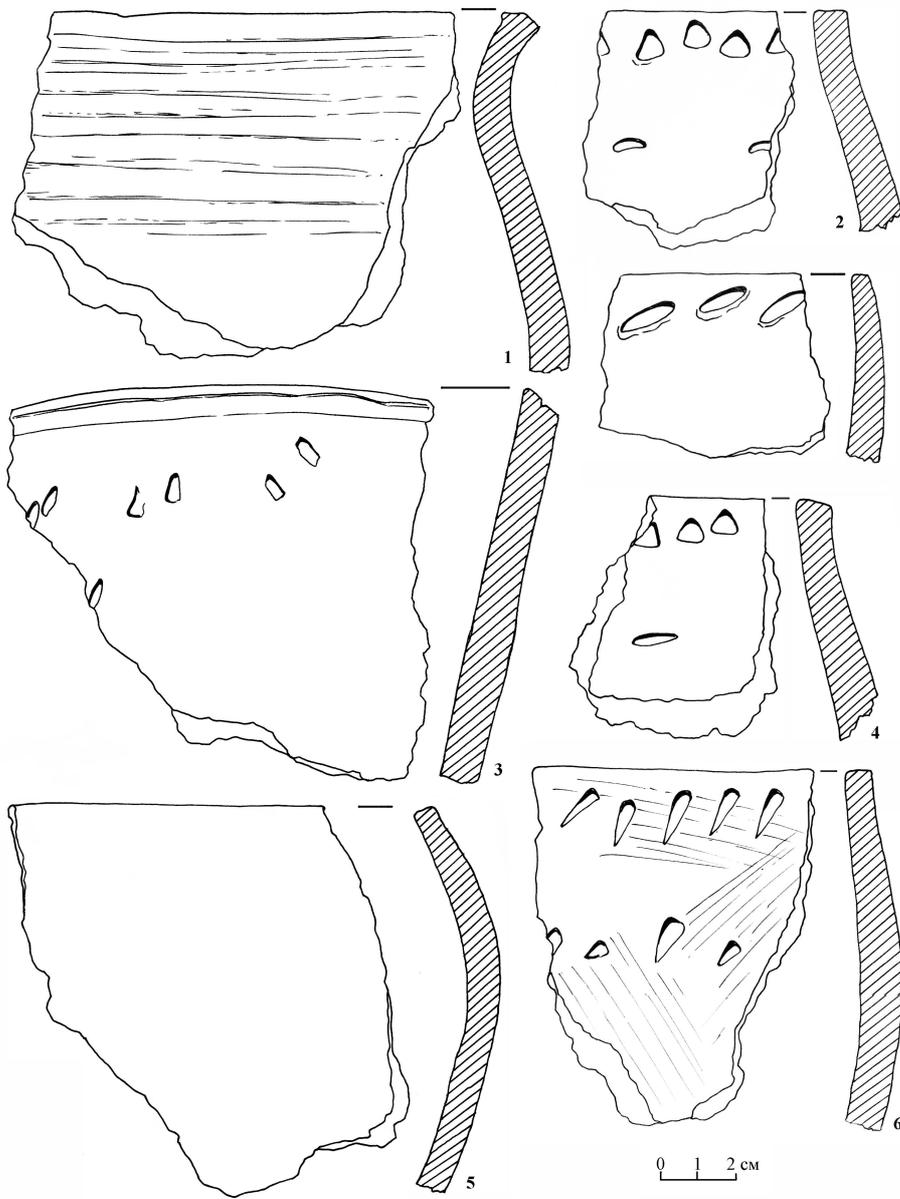

Рис. 4. Керамика с поселения Успенка-1. Раскопки А.И. Тереножкина, 1927 г.

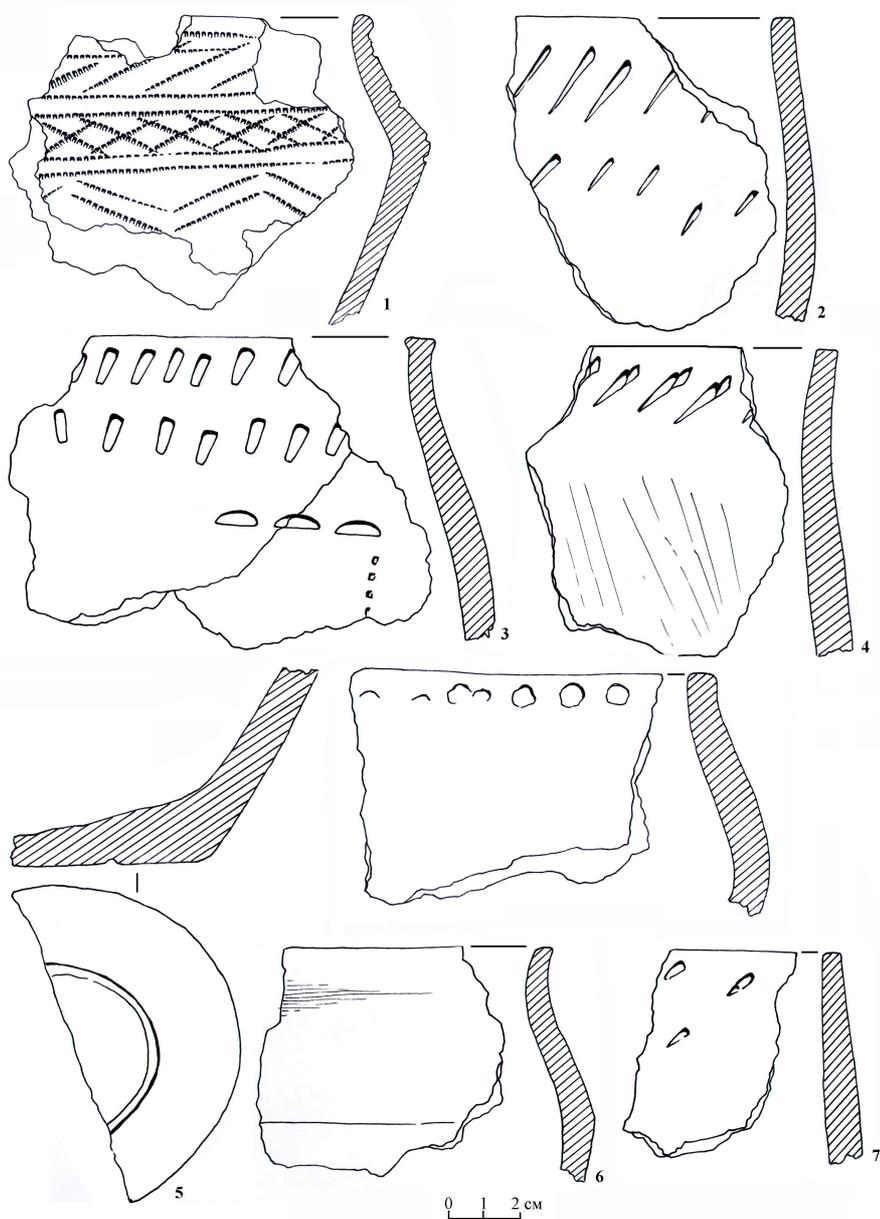

Рис. 5. Керамика с поселения Успенка-1. Раскопки А.И. Тереножкина, 1927 г.

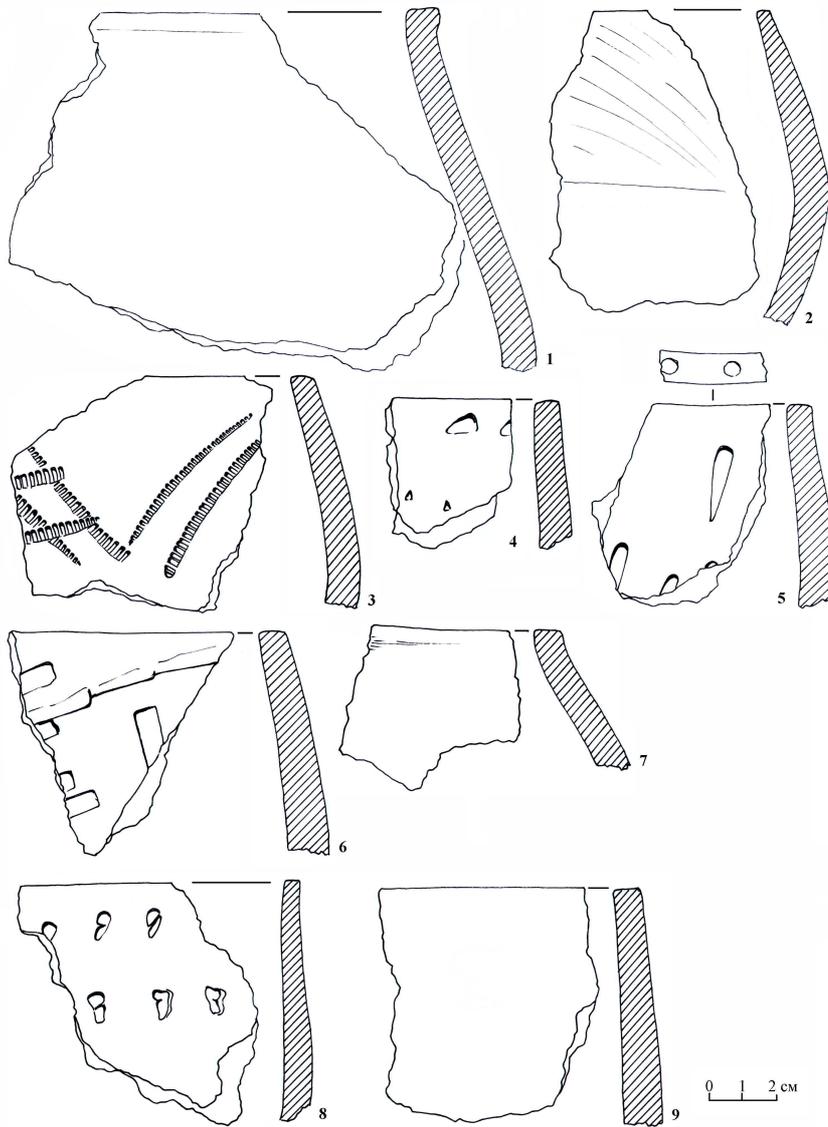

Рис. 6. Керамика с поселения Успенка-1. Раскопки А.И. Тереножкина, 1927 г.

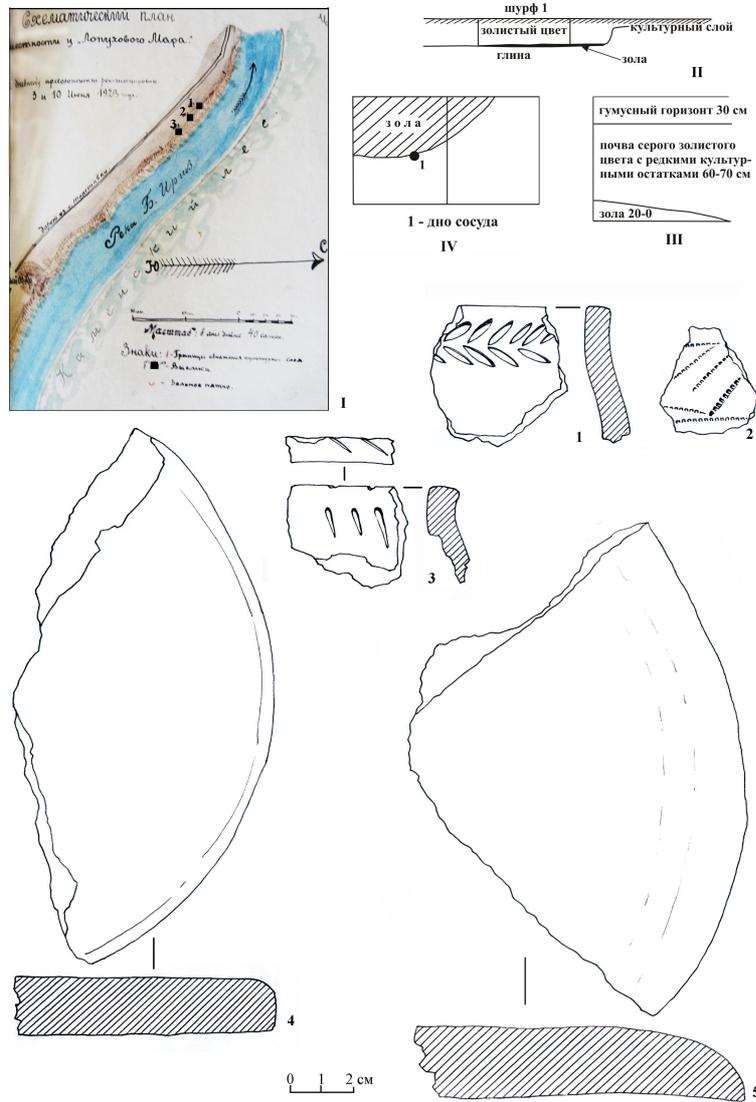

Рис. 7. Поселение Лопуховый Мар: I - план местности у Лопухового Мара с нанесенными шурфами, 1924 г. (рисунок К.И. Журавлева, 1924 г.); II - схема берегового обрыва с шурфом; III - план раскопа; IV - профиль раскопа (II-IV - с рисунков А.И. Тереножкина, 1927 г.). 1-5 керамика.

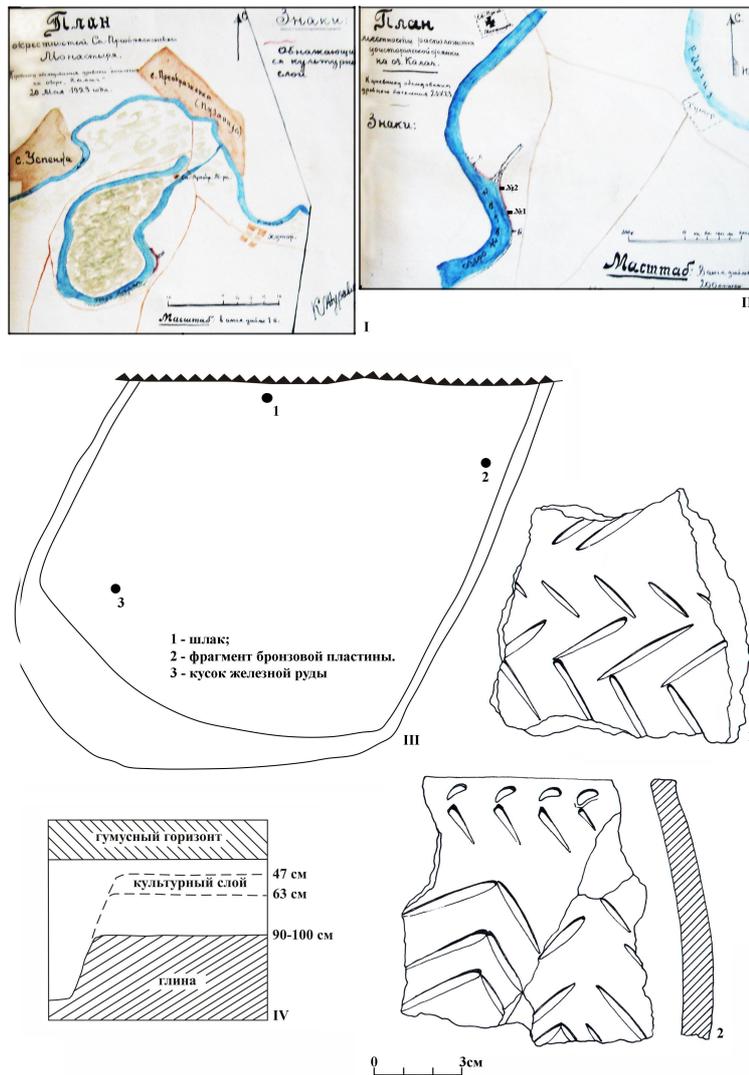

Рис. 8. Поселение «Озеро Калач»:

- I – план местности у Сисасо-Преображенского монастыря (рисунок К.И. Журавлева, 1923 г.);
 II – план поселения «Оз. Калач» с шурфами 1923 г. (рис. К.И. Журавлева, 1923 г.);
 III – план землянки 2 (с рисунка А.И. Тереножкина, 1927 г.);
 IV – профиль траншеи I, участка 4 (с рисунка А.И. Тереножкина, 1927 г.). 1-2 керамика.

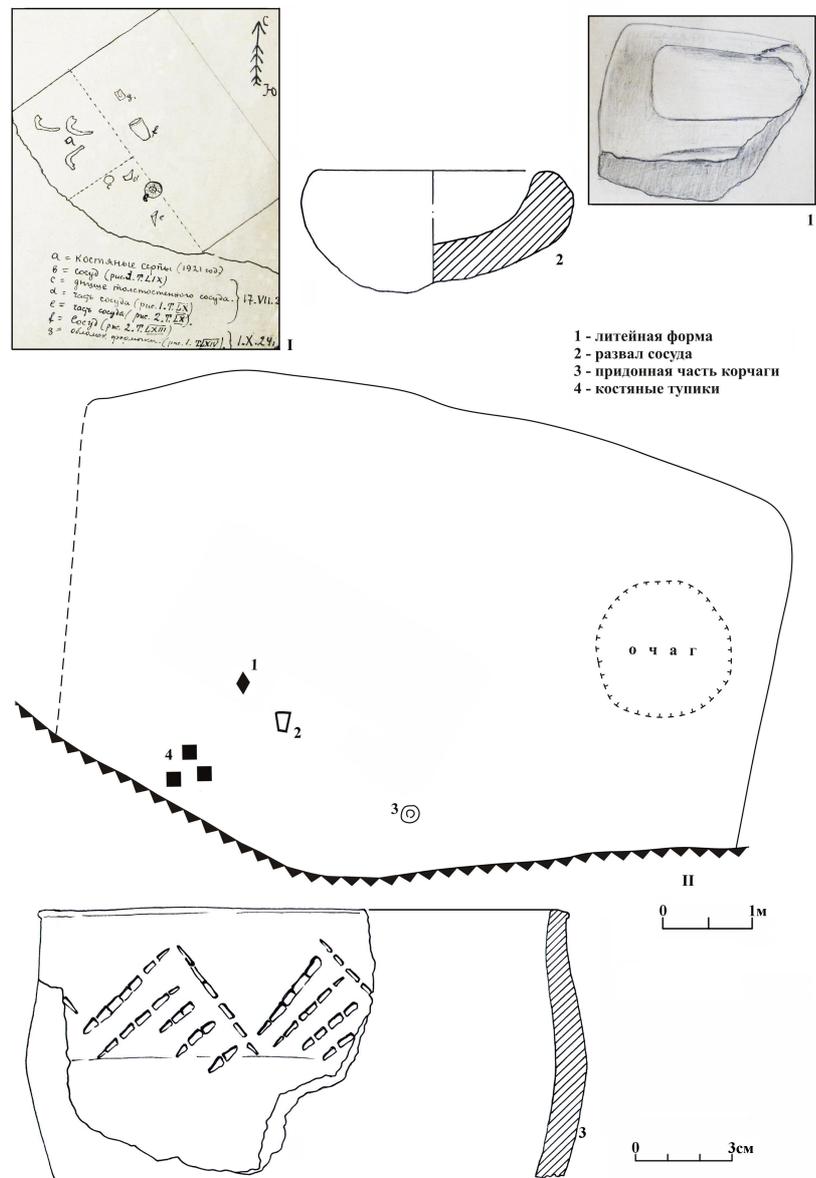

Рис. 9. Поселение «Озеро Калач»: I - план раскопов 1921, 1924 гг. (рис. К.И. Журавлева, 1924 г.); II - план землянки 1 (с рисунка А.И. Тереножкина, 1928 г.). 1 - фрагмент литейной формы (рисунок К.И. Журавлева), 2-3 - керамика.

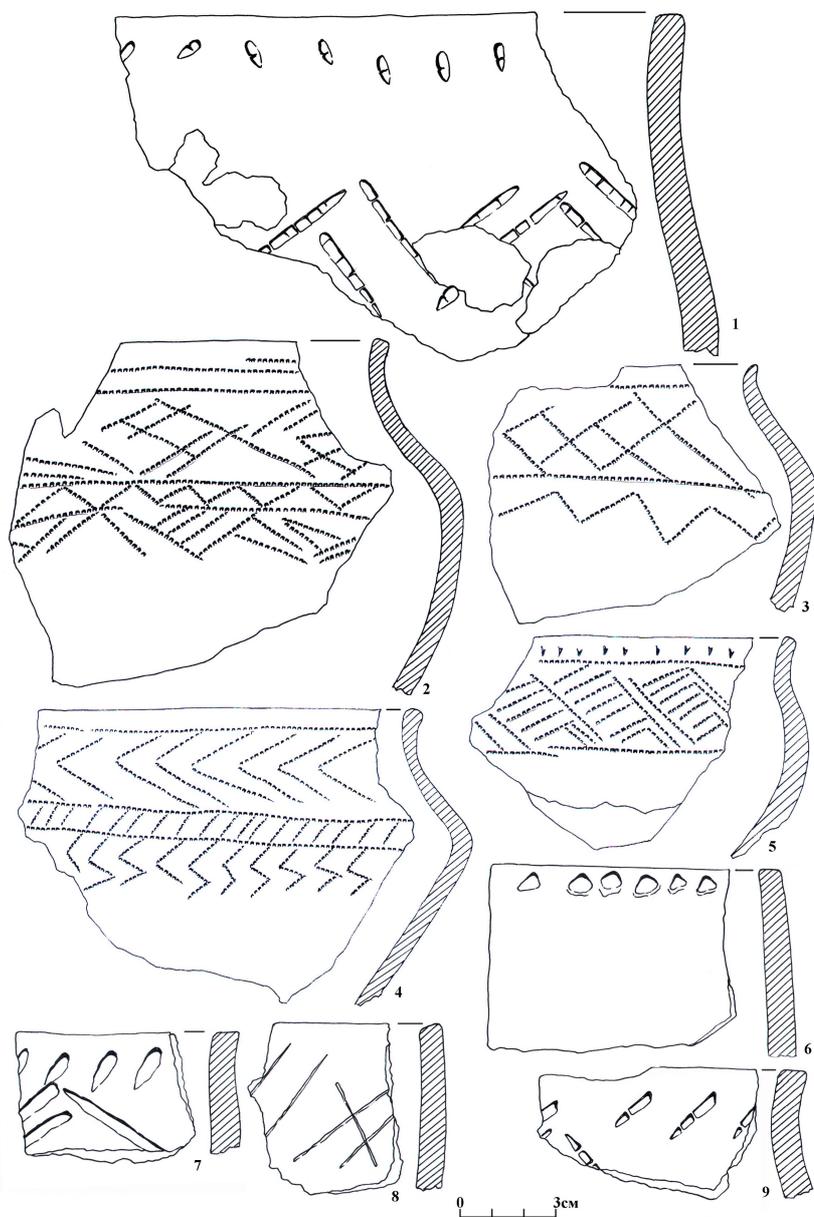

Рис. 10. 1-5 - керамика с поселения «Озеро Калач» (2-5 с рисунков А.И. Тереножкина, 1927 г.);
6-9 - керамика с поселения Сармин овраг.

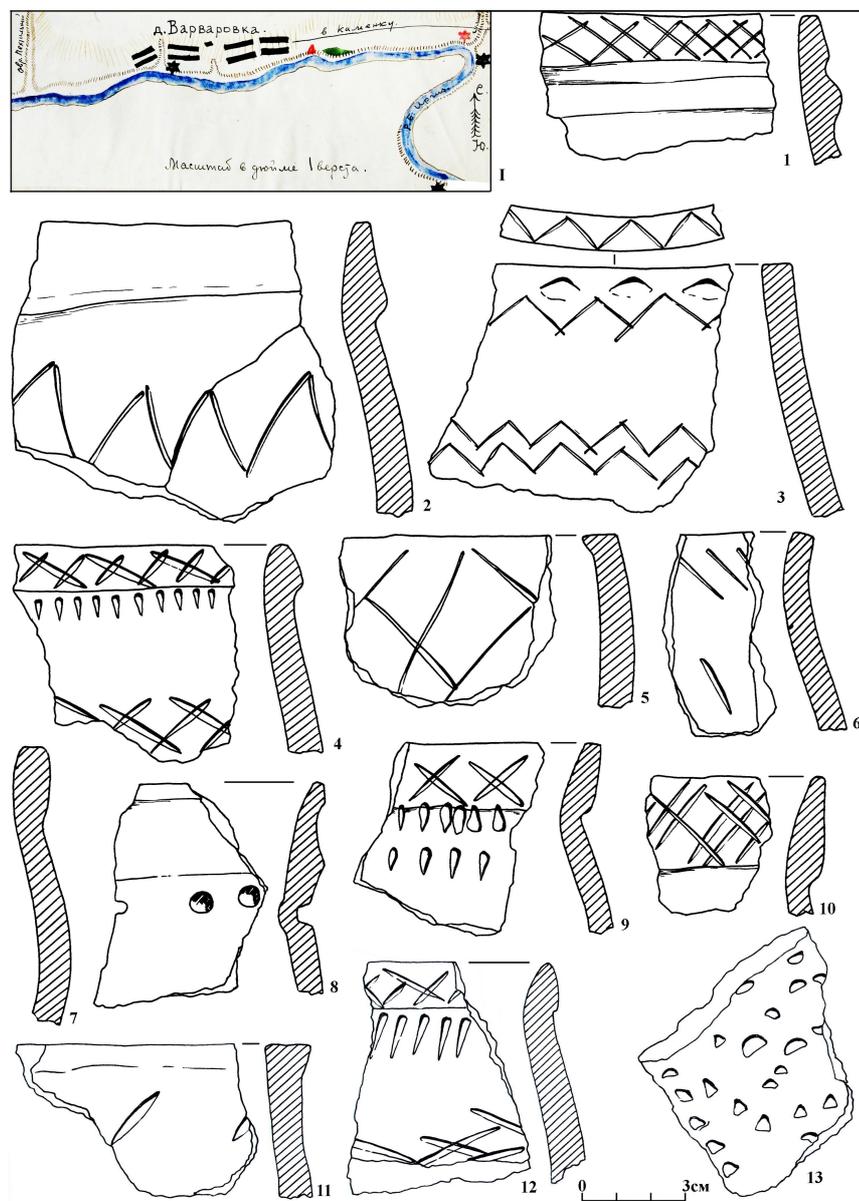

Рис. 11. Поселение «Сармин овраг»: I – план расположения поселения (рисунок К.И. Журавлева, 1927 г.); 1–13 – керамика.

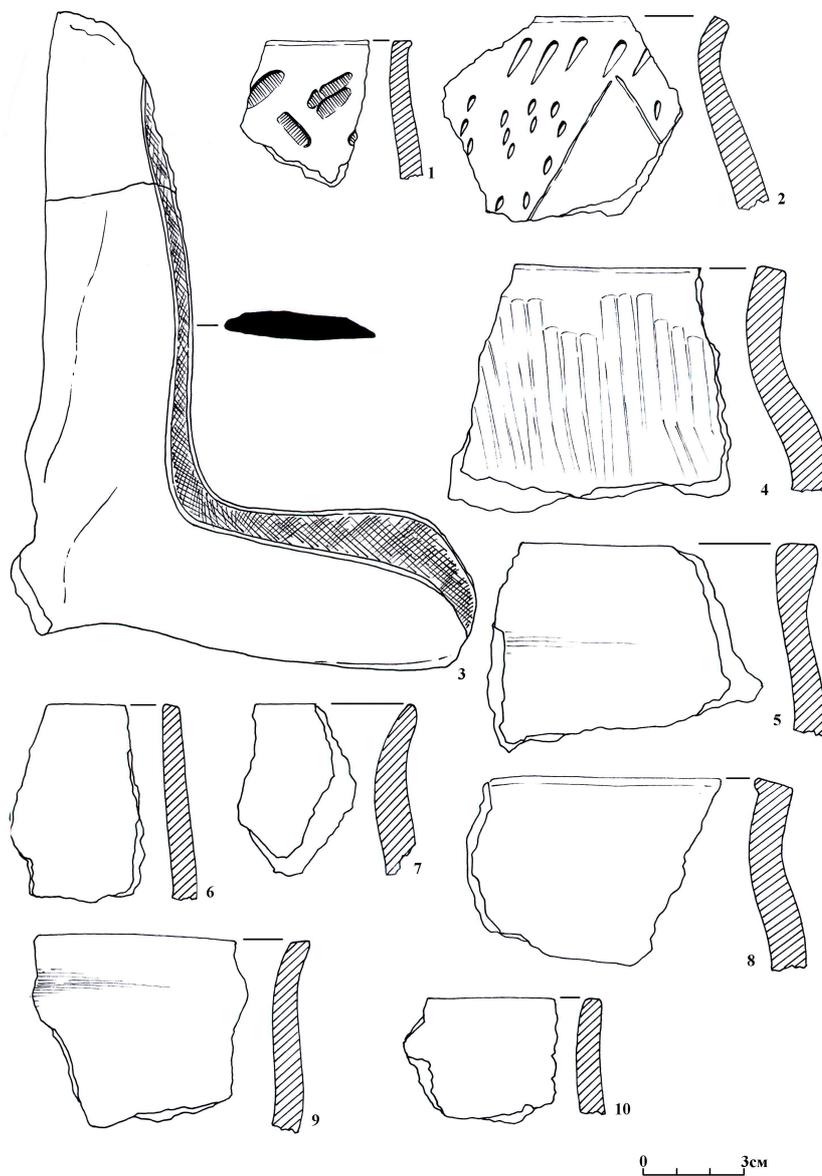

Рис. 12. 1-3 - находки с поселения «Сармин Овраг»: 1-2 - керамика; 3 - костяное орудие.
4-10 - керамика с поселения «Кузябаево 2».

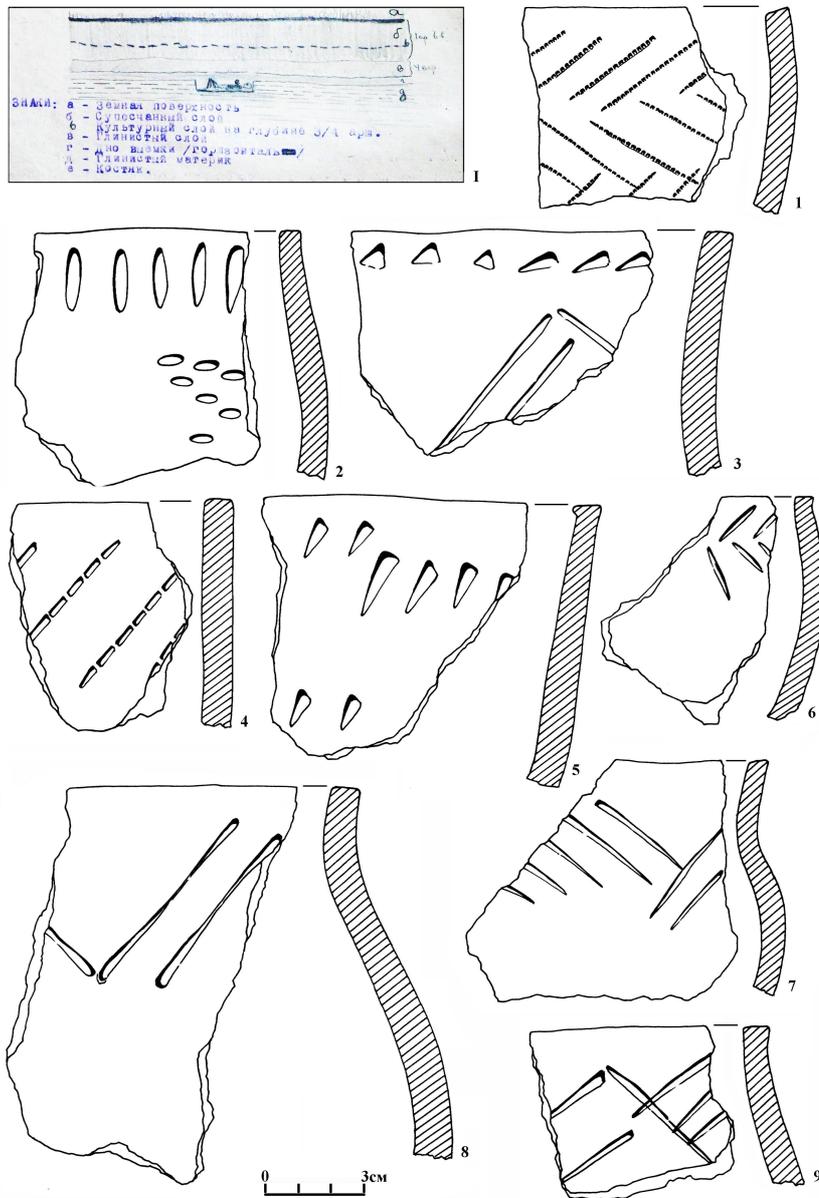

Рис. 14. Поселение «Долгое Озеро» (правый берег):
 I - план-схема расположения погребения (рисунок К.И. Журавлева, 1923 г.);
 1-9 - керамика.

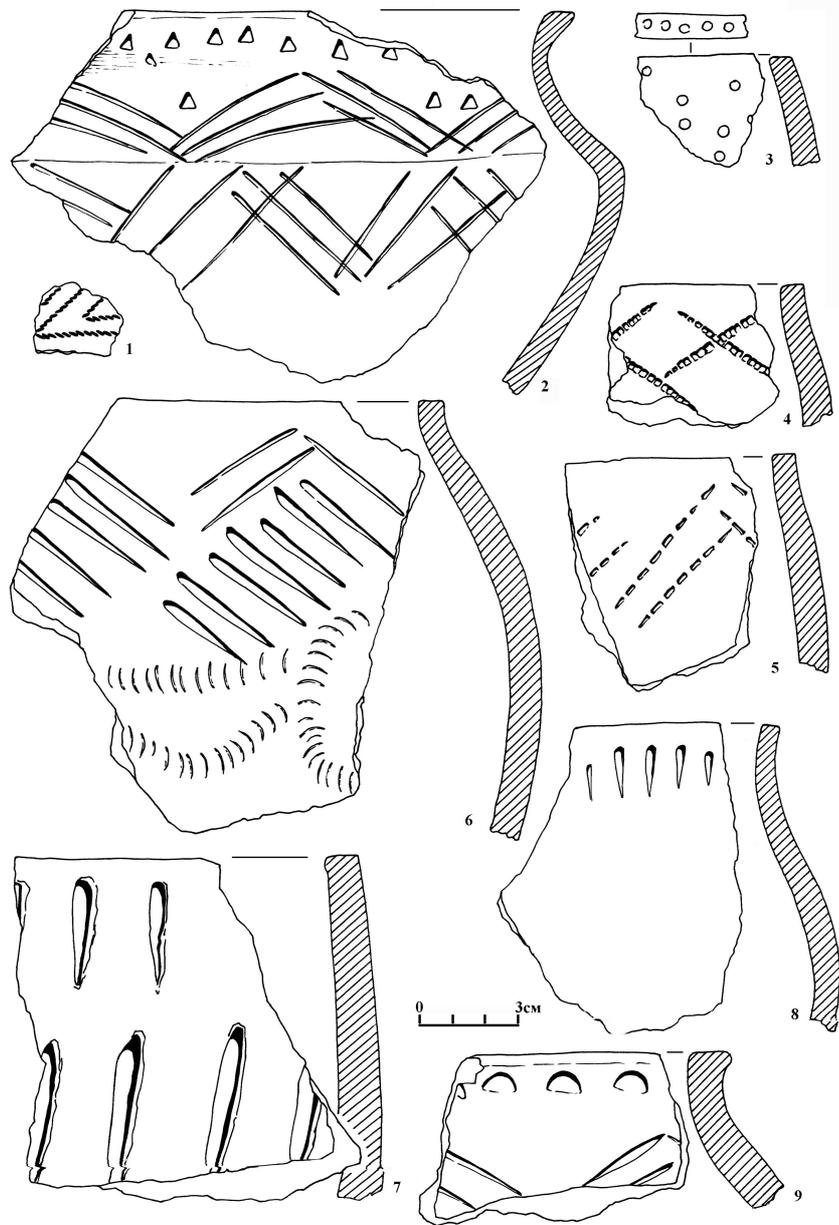

Рис. 15. Керамика с поселения «Долгое Озеро» (правый берег). Сборы 1925 года.

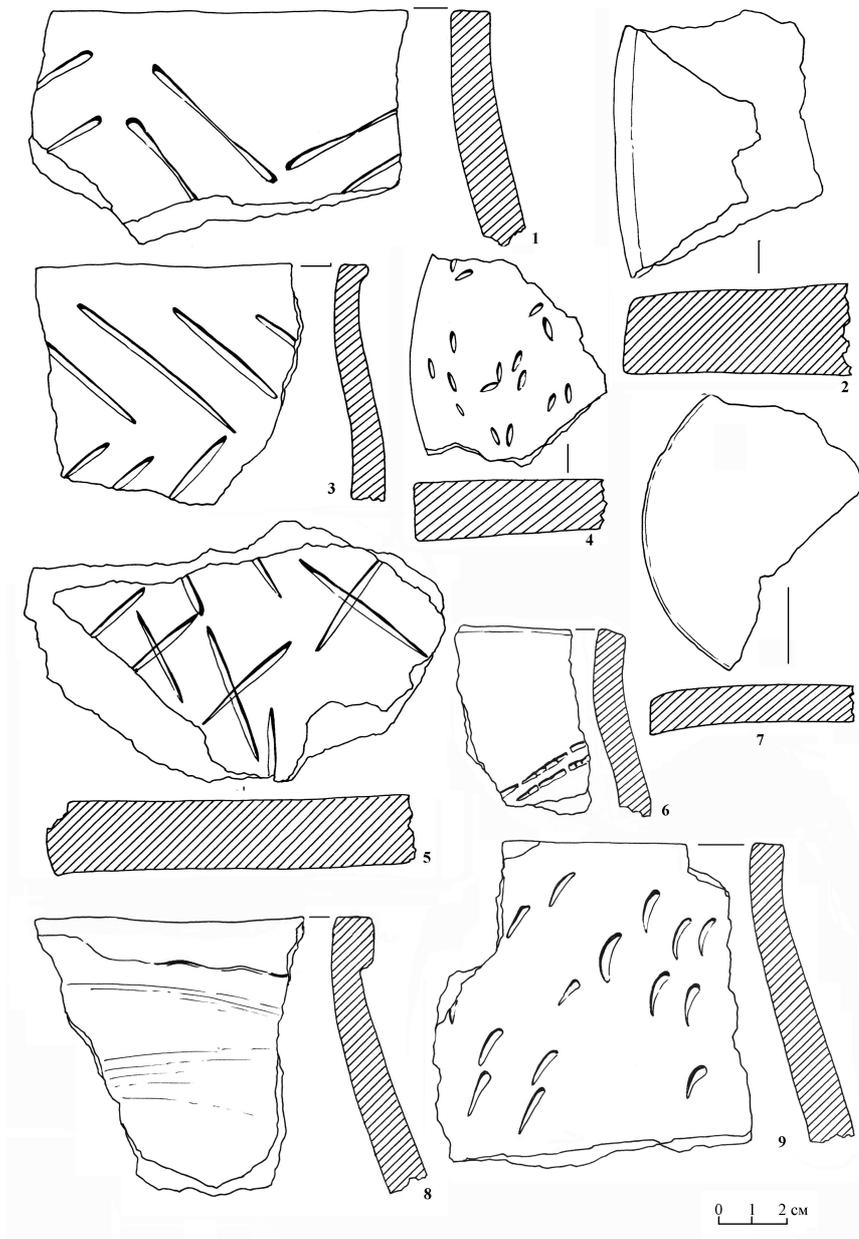

Рис. 16. Керамика с поселения «Долгое Озеро» (правый берег).

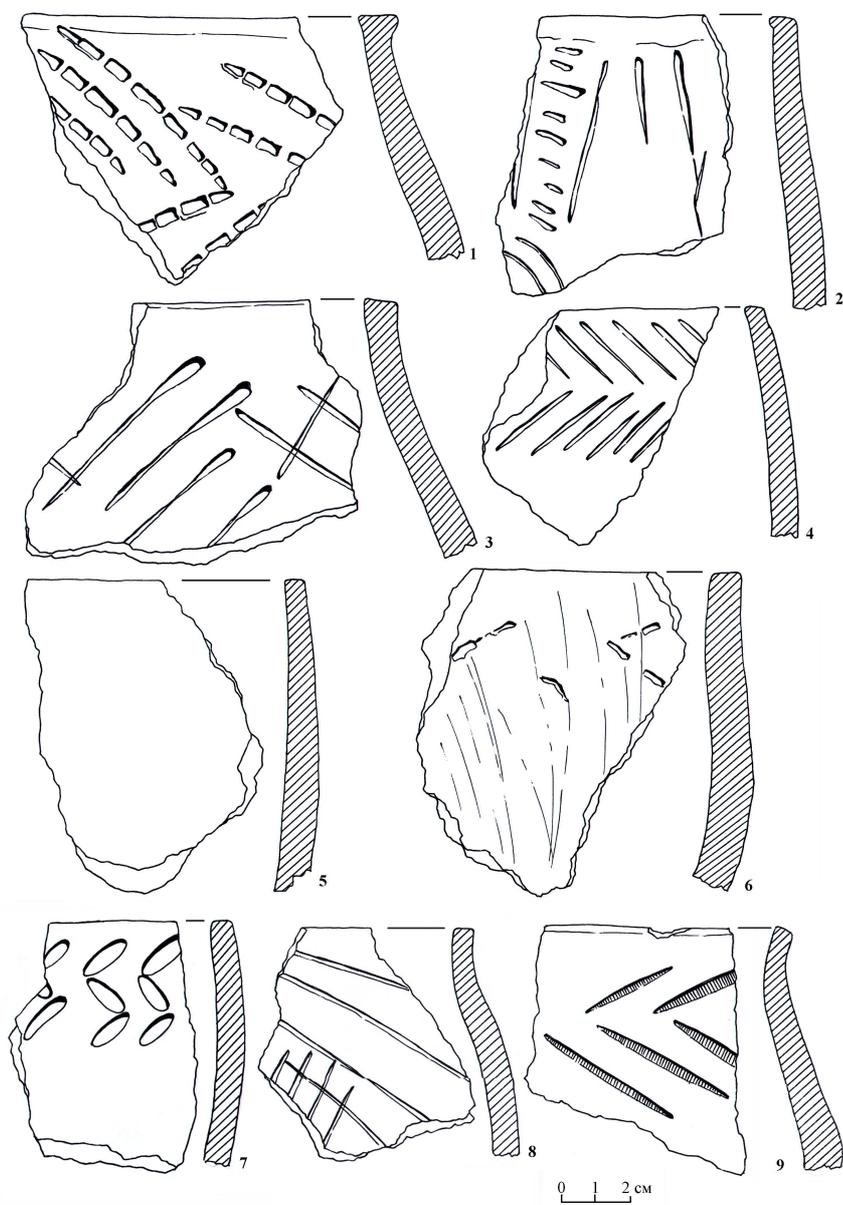

Рис. 17. Керамика с поселения «Долгое Озеро». 1-6 – правый берег; 7-9 – левый берег.

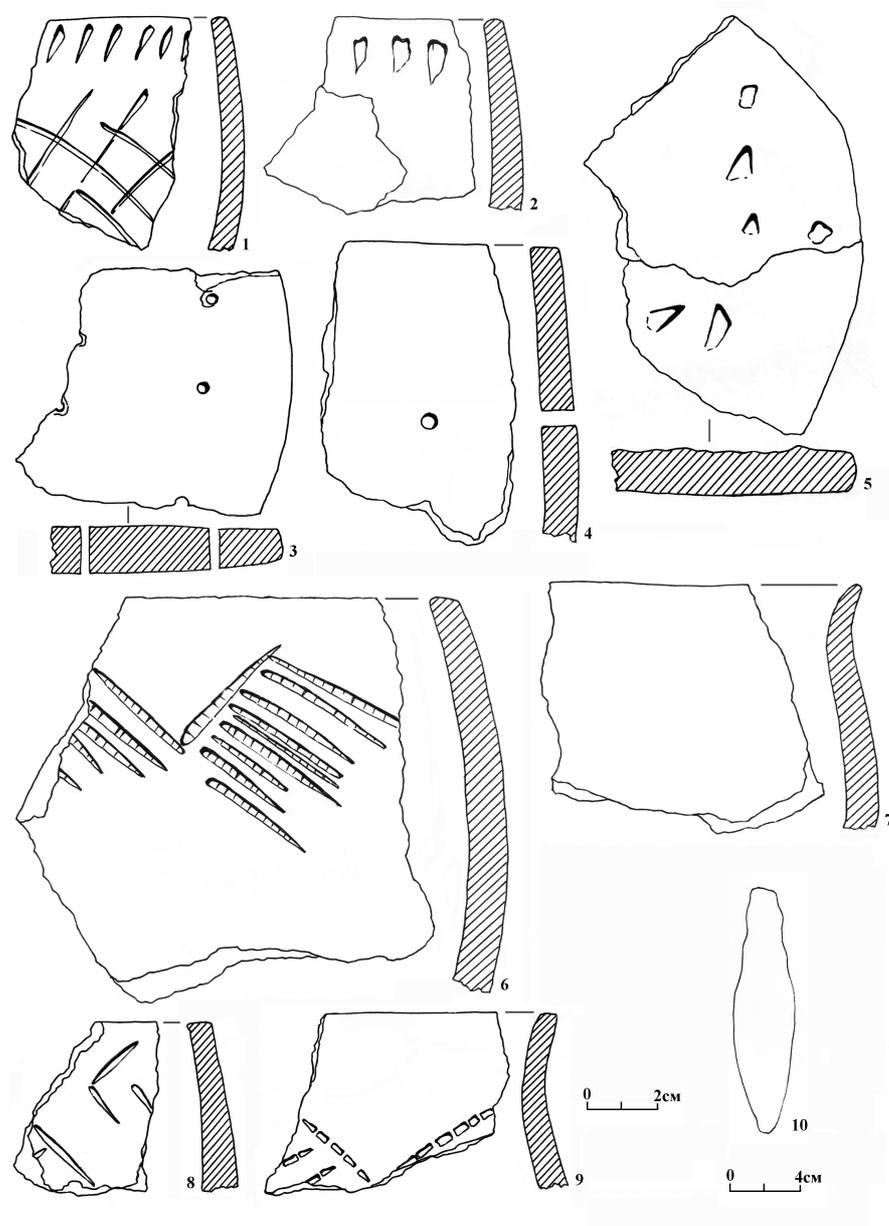

Рис. 18. Находки с поселения «Долгое Озеро» (левый берег):
1-9 - керамика; 10 - бронзовый нож (с рисунка К.И. Журавлева).

*Орленко А.В., Жирун М.Ю.,
Ларенок П.А.*

ОХРАННЫЕ РАСКОПКИ
ПОСЕЛЕНИЯ НОВО-БАХМУТОВКА-1 В РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Памяти А.Д. Матюхина.

Осенью 2007 г. под руководством А.Д. Матюхина были проведены охранные археологические раскопки поселения Ново-Бахмутовка-1 в Октябрьском районе Ростовской области. Поселение расположено по левобережью верхнего течения реки Кадамовка в 0,5 км южнее села Ново-Бахмутовка. Памятник занимает первую надпойменную террасу реки. Естественными границами поселения являются с запада – пойма реки, с юга и севера – лощины, восточная граница образована склоном водораздельного возвышения, которое отделяет долину р. Кадамовка от долин ее левых притоков. Северная часть поселения частично разрушена выборками грунта на дамбу пруда.

Поселение Ново-Бахмутовка-1 является частью археологического комплекса, занимающего оба берега верховьев р. Кадамовка. На правобережье находится поселение Ново-Бахмутовка-2, раскопки которого дали хронологически близкие материалы поселению Ново-Бахмутовка-1 [Крайсветный М.И., 2007 г.].

Раскоп на поселении Ново-Бахмутовка-1 – 40 x 38 м (1520 квадратных метров) был ориентирован длинной осью по линии С-Ю. Стратиграфические разрезы однотипны и маловыразительны, отражают процессы рвазрушения и переотложения археологических материалов. В полевом дневнике А.Д. Матюхина дано следующее их описание:

«Верхний задернованный слой подвергался распашке, толщиной 20–25 см, серого цвета.

Ниже располагается более темный слой лугового чернозема, фиксируемый до материка.

Материк – желтый суглинок, над ним фиксируется серый суглинок с содержанием в нем незначительного количества карбонатов». Общая мощность напластований выше материка составляла 40–95 см.

В середине 20 века территория поселения активно распаивалась и использовалась как орошаемый участок огородной бригады. Распашка и поверхностный смыв разрушили древние культурные напластования.

Насыщенность напластований (полевая таблица А.Д. Матюхина).

Пласт/ группа находок	1	2	3	4	Всего
Лепная керамика	12	32	19	7	70
Гончарная керамика	29	22	9	1	61
Кремень	10	16	14	16	56
Кварцит	2			2	4
Кость (обломки костей животных)	7	61	33	22	123
Камень	2			1	3

Керамические фрагменты на поселении разновременные. Так, более половины фрагментов гончарной керамики относится к концу XIX – первой половине XX века (33 из 61). остальная часть керамических фрагментов гончарных и лепных хронологически распределилась так:

пласт	14 век		8-9 вв.			1-3 вв.	Поздний бронзовый век	Ранний бронзовый век, энеолит
	амфоры	кувшины	амфоры	кувшины	горшки	амфоры		
	1		3	2	3	2		5
2	1	2	4	6	1		29	
3		2	1	1		2	22	1?
4						1	9	1

14 век. Это фрагмент трапезундской амфоры и обломки гончарных кувшинов с красновато-коричневой поверхностью и характерным серым закатом на изломе черепка.

Материалы 8-9 века: амфоры – красноглиняные черепки от провинциально-византийских («северопричерноморских») транспортных сосудов, почти в равных количествах представленных продукцией гончарных мастерских юго-западного (4) и юго-восточного (3) Крыма.

Столовая посуда – фрагменты 2-3-х сероглиняных кувшинов, украшенных полосами вертикального лощения.

Кухонная посуда представлена маловыразительными фрагментами стенок лепных горшков.

1-3 вв. н. э. – мелкие обломки стенок светлоглиняных амфор, происходящих из керамических центров южного берега Черного моря.

Керамика позднего бронзового века сильно фрагментирована, профильные части сосудов единичны. Преобладают сосуды баночной формы. Декор сосудов представлен углубленным орнаментом выполненным по сырой глине в виде наклонных коротких вдавлений стержнем и проглаженными горизонтальными ложбинками.

К раннему бронзовому веку – энеолиту можно отнести единственный фрагмент, украшенный параллельными рядами оттисков зубчатого штампа.

Наиболее выразительны материалы кремневой индустрии. Изделия из камня представлены 33 предметами, из них – 27 кремь, песчаник – 3, сланец – 2, кварцит – 1 экз.

Нуклеусы – 2 экз.

Оба ядрища объемные, параллельно-плоскостного способа расщепления. Одно оставлено на начальной стадии оформления (рис. 1, 1). Кремь очень низкого качества, с многочисленными известковыми включениями. В нижней части предмета отмечено конусное отверстие природного происхождения. Расщепление велось с одной ударной площадки, оформленной серией разнонаправленных сколов. Рабочая плоскость оформлена широкими, грубыми пластинчатыми сколами вдоль предполагаемой оси скальвания, по всему периметру нуклеуса.

Второй экземпляр (рис. 1, 2) – цилиндрическое, хорошо оформленное, довольно сильно сработанное ядрище, для скальвания пластин. Расщепление велось по всему периметру, ширина негативов колеблется от 6 до 9 мм. В качестве сырья использован небольшой желвак коричневого кремья. В нижней части предмета отмечено небольшое известковое включение, ставшее, видимо, причиной нескольких неудачных, «заломившихся» сколов. Нуклеус имеет две противолежащие ударные площадки, оформленные серией мелких сколов. Большая часть пластин снята с верхней, основной площадки, вторая, судя по негативам, была оформлена позже. После серии неудачных сколов с нижней площадки, нуклеус был оставлен. По всей видимости, причина этого кроется в исходных размерах заготовки, исключающих возможность подправки ударных площадок, что неизбежно привело бы к еще большему укорачиванию нуклеуса.

Отщепы и обломки 10 экз.

Отщепы делятся на три метрические группы: большие, средние, малые. Большие представлены двумя предметами. Первый отщеп (рис. 2, 2) размерами 75 x 40 x 16 мм, изготовлен из сырья низкого качества, имеет продолговатую форму. На спинке отмечено несколько негативов разнонаправленных сколов, а также большой участок желвачной корки. Второй, (рис. 2, 1) также продолговатой формы, из хорошего кремья серого цвета, метрические показатели 65 x 35 x 7 мм. На спинке отщепа отмечены несколько негативов крупных бессистемных снятий, в верхней части крупная ретушь, следствие повреждения. Средние также представлены двумя предметами со схожими размерами – 35 x 32 x 11 мм у первого и 45 x 32 x 15 мм у второго. Первый, проксимальный фрагмент крупного отщепа из плохого сырья, второй каплевидной формы, из коричневого кремья. Спинки обоих покрыты негативами разнонаправленных снятий. Группа некрупных отщепов представлена 5 экземплярами, схожими по метрическим характеристикам, 15–17 x 13–15 x 2–5 мм, в среднем. Кремь, в целом, хорошего качества от полупрозрачного темно-серого до светло-коричневого. Особого внимания заслуживает отщеп (рис. 2, 3), являющийся сколом переоформления верхней части нуклеуса. С целью изменения угла скальвания, боковым ударом была удалена часть площадки вместе с карнизом и небольшим участком плоскости расщепления.

Из выше изложенного можно сделать вывод, что все представленные сколы характерны разными этапами оформления, а потом и утилизации нуклеусов.

Пластинчатые сколы – 7 экз. Среди них две массивные крупные пластины с неровными краями, с искривленным профилем. Одна из них (рис. 2, 4), несомненно, является сколом продольной подправки рабочей поверхности нуклеуса. Обращает на себя внимание плотный известковый налет на брюшке изделия. Второй экземпляр (рис. 2, 7) – менее массивный скол, но тоже довольно грубый, имеет легкую патину на брюшке, а также небольшой участок известкового налета на спинке.

Еще одна грубая пластина, видимо также технологический скол, покрыта очень глубокой патиной. Метрические показатели следующие – 79 x 30 x 17 мм, 62 x 23 x 8 мм, 57 x 18 x 7 мм, 48 x 14 x 6 мм, соответственно.

Вторая группа пластинчатых сколов (четыре предмета) представлена тремя фрагментами от тонких в сечении, с параллельной огранкой спинки сколов и одной целой пластиной. Первый (рис. 2, 6) – проксимальная часть пластины имеет размеры 32 x 17 x 4 мм. Кремень хорошего качества, серого цвета, спинка имеет параллельную огранку, сечение тонкое, не искривленное, края ровные. Ударная площадка тщательно подготовлена очень мелкими сколами, видны следы шлифовки. Второй фрагмент аналогичен первому, имеет размеры 22 x 13 x 4 мм, кремень более низкого качества, площадка готовилась менее тщательно. Третий экземпляр (рис. 2, 5), медиальный фрагмент микропластинки, 20 x 7 x 2.5 мм, изготовлен из качественного прозрачного кремня светло-серого цвета. Спинка двускатная, края параллельные, ровные, в сечении немного искривлена.

Целая пластинка (рис. 2, 8) высотой профиля напоминает т. н. реберчатые сколы. Она неширокая (14 мм) длина изделия 49 мм, толщина 6 мм, в профиле искривлена.

Изделия со вторичной обработкой 8 экз.,

Среди них скребки – 5 экз. Один концевой, высокой формы, выполнен на кашлевидном отщепе (рис. 3, 1), из хорошего, темно-серого кремня. В дистальной, наиболее массивной в сечении части, крупной отвесной ретушью оформлена слабо выпуклая рабочая часть. Непосредственно по краю рабочей кромки отмечена мелкофасеточная, занозистая ретушь. Следующий предмет боковой – скребок (рис. 3, 2) на крупном тонком отщепе. Он имеет неровный рабочий край, оформленный разноразмерной, местами ступенчатой полукрутой ретушью. В верхней части ретушь более крупная и пологая, ближе к кромке мелкая, более крутая, возникшая вероятно в процессе утилизации. Противоположная рабочей кромке сторона приходится на глубокое известковое вкрапление и оставляет впечатление естественного обушка. По его краю также отмечена серия мелких сколов, возникших, по мнению автора, в результате повреждения.

Три скребка относятся к типу концебоковых. Два выполнены на отщепках, но интересно то, что на спинках всех скребков отмечены негативы широких пластинчатых снятий. Один скребок (рис. 3, 3) изготовлен из полупрозрачного кремня медового цвета, имеет подтреугольную форму, все три

стороны рабочие. Рабочая кромка в дистальной части оформлена средне – и крупнофасеточной полукрутой ретушью. Боковые стороны частично ретушированы мелкими пологими сколами.

Следующий скребок (рис. 3, 4) имеет худшую сохранность, трещиноватый, местами отмечены красноватые разводы и выкрошенность на небольшом участке спинки. По всей видимости, это результат кратковременного пребывания в огне. Это изделие имеет меньшие размеры и треугольную форму. Отмечено два рабочих края. Дистальная часть оформлена дорсальной разноразмерной отвесной ретушью, а по самой кромке очень мелкой, занозистой. Боковая часть предмета ретуширована на спинку очень мелкими сколами, образовавшими небольшие заломы. В результате этого ближе к основанию предмета оформился небольшой нависающий карниз. Скорее всего, это следы утилизации изделия, а не результат намеренного оформления рабочей части. Третий скребок (рис. 3, 5) на обломке широкой пластины выполнен из темного кремня высокого качества, имеет прямоугольную форму. Систематическими мелкими сколами оформлены три рабочих края, дистальная и одна боковая часть разноразмерной крутой лицевой ретушью, другая более крупной зубчатой.

Прочие изделия из кремня представлены единичными экземплярами. Одно изделие функционально является скобелем (рис. 3, 6). Изготовлено на обломке крупной пластины, из кремня низкого качества, молочного цвета. В дистальной части предмета отмечена выемка, оформленная мелкой крутой ретушью на спинку.

Кремневое острие (рис. 3, 8) оформлено на узкой, треугольного профиля пластинке, из кремня хорошего качества, темно-серого цвета. На одной стороне предмета по всей длине отмечена мелкофасеточная крутая ретушь на спинку. На противоположной стороне в средней части нанесено несколько сколов более крупной, переходящей в мелкую занозистую, в результате заготовка получила подтреугольную форму. В дистальной части мелкой крутой ретушью оформлена рабочая часть острия.

Обломок высокой трапеции (рис. 3, 7) со струганной спинкой. В качестве заготовки использована пластина из кремня низкого качества, молочного цвета. Предмет изготовлен путем усечения широкой пластины под углом 70° , очень мелкой, почти отвесной ретушью на брюшко. Изделие сильно утончено в сечении, мелкофасеточной струйчатой ретушью вдоль оси заготовки во встречных направлениях, вплоть до полного снятия со спинки ребер негативов прежних сколов.

Изделия из кварцита. Представлены одним массивным отщепом крупнозернистого кварцита низкого качества. На спинке предмета отмечены негативы прежних грубых снятий. Размеры отщепа – 126 x 77 x 29 мм.

Изделия из песчаника – 3 экз. Первый предмет – терочник из очень рыхлого крупнозернистого песчаника, имеет округлую форму, рабочая поверхность заглажена. Остальные два предмета являются абразивными брусками, оба прямоугольной формы, изготовлены из мелкозернистого песчаника, первый имеет одну рабочую плоскость с боковой стороны предмета. У второго экземпляра (рис. 4, 1) активно использовались 5 из 6 сторон прямоугольника. Широкие, верхняя и нижние, плоскости сработаны сильнее, так

что сам брусок с одной стороны приобрел заостренную форму. На их поверхности отмечены несколько неглубоких борозд, возникших в результате абразивного трения, возможно как результат шлифовки (заточки) предмета с острым краем.

Изделия из сланца – 2 экз. Обломок тесла (рис. 4, 2) выполненной из сланцевой плитки коричневого цвета. На уцелевшей стороне предмета выявлены следы шлифовки в виде мелких, коротких царапин, на части рабочего лезвия отмечен сильно затертый участок.

Второй предмет (рис. 4, 3) – обломок точильного(?) бруска, выполненного на сланцевой плитке прямоугольной формы темно-серого цвета. Широкие плоскости предмета хорошо отшлифованы, профиль сужается от уцелевшего края к облому, углы заглажены.

На одной стороне отмечены две перекрещивающиеся бороздки, имеющие разную глубину, на противоположной – несколько параллельных бороздок вписаны в поле, образованное ломаной линией, что, видимо, можно трактовать как намеренное изображение, но полной уверенности в этом нет, так как здесь изделие повреждено.

Подводя итоги, отметим, что уверенности в культурно-хронологической близости всех вышеописанных материалов нет. Применительно к кремневой коллекции, как для заготовок, так и для законченных изделий характерна значительная вариативность метрических показателей, отличия в сырье. Немногочисленность материалов не способствует их уверенному размежеванию по технико-типологическим критериям.

Скребки, изготовленные на крупных заготовках, и трапеция со струганной спинкой находят аналогии в энеолитических памятниках региона¹ и могут быть датированы этим временем. Для более миниатюрных изделий и некоторых пластин нельзя исключать и более ранний возраст. Показательна находка трех грубых пластин, выпадающих из общего контекста коллекции. В архаичности и грубости пластин, как первичных сколов, нет ничего странного, но изделия патинизированы, особенно сильно один экземпляр. Интересно, что два предмета покрыты известковым налетом, который в гумуссированных слоях почвы на камень, как правило, не оседает.

Многочисленные параллели сланцевому рубящему изделию известны в материалах Ракушечной-2² и Раздорского-1 поселения, стоянки Раздорская-2³.

В завершении следует отметить тот факт, что раскопанный памятник, вероятно, не был ограничен левобережьем Кадамовки. На противоположном

¹ Кияшко В.Я. Между камнем и бронзой // Донские древности. Азов, 1994. Вып. 3. Цыбри В.В. Материалы неолита, энеолита и поздней бронзы поселения Нижнесеребряковское-1 в низовьях северского донца // Археологические записки. Ростов-на-Дону, 2002. Вып. 2. Полтаво Г.Н. Комплексный анализ хозяйства энеолитического поселения Константиновское на Нижнем Дону // Неолит – энеолит юга и неолит севера восточной Европы. РАН ИИМК. Санкт-Петербург, 2003. Бритюк А.А., Черных Е.А., Удовиченко Н.И., Удовиченко А.Н. Энеолитические памятники в пойме реки Ольховой на Луганщине // Археологические записки. Ростов-на-Дону, 2003. Вып. 3.

² Белановская Т.Д. Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья: Поселение времени неолита и энеолита Ракушечный Яр. СПб, 1995.

³ Цыбри В.В. Неолит Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья. Ростов на Дону. 2008.

берегу работала экспедиция под руководством М.И. Крайсветного, по мнению которого, различий в археологических материалах обоих памятников нет, в том числе и в каменной индустрии.

Средневековые материалы и находки первых веков нашей эры поселения Ново-Бахмутовка-1 мы расцениваем как «полосу обитания»⁴, сложившуюся на одном из маршрутов традиционных перекочевков.

В позднем бронзовом веке на берегах верховьев реки Кадамовки функционировало сезонное поселение. Так как в напластованиях памятника не выявлено значительных зольных отложений, видимо, это была летняя сезонная стоянка.

Литература:

Кияшко В.Я. Между камнем и бронзой // Донские древности. Азов, 1994. Вып. 3.

Цыбрий В.В. Материалы неолита, энеолита и поздней бронзы поселения нижнесеребряковское-1 в низовьях северского донца // Археологические записки. Ростов-на-Дону, 2002. Вып. 2.

Бритюк А.А., Черных Е.А., Удовиченко Н.И., Удовиченко А.Н. Энеолитические памятники в пойме реки ольховой на луганщине // Археологические записки. Ростов-на-Дону, 2003. Вып. 3.

Поплевко Г.Н. Комплексный анализ хозяйства энеолитического поселения константиновское на нижнем дону // Неолит-энеолит юга и неолит севера восточной Европы. РАН ИИМК. Санкт-Петербург, 2003.

Белановская Т.Д. Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья: Поселение времени неолита и энеолита Ракушечный Яр. СПб., 1995.

Цыбрий В.В. Неолит Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья. Ростов на Дону, 2008.

Плетнева С.А. От кочевий к городам. М., 1967.

⁴ Плетнева С.А. От кочевий к городам. М., 1967.

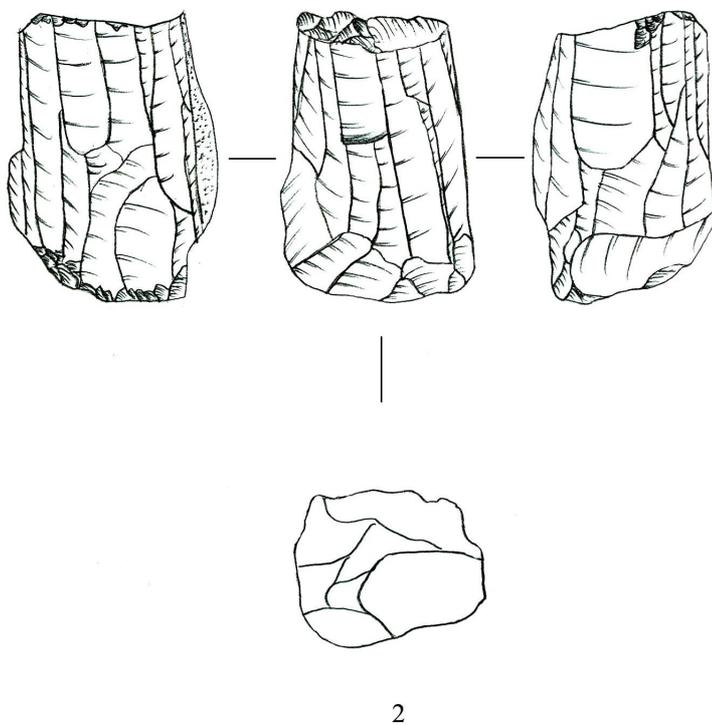
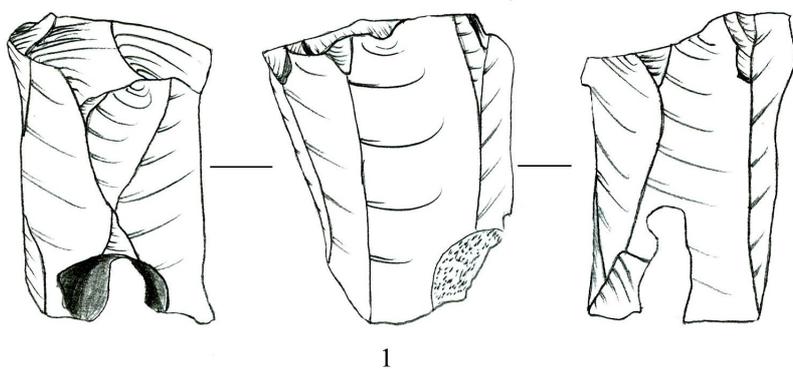

Рис. 1. Новая Бахмутовка-1. Кремневые изделия: нуклеусы

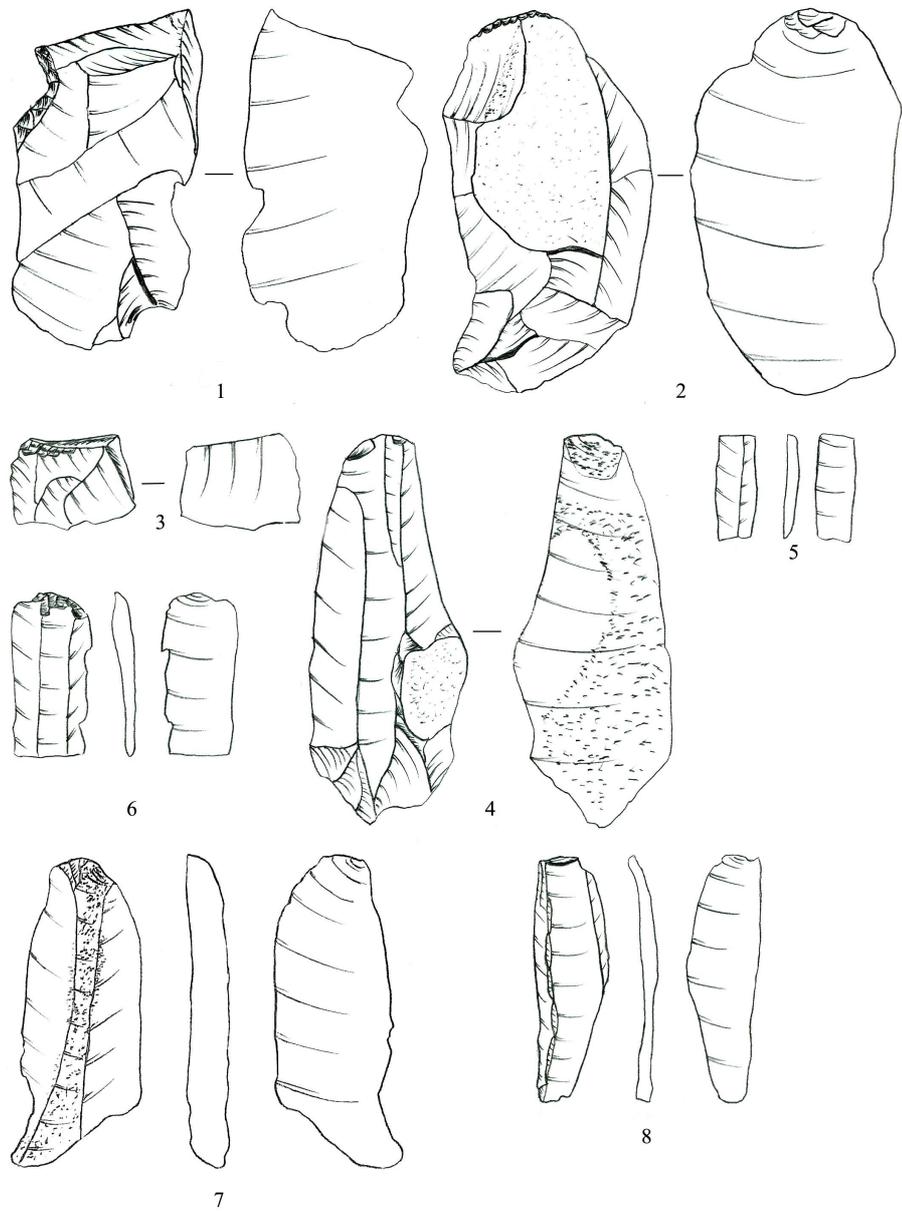

Рис. 2. Новая Бахмутовка-1. Кремневые изделия: 1-3 отщепы, 4-8 пластины

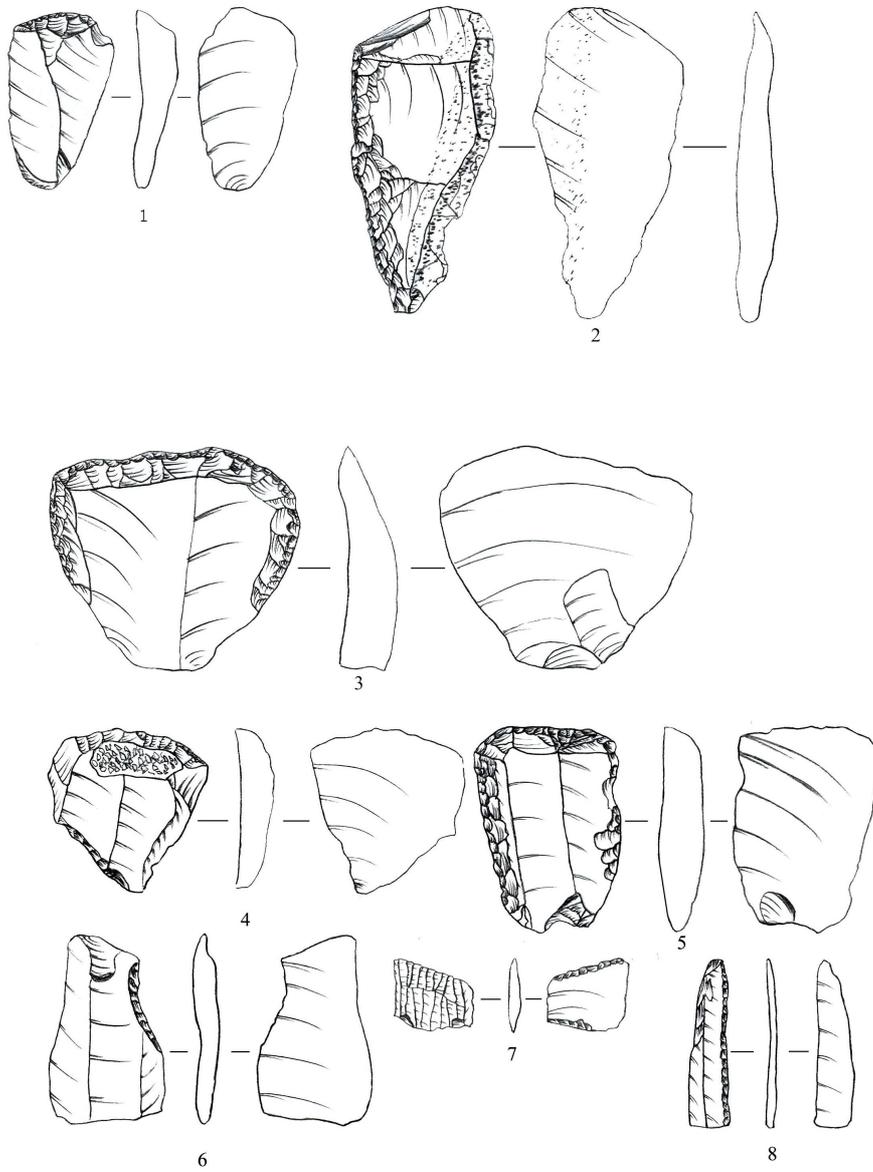

Рис. 3. Новая Бахмутовка-1. Кремневые изделия: 1-5 скребки, 6 - скобель, 7 - трапеция, 8 - острие

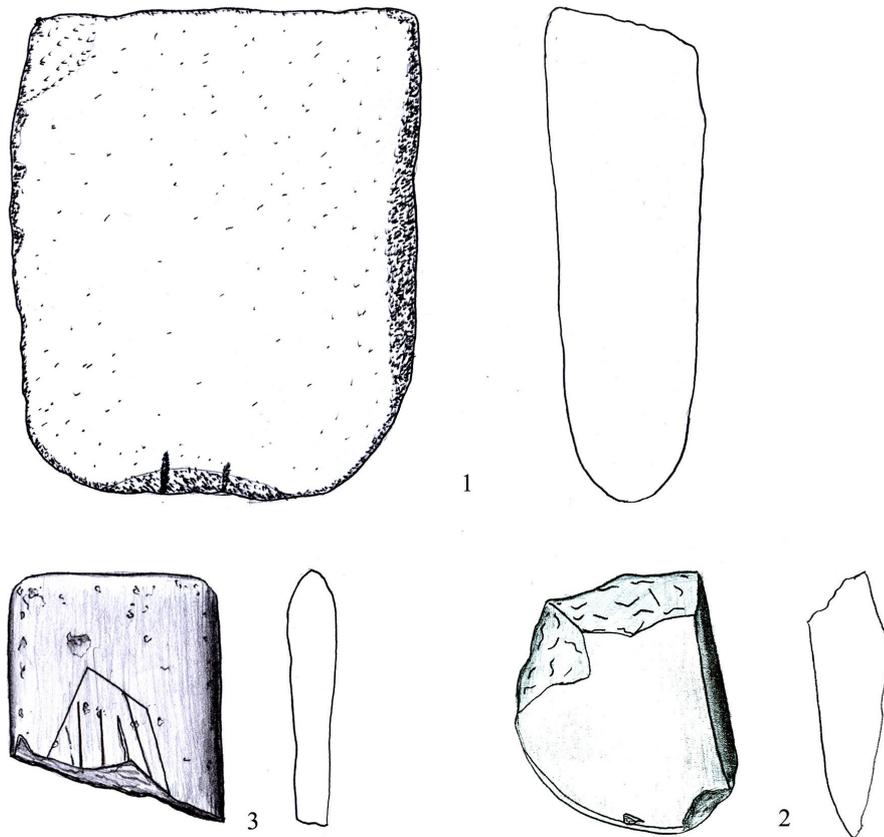

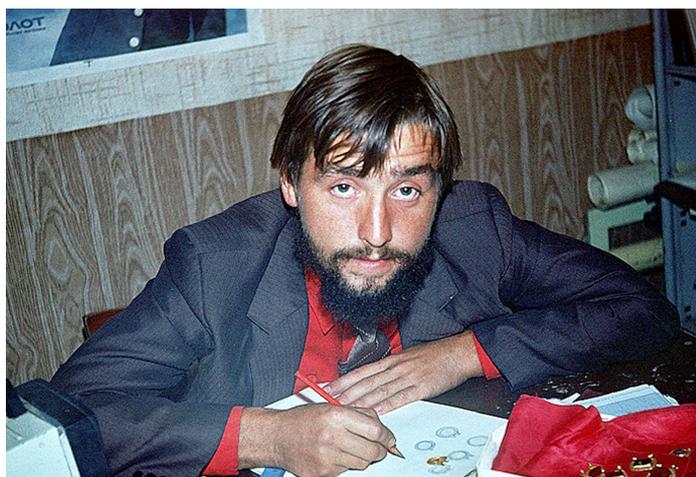
Рис. 4. Новая Бахмутовка-1. Изделия из мягких пород камня: 1 – абразивный камень, 2 – тесло, 3 – точильный брусок

ХРОНИКА

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ДМИТРИЕВИЧА МАТЮХИНА

17 мая 2011 г. в Саратове скоропостижно скончался наш друг и коллега, археолог Александр Дмитриевич Матюхин. Это не было неожиданностью, в последнее время он тяжело страдал от неизлечимой болезни, но, тем не менее, эта смерть глубоко потрясла всех, кто знал Александра. Он ушел из жизни слишком рано, не успев завершить многое из задуманного в науке.

Он родился в Саратове 1 февраля 1964 года. Детские и юношеские годы Саши пришлось на так называемые годы «застоя», завершавшие историю советской страны. Александра и его младшего брата воспитывала мать, женщина образованная, с широким кругозором. Видимо поэтому мальчишки росли любознательными, много читавшими, но их взросление было трудным, как и у всех подростков городских окраин. В таких случаях юношу спасает настоящее увлечение большим и значимым делом.

Археологией он увлекся еще будучи школьником, но первая поездка в Крым, в Тарханкутскую экспедицию, где работали ученые Ленинграда, Москвы, Саратова, оказалась для мальчишки неудачной. Впечатления не были яркими, и непоседа-подросток вернулся домой, так и не заинтересовавшись античной археологией. Но скоро начал заниматься в кружке Областной станции юных туристов, участвовал в детско-юношеских археологических слетах, выезжал в экспедиции, которыми руководил Н.М. Малов, на раскопки Студеновских, Натальинских и Медяниковских курганов, городища и энеолитического могильника на Хлопковом Бугре, селища «Еланский ручей».

После школы Александр поступил учиться на дневное отделение исторического факультета Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, который закончил в 1986 г., защитив дипломную работу по сарматской проблематике под научным руководством Е.К. Максимова. В студенческие годы регулярно принимал участие в археологических экспедициях В.Г. Миронова, В.А. Лопатина и Н.М. Малова. По окончании университета был принят на работу в Научно-исследовательскую археологическую лабораторию, где в 1988 г. приступил к самостоятельным полевым исследованиям в составе экспедиции А.И. Юдина.

Будучи сотрудником археологической лаборатории, Александр Дмитриевич внес заметный вклад в изучение погребальных памятников эпохи бронзы и раннего железного века Саратовской области. В частности, молодым исследователем были раскопаны курганы в междуречье Карамыша и Латрыка на пограничье Саратовского и Лысогорского районов, содержавшие неординарные погребения катакомбной, покровской, срубной культур эпохи средней и поздней бронзы, а также сарматские захоронения раннего железного века в могильниках «Большая Дмитриевка» и «Золотая Гора». Здесь найдены пышно орнаментированный бронзовый топор катакомбной культуры, костяные псалы ранней фазы позднего бронзового века, украшения из драгоценных металлов, янтаря, стеклянные и металлические сосуды поздней сарматской культуры.

Он входил в науку, как очень активный, увлеченный и удачливый исследователь. Первая статья Александра Дмитриевича, опубликованная в соавторстве с С.В. Ляховым в 1991 г. в АВЕС № 2, была посвящена позднесарматскому захоронению из Большой Дмитриевки. Этот неординарный материал и комплексы «Золотой Горы» неоднократно опубликованы и хорошо известны специалистам. Сейчас они занимают достойное место в экспозициях Саратовского областного музея краеведения, Энгельсского краеведческого музея и Археологического музея СГУ. Работая в археологической лаборатории, Александр Дмитриевич участвовал в составлении Археологических карт некоторых районов Саратовской области, систематизировал сарматские погребения Саратовского правобережья, опубликовав по этой теме несколько своих ранних статей.

В середине 1990-х годов Александр Дмитриевич, вместе с Ю.А. Африкановым, И.И. Дремовым, А.П. Захариковым, Г.И. Касанкиным, С.В. Ляховым и А.И. Юдиным, перешел на новое место работы, в Научно-производственный центр по историко-культурному наследию Саратовской области (НПЦ). Затем, в 2000-е годы, перебрался в Элисту, работал в раз-

личных экспедициях на территории Калмыкии, Ставрополя и Ростовской области. Александр Дмитриевич опубликовал около 20 научных статей, заметок, тезисов и монографию в соавторстве с А.И. Юдиным, которые изданы в Волгограде, Оренбурге и Саратове.

Большинство статей Александра Дмитриевича посвящено изучению сарматских погребений северных районов Волго-Донского междуречья и Саратовского Правобережья, являвшихся основной сферой его научных интересов. Остальные публикации изданы преимущественно в соавторстве с коллегами по НПЦ. Сюда входит серия статей, посвященных систематизации и публикации материалов эпохи поздней бронзы из раскопок курганов «Золотой Горы» и «Кочетного».

С осени 2010 г. Александр Дмитриевич тяжело болел, что явилось причиной преждевременной кончины. Он ушел из жизни, когда все археологи готовятся к новому полевому сезону, в конце весны. Все мы, его друзья и коллеги – археологи Саратовского государственного университета глубоко скорбим и будем помнить.

Лопатин В.А., Малов Н.М.

Список основных публикаций А.Д. Матюхина:

Новое позднесарматское погребение в лесостепном Саратовском Правобережье // АВЕС. Саратов, 1991. Вып. 2. (В соавторстве с С.В. Ляховым).

Исследование курганов у с. Большая Дмитриевка // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1992. Вып. 2.

Новые памятники эпохи ранней и средней бронзы из курганов у сел Новая Квасниковка и Большая Дмитриевка // Древняя история Волго-Уральских степей. Оренбург, 1992. (В соавторстве с С.В. Ляховым).

Сарматские памятники I–IV вв. Саратовского Правобережья (краткий обзор материала) // АВЕС. Саратов, 1992. Вып. 3.

Новые памятники раннего железного века из Саратовского Заволжья // Археологические вести. Саратов, 1993. Вып. 1.

Новое позднесарматское катакомбное погребение из Саратовского правобережья // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1993. Вып. 3.

Из истории исследования Большедмитриевского курганного могильника // Материалы научно-практической конференции по проблемам сохранения археологического наследия. Саратов, 1994.

Большедмитриевский могильник в системе сарматских древностей Волго-Донского междуречья // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов, 1997. Ч. 1.

Тайны «Золотых курганов» // Памятники Отечества. Вся Россия. Вольная губерния. Иллюстрированный альманах ВООПИиК. М., № 40 (3–4/1998). (В соавторстве с С.В. Ляховым).

Истоки сложения срубной культуры Нижнего Поволжья (по итогам исследований курганных могильников) // Гуманитарная наука в России: сороковские лауреаты. История. Археология. Культурная антропология и этно-

графья. М., 1996. (В соавторстве с А.П. Захариковым, Г.И. Касанкиным, А.И. Юдиным).

Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное и проблемы формирования срубной культуры Нижнего Поволжья // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. Вып. 1. (В соавторстве с А.П. Захариковым, Г.И. Касанкиным, А.И. Юдиным).

Курган – кенотаф раннего железного века в Саратовском Правобережье // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. Вып. 1.

Погребения с псалиями из Саратовского Правобережья // Древности Волго–Донских степей. Волгоград, 1998. Вып. 6.

Погребение эпохи ранней бронзы у с. Белогорье // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследование в 1997 году. Саратов, 1999. Вып. 3.

Формирование периферии кочевого мира в раннем железном веке // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Саратов, 2000.

Лесостепь и сарматы правобережья Волги // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2004.

Социальная структура раннесрубного общества по материалам могильников Кочетное и Золотая гора // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2005. Вып. 6. (В соавторстве с А.И. Юдиным).

Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное. Саратов, 2006. (В соавторстве с А.И. Юдиным).

Кавказские импульсы у сарматских племен лесостепного правобережья Волги // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2007.

СТАНИСЛАВ НИКИФОРОВИЧ БРАТЧЕНКО
(1936–2011)

21 февраля 2011 года в Киеве скончался Станислав Никифорович Братченко, один из крупнейших исследователей бронзового века Восточной Европы. Ушел человек, который любил нашу науку так, как никто другой. Она была его самой сильной, всепоглощающей страстью, смыслом жизни. Ей в жертву были принесены здоровье, личное благополучие, служебная карьера и многое, многое другое. Но зато как бывал счастлив этот человек, когда ему удавалось беспрепятственно заниматься своим любимым делом.

По своей сути, по жизненному призванию С.Н. Братченко был настоящим творцом, первооткрывателем. Он видел то, что другие просто не замечали, проходили мимо. Так, он мог открыть новый археологический памятник там, где, казалось бы, все уже было известно. Когда он его находил, то приходилось только удивляться, почему этот памятник не был обнаружен раньше. В этой связи я приведу только один эпизод из богатой полевой

биографии С.Н. Братченко – открытие в 1963 году Ливенцовской крепости бронзового века. Он нашел ее на том месте, которое неоднократно проходили с разведками московские, ленинградские и ростовские археологи. Но только С.Н. Братченко сумел рассмотреть в невыразительной груде камней остатки крепостной стены. После открытия этой крепости стало очевидно, что обнаружен новый, ранее неизвестный тип памятника эпохи средней бронзы. Полученный материал вскоре позволил С.Н. Братченко заявить, что Ливенцов-

ская крепость и еще ряд крымских поселений принадлежат особой культурной группе (на мой взгляд, отдельной культуре), которая была названа каменско-ливенцовская. Впоследствии он неоднократно возвращался к этой теме, дополняя и уточняя свои первоначальные выводы. Наконец, в 2006 году вышла его монография, посвященная Ливенцовской крепости. Это блестящая работа! Ее можно поставить в один ряд с лучшими книгами по археологии, опубликованными на рубеже прошлого и нынешнего столетий.

Со своей студенческой молодости С.Н. Братченко был известен на Нижнем Дону как великолепный разведчик и раскопщик. Копал он, действительно, мастерски. Это может подтвердить каждый археолог, который провел с ним хотя бы один полевой сезон. Раскопки были его родной стихией. Копал он много и регулярно, проводя в экспедиции по несколько месяцев кряду. Работая в основном на договорные средства, С.Н. Братченко вынужден был исследовать памятники разных эпох. Это его не смущало. Каждый из них он изучал тщательно и в полном объеме. У него было хорошо развито чувство профессионального долга. Кроме того, его привлекал сам процесс раскопок, а точнее говоря, методика их проведения. Он стремился всячески развить и усовершенствовать методы полевых исследований. Особенно большое внимание он уделял технике фиксации полевой информации. Существующее положение дел его не удовлетворяло. Чтобы изменить ситуацию в лучшую сторону, он разработал целую систему графических символов. Они были призваны документировать максимальное число полевых наблюдений.

Методические новации С.Н. Братченко нашли отражение в его публикациях и особенно в его полевых отчетах. Эти последние могут считаться полноценными научными работами. Они насыщены многочисленными чертежами, рисунками, схемами и фотографиями. В них можно найти не только новые материалы, но также важные выводы и замечания. Поэтому неудивительно, что в профессиональной среде отчеты С.Н. Братченко рассматриваются как первоклассные источники.

Необходимо сказать еще об одной стороне экспедиционной деятельности С.Н. Братченко. На протяжении ряда лет он был начальником Северо-Донецкой экспедиции Института археологии Украины. В процессе ее работы были сделаны важные открытия, получен новый большой материал. Представляется, что не менее важным результатом работы этой экспедиции была подготовка местных археологических кадров. К С.Н. Братченко ехали студенты-историки со всех концов Донбасса. Их привлекала не только экспедиционная романтика и юношеский интерес к древностям. Их также привлекала сама фигура С.Н. Братченко. Они интуитивно чувствовали, что это необыкновенный человек. Вокруг него как бы само собой возникала атмосфера творчества и некоторой загадочности, что так нравится молодежи. Благодаря С.Н. Братченко многие молодые люди заинтересовались наукой, а некоторые из них стали профессиональными археологами. В 80-е годы ученики С.Н. Братченко начали самостоятельные работы, что в конечном итоге привело к созданию донецкого и луганского археологических центров.

Талант полевого исследователя органически сочетался у С.Н. Братченко с даром кабинетного аналитика. Он мыслил ясно, четко и предметно, что отразилось в его письменной речи. Свои взгляды он излагал простым и по-

нятым языком. С.Н. Братченко предпочитал придерживаться индуктивного метода исследования. Его работы обычно начинаются с анализа конкретных материалов и только затем автор переходит к обобщению. С.Н. Братченко был осторожен и осмотрителен в своих выводах. Он всегда старался их аргументировать и, как правило, избегал категорических формулировок. Но конечно, С.Н. Братченко, как и всякий много работающий ученый, ошибался. Однако случалось это сравнительно редко. Чаще всего его выводы и предположения в последствие находили подтверждение. Поэтому профессиональный авторитет С.Н. Братченко был необычайно высоким.

Аналитические способности С.Н. Братченко ярко проявились уже в его первой большой работе, опубликованной в Киеве в 1976 году «Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы». В ней была поставлена задача установить хронологическую последовательность нижнедонских памятников эпохи средней бронзы. С.Н. Братченко пошел по пути тщательного типологического анализа всех доступных тогда материалов. Были классифицированы основные категории инвентаря, а также все разновидности погребальных сооружений. В результате удалось выделить множество разнообразных типов. Изучив их сопряженность в замкнутых комплексах, С.Н. Братченко установил, что в эпоху средней бронзы на Нижнем Дону была не одна, а несколько культур. Это был новый и неожиданный вывод. С помощью стратиграфических данных он установил относительную хронологию этих культур и выяснил, что некоторые из них существовали одновременно. Это также не укладывалось в привычные представления. В итоге С.Н. Братченко нарисовал сложную, но, как показали дальнейшие исследования, вполне реалистичную картину культурно-исторического развития в эпоху средней бронзы на территории нижнедонских степей.

Уже в 80-х годах прошлого столетия эта книга С.Н. Братченко приобрела статус классического произведения. Причем это произошло стихийно, без всякой рекламы и внешнего давления. В качестве образца ее выбрало само научное сообщество. Она и сейчас остается востребованным сочинением. За эти несколько десятков лет, которые прошли с момента ее издания, никто так и не сумел лучше, чем Братченко, написать о катакомбных памятниках Восточной Европы. Превзойти его смог только сам Братченко.

В 2001 году он выпустил книгу «Донецкая катакомбная культура раннего этапа», в которой были затронуты некоторые вопросы, поднятые им еще в 1976 году. Она была издана в Луганске на украинском языке. К сожалению, в техническом отношении эта книга оформлена не очень удачно. Но все эти недостатки с лихвой компенсируются ее научными достоинствами. Прежде всего отметим, что работа имеет очень продуманную структуру. Каждая из ее 5 глав точно соответствует ключевым пунктам заявленной темы. Ничего лишнего нет. К этому еще следует добавить, что работа написана простым, ясным языком и снабжена большим количеством тщательно подобранных чертежей и рисунков. Большинство иллюстраций выполнено в сдержанной, лаконичной манере, свойственной графике С.Н. Братченко.

Работа начинается с обзора источников. Они описаны кратко, но очень хорошо проиллюстрированы. Из 121 рисунка, помещенных в книгу, 65 отведено им. Далее автор переходит к их анализу. Описывая материалы, он четко

указывает критерии их классификации, но при этом всячески стремится избежать схематизации. Подразделения его классификации (отделы, типы, варианты) не имеют четко фиксированных границ. Тем не менее, их содержание сформулировано очень ясно. В целом можно сказать, что благодаря своей гибкости и пластичности классификация С.Н. Братченко является очень эффективным исследовательским инструментом. Ее мог создать только большой мастер, досконально знающий материал.

Выделенные типы позволили С.Н. Братченко идентифицировать раннюю катакомбную культуру и расчленить ее на локальные варианты или группы. Всего их оказалось 5: северо-донецкая, нижнедонская, северо-приазовская, кубано-азовская и восточно-маньчская. Картографирование показало, что они занимают весьма определенный ареал. Он протянулся вдоль побережья Азовского моря от низовий Кубани до Нижнего Поднепровья. С.Н. Братченко справедливо заключил, что именно здесь и находился первичный очаг катакомбного культурогенеза.

Раннекатакомбные группы отличаются друг от друга элементами погребального обряда и, самое главное, – типами керамики. Имеются также антропологические отличия. Вместе с тем их объединяет целый ряд общих черт. Одни из них свидетельствуют об их синхронности, а другие – об общности происхождения. Как выяснил С.Н. Братченко, все они, кроме, возможно, кубано-азовской группы, имеют ямный субстрат. Причем каждая из них возникла на базе того или иного локального варианта ямной культуры. Это во многом объясняет как черты их сходства, так и различий.

Ямное наследие можно найти практически во всем. Но лучше всего оно прослеживается в керамике. Часть раннекатакомбных сосудов являются типично ямными, и даже иногда возникает вопрос об их культурной принадлежности. Таким образом, имеются все основания говорить о генетической связи раннекатакомбной культуры с ямной. Этот вывод не является новым. Он давно уже был сделан сторонниками автохтонного происхождения этой культуры. Но только С.Н. Братченко сумел его доказать. Он привел столь многочисленные и убедительные аргументы, что вряд ли кто-нибудь их сможет опровергнуть.

Однако все это не означает, что катакомбная культура возникла в результате эволюционного развития ямной. Дело в том, что в ней есть целый ряд элементов, которые невозможно вывести из ямного субстрата. Это прежде всего касается самой катакомбы. Даже при очень развитом воображении трудно представить себе, каким образом грунтовая яма может превратиться в подземную камеру. Поэтому этот довод стал главным аргументом миграционистов. Все они, начиная с В.А. Городцова, истоки катакомбной культуры искали прежде всего там, где широкое распространение получил катакомбный обряд. В этой связи чаще всего называлось Восточное Средиземноморье. Здесь он стал известен с эпох энеолита – ранней бронзы. Шире всего он был распространен в третьем тыс. до н. э. С.Н. Братченко показал, что в это же время катакомбы появились и в целом ряде других регионов Евразии (Малопольша, Дагестан, Туркмения, Узбекистан и т. д.). На юге Восточной Европы также известны катакомбы раннего времени. В них находят керамику майкопско-новосвободненского облика. К сказанному еще следует добавить, что

погребения в катакомбах нередко встречаются в раннем железном веке и в эпоху средневековья.

Эти данные не подтверждают широко распространенного мнения о моноцентрическом происхождении катакомб. Напротив, они говорят в пользу их конвергентного возникновения. Эта форма погребального сооружения появлялась спонтанно в разных местах и в разные времена. Поэтому более вероятно, что в раннекатакомбной культуре она возникла самостоятельно. Этот теоретический вывод С.Н. Братченко подтверждает конкретными фактами. Так называемые «Т»-видные катакомбы, характерные для всех раннекатакомбных групп, не имеют аналогий в других регионах. Там были распространены другие разновидности катакомб, которые на Юге Восточной Европы получили распространение только на среднем и позднем этапах развития катакомбной культуры. Важно также отметить, что катакомбный обряд унаследовал целый ряд ямных черт. Они фиксируются в конструкции приазовских катакомб (заплечики вдоль длинных стенок колодца и т. д.), а также в содержательной стороне обряда (поза и ориентировка костяков и т. д.).

Вместе с тем, С.Н. Братченко, как и ряд других исследователей (Г. Чайльд, М.И. Артамонов, В.Я. Кияшко и т. д.) отмечает структурное и обрядовое подобие приазовских катакомб и порталных дольменов Северо-Западного Кавказа. Судя по некоторым деталям (плоский потолок камер катакомб, их прямоугольное очертание и т. д.), первые из них испытали влияние вторых. Поэтому С.Н. Братченко заключил, что формирование катакомбного обряда на территории Приазовья проходило под воздействием Кавказа.

В целом, как мне представляется, С.Н. Братченко удалось достаточно убедительно обосновать самостоятельное происхождение приазовских катакомб. Они возникли как бы внезапно по той причине, что сформировался новый погребальный обряд, который предусматривал склеповый (подземный) характер захоронений.

Кроме новых форм погребальных сооружений, в раннекатакомбной культуре появился еще целый ряд новшеств: жаровни, курильницы, кубки, деформация черепов и т. д. По мнению С.Н. Братченко, большинство из них возникло на месте, но их формирование было стимулировано внешними взаимодействиями и влияниями. В качестве доноров выступали как синхронные культуры степного пояса Евразии, так и особенно Кавказа.

Привлекают внимание прежде всего инновации в керамическом производстве. Раннекатакомбную керамику С.Н. Братченко разделил на три группы. Первую из них составляют ямные сосуды. Как уже говорилось, они лучше, чем что-нибудь другое, говорят о генетическом родстве катакомбной и ямной культур. Вторая группа в основном состоит из банок, украшенных своеобразным орнаментом (косо-ромбические и вертикальные композиции), выполненным зубчатым штампом, наколами, «шагающей гребенкой». Этот орнамент, как и техника его исполнения, по данным С.Н. Братченко и А.В. Кияшко, ближайшие аналогии имеют в синхронных культурах Волго-Уралья, Западной и Южной Сибири. Но они отсутствуют в позднеямной культуре. Поэтому очень вероятно, что вторая керамическая группа возникла в результате северо-

восточного влияния. Существовала она сравнительно короткий промежуток времени. В среднекатакомбный период она отсутствует.

Инновационный характер также следует приписать керамике третьей группы. В раннекатакомбное время она представлена небольшим количеством экземпляров. Намного чаще ее начали использовать позднее, на втором этапе. Тогда она превратилась в своего рода визитную карточку донецкой катакомбной культуры. В эту группу, в основном, входят банки, короткошейные и длинношейные кубки, украшенные выразительным орнаментом. Этот орнамент исполнен как в старой ямной технике, так и в новой, тесемчатой. Отпечатками тесемы наносились округлые и спирально-концентрические узоры. Это был новый, ранее неизвестный изобразительный стиль. Его формирование, в основном, следует связывать с донецким вариантом раннекатакомбной культуры. Как показал С.Н. Братченко, он возник в результате переработки и нового использования спиральных и криволинейных узоров, первоначально распространенных на северокавказских металлических изделиях (в основном, в украшениях). Эти узоры в Подонцове и на Нижнем Дону были адаптированы для орнаментации местной керамики. Их увеличили в размерах и композиционно перекомпоновали в соответствии с нормами ямной стилистики. Судя по всему, именно таким образом возникла своеобразная манера орнаментации, которая получила название «катакомбное барокко».

Таковы, по С.Н. Братченко, традиции и инновации раннекатакомбной культуры. Можно заключить, что второй из этих компонентов играл несколько более важную роль, чем первый. На том этапе развития именно он придал культуре новый облик. В этой связи достаточно вспомнить появление катакомбного обряда погребения. Вместе с тем нельзя забывать о ямном субстрате. Такого рода баланс традиций и инноваций обычно ведет к сравнительно быстрому преобразованию (трансформации) старой культуры в новую.

Надо полагать, что трансформация ямной культуры в раннекатакомбную проходила под воздействием как внутренних, так и внешних стимулов. В отношении первых из них практически ничего неизвестно. Их придется еще искать. Но внешние стимулы вполне очевидны. Это прежде всего кавказский импульс. Его распространению способствовали разнообразные и глубокие контакты, которые издревле связывали обитателей степных и горных регионов. С.Н. Братченко пишет об инфильтрации северокавказского населения на Нижний Дон и Северский Донец. Так или иначе, следы кавказского влияния очень многочисленны. Особенно хорошо они заметны в металлопроизводстве, которое в основном использовало кавказское сырье. Об огромной роли кавказского фактора в формировании раннекатакомбной культуры свидетельствует также ее ареал. Он занимает только ту часть огромной территории ямной общности, которая ближе всего расположена к Северо-Западному Кавказу. Это Приазовье. Показательно, что в таких отдаленных от Кавказа регионах, как Среднее Подонье или Северо-Западное Причерноморье, раннекатакомбная культура практически отсутствует. Что касается Нижнего и Среднего Поволжья, то широкому проникновению сюда кавказского влияния воспрепятствовал урало-сибирский импульс. В результате здесь возникла своеобразная полтавкинская культура. Она также сформиро-

валась на ямной основе, но относить ее к числу катакомбных образований нельзя. Урало-Сибирское влияние достигло также Нижнего Подонья. Об этом говорит упомянутое выше вторая группа раннекатакомбной керамики. Но здесь, в отличие от Поволжья, оно не сыграло определяющей роли. Тем не менее оно также способствовало процессу трансформации местного варианта ямной культуры.

Завершая обзор книги С.Н. Братченко, отмечу, что изложенная в ней концепция убедительно опровергает миграционную гипотезу происхождения раннекатакомбной культуры. Вместе с тем она лишь частично подтверждает автохтонную теорию. С.Н. Братченко предлагает третий вариант решения проблемы, который кажется самым убедительным.

Таковы основные положения этой книги С.Н. Братченко. Я остановился на ней столь подробно по той причине, что, на мой взгляд, она имеет большое значение для будущего развития археологии эпохи бронзы Восточной Европы. В этой работе заложен мощный идейный потенциал, реализация которого займет не одно десятилетие. Это своего рода научное завещание С.Н. Братченко.

Он прожил счастливую жизнь в науке. Занятие ею приносило ему подлинную радость и удовлетворение. Каждый раз, когда удавалось открыть что-то новое, он приходил в необыкновенное возбуждение. С криком «проклятие» он начинал смеяться и радостно потирать руки. Это был восторг ребенка, который вдруг увидел что-то необыкновенное и очень приятное. Но далеко не все коллеги С.Н. Братченко разделяли его страстное увлечение наукой. У некоторых из них оно вызывало раздражение и неприязнь. Они считали его странным, неуживчивым и неприятным человеком. Это его глубоко обижало. Он все больше и больше отдалялся от таких людей...

Известно, что память о себе ученый оставляет своими работами. Чем они лучше, тем дольше его помнят. С.Н. Братченко будут помнить долго, ибо его замечательным книгам и статьям суждена жизнь классических произведений. Вместе с ними будет жить имя моего дорогого друга.

*Санкт-Петербург
10 июля 2011 год*

В.С. Бочкарев

Основные работы С.Н. Братченко

Книги:

Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы (периодизация и хронология памятников). Киев, 1976. 249 стр.

Редкие бронзовые изделия из катакомб Северско-Донетчины и Подонья. III тыс. до н. э. (совместно с Санжаровым С.М.). Луганск, 2001. На украинском языке. 107 стр. Донецкая катакомбная культура раннего этапа. 2 части. Луганск, 2001. 107 стр., 121 рис. Левенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века // Матеріали та дослідження з археології Східної України. № 6. Луганськ, 2006. Стр. 32–307.

Статьи:

Многослойное поселение Ливенцовка I на Дону // Археологія. Т. 22. Київ, 1969. С. 210–231. (На украинском языке).

К вопросу о сложении бабинской культуры (многоваликовой керамики) // Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. Киев, 1977. Стр. 21–42.

К определению уровня развития бронзовой индустрии в эпоху бронзы // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1982. Стр. 50–53.

Культура многоваликовой керамики // Археология Украинской ССР. Т. 1. Киев, 1985. Стр. 451–458.

Катакомбная культурно-историческая общность (совместно с О.Г. Шапошниковой) // Археология Украинской ССР. Т. 1. Киев, 1985. Стр. 403–419.

Лук и стрелы эпохи енеолита–бронзы Юга Восточной Европы // Археологія. № 4. Київ, 1989. Стр. 70–82

Пряжки эпохи поздней бронзы и их северокавказские формы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. Ч. 2. СПб., 1995. Стр. 82–86.

К проблеме раннебронзовой индустрии Восточной Европы // Древние культуры Восточной Европы. Луганск, 1996. С. 32–57. (На украинском языке).

Список сокращений:

АВЕС – Археология Восточно-Европейской степи
АМА – Античный мир и археология. Саратов
АН – Академия наук
АО – Археологические открытия
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БСЭ – Большая советская энциклопедия
ВАК – Всероссийская аттестационная комиссия
ВДИ – Вестник древней истории. Москва
ВОКМ – Волгоградский областной краеведческий музей
ВООПИК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГАСО – Государственный архив Саратовской области
ГИМ – Государственный исторический музей
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ИА – Институт археологии
ИА РАН – Институт археологии
ИАК – Известия Археологической комиссии
ИАК – Императорская археологическая комиссия
ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН
ИНВИК – Известия Нижне-Волжского института краеведения
ИСТАРХЭТ – Общество истории, археологии и этнографии при СГУ
КалмИОН – Калмыцкий институт общественных наук
КалмНИИ ИФЭ – Калмыцкий научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики
КалмНИИЯЛИ – Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
КалмРКМ – Калмыцкий республиканский краеведческий музей им. Н.Н. Пальмова
КСИА – Краткие сообщения института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
ЛОИИМК – Ленинградское отделение института истории и материальной культуры
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

НАВ – Нижневолжский археологический вестник
НВИК – Нижневолжский институт краеведения
НЕ СГУ – Научный ежегодник СГУ
НИАЛ – Научно-исследовательская археологическая лаборатория
НИЧ – Научно-исследовательская часть
ОЛ – Открытый лист
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук
СА – Советская археология
СГПИ – Саратовский государственный педагогический институт
СГСЭУ – Саратовский государственный социально-экономический университет
СГУ – Саратовский государственный университет
СОМК – Саратовский областной музей краеведения
СУАК – Саратовская губернская ученая архивная комиссия
СЭ – Советская этнография
Труды ОИАИЭ – Труды Общества истории, археологии и этнографии при Саратовском университете
УЗ СГУ – Ученые записки СГУ
ЭКМ – Энгельский краеведческий музей
ИИАП – Институт истории и археологии Поволжья

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Васильева И.Н.* Технология керамики Варфоломеевской стоянки.....5
- Мимоход Р.А.* Костяные и роговые пряжки финала средней – начала поздней бронзы в восточной европе и на кавказе как хронологические индикаторы и свидетельства культурных контактов.....23
- Лопатин В.А.* «Воронежский» вектор становления памятников покровского типа на Волге45
- Малов Н.М.* Погребение покровской культуры с фрагментами щитковых псалиев из тарумовского индивидуального кургана № 2.....74
- Хреков А.А.* Некоторые итоги и проблемы изучения постзарубинецких памятников Прихоперья.....91

ПУБЛИКАЦИИ

- Кочерженко О.В., Слонов В.Н.* Курган у села Симоновка и некоторые вопросы интерпретации культурных групп переходного времени между средней и поздней бронзой.....115
- Кубанкин Д.А.* Археологические раскопки на увекском городище в 2005–2011 гг.124

ЗАМЕТКИ

- Сергеева О.В.* Раскопки поселений эпохи поздней бронзы в Заволжье в 1920-е годы XX века139
- Орленко А.В., Жирун М.Ю., Ларенок П.А.* Охранные раскопки поселения Ново-бахмутовка-1 в Ростовской области.....174

ХРОНИКА

Памяти Александра Дмитриевича Матюхина	185
Станислав Никифорович Братченко (1936–2011).....	189
Список сокращений.....	197
Содержание	199
Сведения об авторах.....	201

Сведения об авторах:

Бочкарев Вадим Сергеевич – старший научный сотрудник ИИМК РАН (С.-Петербург).

Васильева Ирина Николаевна – кандидат исторических наук (Самара).

Жирун Михаил Юрьевич – научный сотрудник НП «Южархеология» (Ростов-на-Дону).

Кочерженко Ольга Васильевна – (Саратов).

Кубанкин Дмитрий Александрович – научный сотрудник СОМК (Саратов).

Ларенок Павел Анатольевич – научный сотрудник НП «Южархеология» (Ростов-на-Дону).

Лопатин Владимир Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент СГУ (Саратов).

Малов Николай Михайлович – кандидат исторических наук, доцент СГУ (Саратов).

Мимоход Роман Алексеевич – научный сотрудник ИА РАН (Москва).

Орленко Алексей Викторович – научный сотрудник НП «Южархеология» (Ростов-на-Дону).

Сергеева Оксана Владимировна – кандидат исторических наук, зав.экспозиционным отделом Энгельсского краеведческого музея (Энгельс).

Слонов Владимир Николаевич – кандидат исторических наук (Саратов).

Хреков Анатолий Анатольевич – старший преподаватель Балашовского педагогического института СГУ (Балашов).